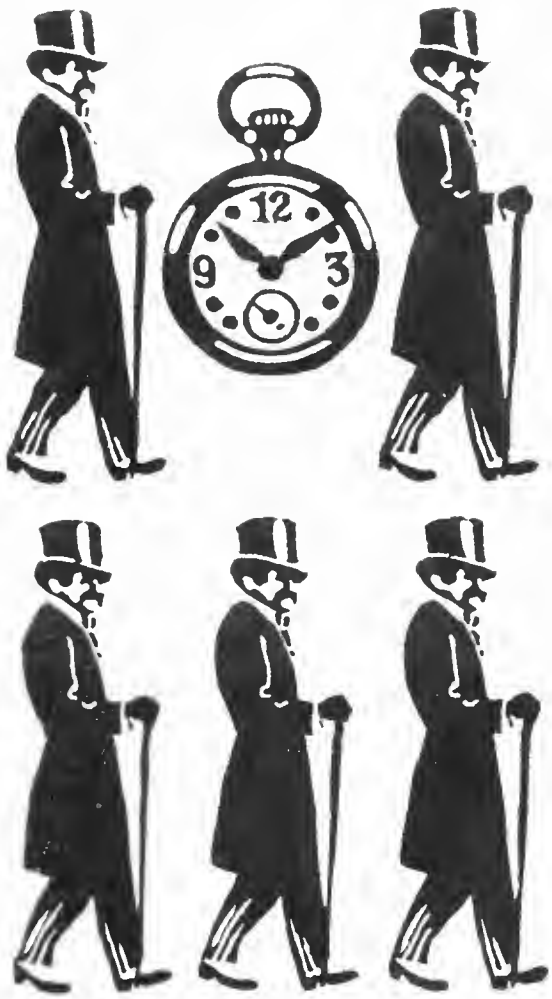
Я. Н. Ривош

ВРЕМЯ И ВЕЩИ



Я. Н. Ривош

ВРЕМЯ И ВЕЩИ

Очерки по истории
материальной
культуры
в России
начала XX века

Москва
«Искусство»
1990

ББК 63.3
Р49

Общая редакция и примечания доктора исторических наук
профессора Н. П. Ерошкина

Ривош Я. Н.

Р 49 Время и вещи: Иллюстрированное описание костюмов и аксессуаров в России конца XIX — начала XX в.— М.: Искусство, 1990.—304 с., ил.
ISBN 5—210—00449—х

Уникальные фотографии, составляющие книгу, на протяжении иескольких десятков лет по крупицам собирал известный художник киио Я. Ривош. Государствеиные и частные коллекции, архивы старых фотографов и семейные альбомы были источниками, постоянно пополнявшими это редкостное собраиие. В книге представлеи лишь один тематический пласт этого собрания, касающийся материальиой культуры России рубежа XIX — XX вв. Портреты и костюмы представителей разных классов, сословий, профессий, интерьеры жилищ, виды улиц, средства сообщеиия, предметы быта — все это не только широко представлено в фотографиях, ио и подробно описано в сопровождающем их тексте.

Р $\frac{4911000000\text{-}122}{025(01)\text{-}90}$ 156-89

ББК 63.3

ISBN 5-210-00449-X

© Издательство «Искусство», 1990 г.

От автора

Почему, о чем и для кого написана эта книга

Уже несколько десятилетий отделяют нас от эпохи, предшествовавшей Великой Октябрьской социалистической революции, но неизменным остается огромный интерес к ней со стороны все новых и новых поколений советских людей.

Выражением этого интереса, в частности, являются посвященные этой эпохе современные литературные произведения, кинофильмы, картины и скульптуры, профессиональные и самодеятельные спектакли.

Существующая исследовательская и мемуарная литература широко освещает политико-экономические процессы, исторические факты, идеологию и мировоззрение участников этих событий. Но при этом в ней мало можно почерпнуть сведений о внешнем облике людей, об окружавших их вещах, об аксессуарах быта, а без этого нельзя составить правильное визуальное представление о материальной культуре эпохи, характере отношений между людьми и тем более воссоздать исторические реалии в том или ином художественном произведении.

Попыткой восполнить в какой-то мере существующий пробел и должна быть, по мнению автора, настоящая книга.

Идея ее написания принадлежит выдающемуся советскому кинорежиссеру Сергею Дмитриевичу Васильеву — одному из братьев Васильевых, создателей знаменитого «Чапаева». Мне посчастливилось работать вместе с С. Д. Васильевым над фильмом «В дни Октября». При подготовке к съемкам этого фильма пришлось проделать огромную работу по воссозданию костюмов, вооружения, транспорта, реквизита той эпохи (к тому времени подлинные вещи из-за небрежного хранения и неоправданных переделок почти полностью исчезли со складов киностудий).

С. Д. Васильев, сам участник Октябрьской революции, требовал документальной точности во всех мелочах. Неоценимую помощь в этом оказал нам фотоотдел Ленинградского архива Октябрьской революции и социалистического строительства — ныне Ленинградский государственный архив фотофонокинодокументов, располагающий огромным количеством фотографий, относящихся к 1917 году и нескольким предшествующим ему десятилетиям. Много уникальных фотографий и образцов подлинных вещей удалось приобрести у старых ленинградцев. К консультации фильма С. Д. Васильев привлек знатоков и современников эпохи: крупнейшего специалиста по истории русского военного костюма профессора Якова Ивановича Давидовича и научного сотрудника Русского музея — Александра Александровича Войтова.

Были найдены мастера — портные, сапожники, шапочники и другие специалисты,— работавшие еще в 1917 году и знавшие секреты изготовления тех или других вещей.

Таким образом, волей обстоятельств в моих руках скопился уникальный материал, состоящий из подлинных фотографий и документов, а также из описаний и комментариев, сделанных современниками эпохи и специалистами-историками. Вот тогда-то Васильев и высказал мысль, что моей обязанностью как «современника эпохи Октябрьской революции» (так он шутливо тогда выразился, зная, что в 1917 году мне было девять лет) является донести до новых поколений всю сумму знаний, приобретенных во время нашей работы над фильмом, приведя их в некую систему. Короче говоря, он стал уговаривать меня написать книгу, опираясь на подлинные фотографии и документы.

Идея эта меня захватила, тем более что я ясно понимал, как вообще необходимы издания подобного рода.

Не раз появлялись на экране исторические и историко-революционные фильмы, содержащие фактические ошибки и неточности, вызванные главным образом тем, что авторы их просто не имели возможности узнать, как же выглядело в действительности все то, что показывается ими на экране. В ряде же случаев пользуются «вторичным» материалом, варьирующим расхожие штампы, которые обедняют, а порой и искажают представление об эпохе.

После фильма «В дни Октября» мне привелось работать еще над одним фильмом, посвященным революции,— над двухсерийной картиной «Две жизни» («От Февраля к Октябрю»), которую ставил замечательный режиссер Леонид Луков. Задача была не из легких, что объяснялось в первую очередь масштабом и широтой охвата материала. Однако опыт, приобретенный на фильме «В дни Октября», во многом облегчил мне работу. В свою очередь «Две жизни» значительно обогатили мои сведения об эпохе, обогатили и собранную коллекцию фотографий.

Передо мной возник вопрос: на какого читателя я должен ориентироваться? На своего коллегу — художника театра и кино, нуждающегося в подробных сведениях о костюмах, интерьере, всевозможных исторических аксессуарах определенного отрезка времени, либо на более широкого читателя, который возьмет в руки книгу для того, чтобы познакомиться с характерными приметами минувшей эпохи? И та и другая задача правомерна и интересна.

Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что не следует ограничиваться какой-то одной из них, а попытаться создать своего рода путеводитель по воображаемому музею, где собран весь этот материал, не отбрасывая даже самых незначительных подробностей и деталей. Пусть читатель сам пропустит те страницы, которые ему неинтересны. С другой стороны, для того чтобы в точности восстановить тот или иной предмет, костюм, интерьер и правильно функционально его использовать, нужны самые доскональные сведения.

Таковы соображения, которыми я руководствовался, приступая к работе над книгой. Оказался ли я прав — судить не мне.

Какой материал по объему и времени заключает эта книга

Определить, чем закончить книгу, оказалось довольно просто, ибо 1914 год явился переломным в истории царской России, положившим конец тому отрезку времени, который, несмотря на все нарастающие классовые противоречия, несмотря на явственно ощущаемое приближение революционных катаклизмов, назывался мирным. Основной же материал книги относится к последней четверти XIX века и первому десятилетию XX столетия.

Внешний облик представителей различных классов, сословных групп и профессий, окружающая их материальная среда, улицы до революции и во время революции, домашний и служебный интерьер, средства связи, предметы повседневного быта, различные виды транспорта, а также те или иные изменения и дополнения, внесенные первой мировой войной и Февральской революцией,— вот что мне представлялось основным содержанием книги. Именно в этом материале концентрируется своеобразие и неповторимость эпохи, именно этот материал исчез вместе с ней. Отдельные предметы и вещи, сохранившиеся до наших дней, пережившие эпоху, вырванные из обстановки, в которой они находились, потерявшие свою функциональность, напоминают кости ископаемых животных, по которым палеонтологи стараются восстановить их облик и образ жизни.

Большинство вещей интересующего нас времени оказалось вдобавок в особо неблагоприятных условиях: они уже перестали быть предметом пользования и в то же время, к сожалению, еще не стали объектом музейного хранения, как вещи XVIII и начала XIX века. Зато сохранились огромные залежи фотографий — в частных коллекциях и в архивах.

Большинство фотографий, помещенных в этой книге, взяты мною из собрания Ленинградского государственного архива фотофонокинодокументов.

В подборе и розыске фотографий большую помощь оказали начальник Ленинградского архива Октябрьской революции и социалистического строительства, кандидат исторических наук Х. Х. Камалов и заведующий сектором хранения Ленинградского государственного архива фотофонокинодокументов Р. И. Зорина, за что я приношу им глубокую благодарность.

Какой материал не вошел в эту книгу

За рамками книги оказался материал, тематически укладывающийся в существующие в ней разделы, но не вмещающийся вследствие своего большого объема. Если взять, например, только женский костюм или военный костюм этого периода, то для того, чтобы их показать, нужны самостоятельные издания. Кроме того, уже существует большая литература, посвященная костюмам и моде той эпохи,— бесчисленное количество модных журналов и разного рода справочники по военным формам, изданные до мировой войны (например, изданная в 1912 году книга полковника А. Шенка, показывающая формы всех полков русской армии).

Не вошли также в книгу такие разделы, как «Ордена», «Почтовые марки», «Денежные знаки». Не вошли потому, что существует обширная литература, написанная специалистами.

Но наиболее важным пробелом в освещении затронутой мною тематики является отсутствие материала о национальных окраинах Российской империи, ставших после Октября советскими социалистическими республиками. Однако Украина, Белоруссия, Средняя Азия, Кавказ, Прибалтика — все они имеют свою богатую народную материальную культуру, костюм, быт, этнографию, и, чтобы писать об этом, необходимо предпринять специальные исследования в области материальной культуры каждой из республик. Думается, что рано или поздно такие книги у нас появятся. В числе их, несомненно, будет и издание, посвященное материальной культуре русского дореволюционного крестьянства.

I. Внешний облик городов и улиц

Города русской дореволюционной провинции возникали в разные исторические периоды и отличались друг от друга масштабами, расположением, населенностью, памятниками архитектуры. Вместе с тем они имели много общего в планировке, характере зданий и построек.

Каждый губернский город был (или хотел быть) столицей в миниатюре, каждый уездный город был (или хотел быть) миниатюрой губернского. Губернский город и его обитатели, принадлежавшие к правящим классам, по мере своих возможностей тянулись за столицей, а уездные города и их обитатели брали за образец свой губернский город.

Петербургскому Зимнему дворцу в губернских городах подражал губернаторский дом, главному собору империи — петербургскому Исаакиевскому собору — губернский кафедральный собор, петербургскому Большому Гостиному двору — Гостиный двор (или, как он еще назывался, торговые ряды), сенату — судебная палата или окружной суд, военному министерству — управление военного округа. Святейший синод имел своего аналога в губернском епархиальном управлении.

Подражание это нередко приводило к разного рода курьезам и нелепостям, не только в архитектуре зданий, но и в костюмах, модах, нравах. В этом, как мне кажется, и лежат корни провинциализма — того явления, которому посвятила множество горестных, саркастических и гневных строк передовая русская литература XIX века и начала XX века.

В центре каждого города — большого и маленького — находилась площадь, на которой стояли главный кафедральный собор (или церковь) и дом губернатора или уездного исправника. Неподалеку находились гостиный двор или торговые ряды, гимназия и, конечно, полицейское управление, иногда размещенное вместе с пожарной командой под одной каланчой.

В каждом городе была главная улица. На ней помещались магазины и лавки. Здесь же гуляли, а на масленицу катались на тройках или в одиночных санях.

В каждом городе был городской сад. Как правило, в нем был летний театр, в котором выступали заезжие гастролеры, и уж обязательно в саду была беседка-эстрада, часто в псевдорусском «петушином» стиле, где по вечерам играл оркестр пожарных или военный духовой оркестр, а на садовых скамейках сидела «чистая публика». Прочие слушали музыку стоя.

На тихих улицах, прилегавших к городскому центру, стояли за оградами дворянские городские усадьбы и особняки. Магазинов и лавок тут, как правило, не было. Мало или совсем не было и доходных домов, в которых квартиры сдавались внаем. Во многих дворянских усадьбах и домах в начале XX века обитали богатые купцы и фабриканты, откупившие их у разорившихся владельцев. Большинство же купцов жили в верхних этажах своих магазинов и лавок в торговой части города. Фабриканты еще оставались в особняках, построенных при своих фабриках на городских окраинах.

Города росли, и бывшие окраины зачастую уже переставали ими быть, их окружали вновь проложенные и застроенные доходными домами улицы. Этот процесс происходил и в Петербурге и в Москве.

Город обретал уже не один, а два, три и более «центров». Стимулом роста всегда были экономические причины. То ли подводилась к городу ранее отсутствовавшая железная дорога, то ли развивалась какая-либо отрасль промышленности. Если таких стимулов не было, город не рос, а даже наоборот — из уездного превращался в «заштатный» [1].

Рост города способствовал росту благосостояния купцов, лавочников, разного рода администрации и, конечно, собственников земельных участков, цены на которые почти беспрерывно росли. В то же время рост города ухудшал жилищные и бытовые условия рабочего и неимущего люда, вытесняя их из центра в слободы и посады, окружавшие город со всех сторон и по мере разрастания города отодвигавшиеся все дальше и дальше от первоначального центра. Слободы, как правило, не имели водопровода, канализации, электричества, медицинского обслуживания.

Ко времени Октябрьской революции помимо домов, появившихся с 1880—1904 годов, сохранились административные здания и особняки XVIII — первой половины XIX века. Отсюда пестрота и разнообразие архитектурных стилей и форм.

Облик русских городов дополняли церкви и монастыри — памятники русской архитектуры.

Среди множества культовых сооружений, игравших значительную роль в городском силуэте, процент ранних, допетровских построек был довольно высок. Здания же гражданского назначения в основной своей массе относились к более поздним периодам.

Как известно, в интересах более интенсивной застройки Петербурга Петр I запретил каменное строительство по всей стране, включая Москву. Лишь с середины XVIII века началось более или менее планомерное строительство каменных зданий, в первую очередь — административных.

Со второй половины XVIII века начинается переселение дворянства из усадеб и поместий в города, что также стимулирует их городское строительство. В это же время города получают новые «регулярные» планы, по которым эта застройка и производится вплоть до начала XIX века. После войны 1812 года она возобновляется и продолжается до начала Крымской войны 1853—1855 годов. Именно в этот период возведено большинство административных зданий, существовавших в начале XX века. Следует указать, что здания эти, как правило, строились по типовым проектам.

Прототипами некоторых из них были построенные в столицах великими архитекторами И. Е. Старовым и Дж. Кваренги, В. И. Баженовым и М. Ф. Казаковым, К. И. Росси и В. П. Стасовым. Зачастую эти зодчие или их ученики строили и сами в провинции. Поэтому здания конца XVIII — первой половины XIX века и посейчас украшают города и находятся под охраной государства.

Основную массу городских построек составляли жилые здания — обывательские и доходные дома. Обывателями назывались горожане и жители посадов и слобод (посадские, слободские) — ремесленники, торговцы, разночинцы, мелкие чиновники и т. п.

При обывательских домах, которые были собственностью проживающих в них семей, обычно был разбит небольшой сад, а в слободах и посадах были огороды. Перед домами почти всегда был палисадник.

Большей частью дома строились деревянные в один-два этажа с мезонином. Иногда первый этаж делали каменным, а верхний — деревянным. Изредка встречались целиком каменные дома.

Внешний облик обывательских домов был разнообразен. От почти деревенских изб, обильно украшенных резными карнизами, ставнями, оконными наличниками и балюстрадами, до домов, своеобразно сочетавших в своих пропорциях и декоре классицизм и ампир.

Характерной чертой обывательских домов были деревянные заборы с украшенными резьбой воротами и калитками, а также всякого рода хозяйственные постройки во дворе; в провинции имелись при доме еще и колодцы с «журавлем».

Наружный вид таких домов почти не эволюционировал с середины XIX до начала XX века, в отличие от доходных домов, претерпевших в своем развитии значительные изменения в планировке, этажности и декоре.

В последующие годы доходные дома сохраняют свой уже выработавшийся тип и, по существу, отличаются только меняющимся в зависимости от моды декором фасадов, возрастающей этажностью (нередки дома в 7—8 этажей) и объемом занимаемой площади.

К концу XIX — началу XX века появляются в столицах доходные дома, занимающие целые кварталы. В столицах возникает новый тип жилища, нечто среднее между доходным домом и особняком,— дома с частными квартирами. Субсидировали постройку таких домов главным образом страховые общества [2]. Появление таких домов было вызвано вздорожанием земельных участков, что делало недоступным для среднезажиточных слоев чиновничества, высокооплачиваемой интеллигенции, лиц свободных профессий постройку собственных особняков. Они ограничивались оборудованными по индивидуальному заказу собственными квартирами. В подобной квартире жила Катя Булавина — героиня «Хождения по мукам» А. Н. Толстого.

Особняки заводчиков и купцов в начале XIX века стали размещаться не на окраинах, не на территориях фабрик и заводов, а в бывших дворянских кварталах. По купеческой традиции они отгораживаются от внешнего мира монументальными, чаще всего глухими оградами, резко отличающимися от ажурных решеток классических дворянских особняков.

Одновременно то тут, то там вырастают новые здания банков, фирм, гостиниц, фирменных магазинов, торговых пассажей. Строят их по заграничным образцам — венским, парижским и берлинским.

Мостовые и тротуары

Улицы царской России имели мостовые нескольких типов. Самой распространенной была булыжная, сложенная из круглых или овальных камней — булыжников.

Булыжные мостовые были основным, а зачастую и единственным видом покрытия улиц не только в провинциальных городах, но и в Москве. Их достоинством являлась прочность и то, что они благодаря неровностям не были скользкими в дождь и грязь. Недостаток заключался в тех

же неровностях. Экипажи по ним тряслись и громыхали.

Грохот этот был столь силен, что перед домами, где находились тяжелобольные люди, мостовую застилали соломой.

В Петербурге основным типом покрытия на центральных улицах, площадях и набережных была деревянная, так называемая торцовая мостовая, которая впервые появилась еще в эпоху Николая I. Торцы делались из бревен диаметром 30—35 *см*, распиленных на чурки высотой 20 *см*. Чуркам придавали шестиугольную форму, напоминающую ячейку пчелиных сот. Поэтому и сама торцовая мостовая напоминала по рисунку пчелиные соты. Торцы перед укладкой пропитывались специальным составом, предохраняющим от гниения. Швы между торцами наполнялись смолой. Укладывались торцы на доски, засыпанные песком.

Из-за сырого петербургского климата торцы быстро начинали гнить. Каждым летом торцовые мостовые подвергались частичному ремонту, а через пять-шесть лет и полной замене.

Основным достоинством торцовой мостовой была ее бесшумность. Недостатком кроме недолговечности было то, что в дождь она становилась очень скользкой. Пропитка и смола, растворяемые водой, выходили наружу в виде желтой, пузырчатой пены, напоминающей мыльную. Мокрые торцы имели темно-коричневый цвет, сухие — серо-желтый.

Из торцов делали также пешеходные дорожки через площади, замощенные булыжником.

Торцовые мостовые и пешеходные дорожки просуществовали в Ленинграде вплоть до наводнения 1924 года, во время которого торцы всплыли и вода занесла их в подвалы и первые этажи домов. Ремонтировать торцы было нецелесообразно. Их заменили сначала диабазовыми мостовыми (из каменных плиток), а потом диабаз, в свою очередь, заменили асфальтом. Так прекратили свое существование знаменитые торцовые мостовые, бывшие одной из достопримечательностей Петербурга, ибо подобных мостовых не было ни в одном из городов Европы.

Широкое распространение в рассматриваемый период имели также мостовые с покрытием из щебенки (мелкого дробленого камня), схожие с шоссейными. Они встречались на окраинах больших городов и на центральных улицах провинциальных, непосредственно смыкаясь с шоссейными трактами.

Асфальтовые мостовые, мостовые из керамических и каменных плиток были как бы вставками перед отдельными зданиями. Большинство улиц императорской России не имело вообще искусственного покрытия, представляло собой обычную проселочную дорогу, а ухабы и ямы в лучшем случае заделывались булыжником.

Асфальтовые тротуары встречались в дореволюционной России крайне редко. В Петербурге и Москве наиболее распространенным был тротуар, сложенный из громадных плит известняка размером метр на метр.

На центральных улицах, и особенно на Невском, тротуар был довольно широким, а на боковых улицах и на окраинах — шириной в одну-две плиты.

Этот тип тротуаров ведет свое начало с конца XVIII века. Он отличался исключительной прочностью и сохранился кое-где до наших дней. В Ленинграде, например, набережные каналов и некоторые периферийные улицы до сих пор имеют тротуар из известняка. Такие же тротуары сохранились и в нескольких внутренних дворах.

Тротуары этого типа непосредственно смыкались с мостовой (не имели поребриков). От края его до плоскости мостовой шел небольшой откос, замощенный булыжником, даже в тех случаях, когда мостовые были из деревянных торцов. Откос служил как для стока воды, так и для того, чтобы легче было взойти на тротуар с проезжей части.

Владельцы крупных магазинов и банков перед их фасадами часто делали особые тротуары из метлахских (керамических) плиток, мраморной крошки, асфальта и даже гранитных плит. Обычно на таких тротуарах красовалась надпись, выложенная из камня, плитки либо из латуни с наименованием фирмы, с указанием года постройки здания. Строились индивидуальные тротуары и перед некоторыми особняками.

1. Александровская часовня и гостиный двор. Вышний Волочек
2. Присутственные места. Вязьма. XIX век
3. Присутственные места. Кострома
4. Торговые ряды и городская управа. Кострома
5. Никитская улица. Калуга
6. Общий вид Троицкой стороны. Вязьма
7. Улица Варварка. Москва
8. Церковь Вознесения. Москва
9. Улица Воздвиженка. Москва
10. Лефортовский дворец и Императорское высшее техническое училище. Москва
11. Магазин «Елисеев». Петербург
12. Доходный дом на Каменноостровском пр. Петербург
13. Доходный дом А. А. Мусина-Пушкина. Петербург
14. Торговый дом компании «Зингер». Петербург
15. Пассаж. Петербург
16. Пассаж. Петербург
17. Доходный дом Толстого. Внутренний двор. Петербург

1

2

3

4

5

6

8

9

10

12

13

14

15

16

17

Реже встречались тротуары из деревянных торцов, окаймленные гранитными поребриками.

Существовали также тротуары, сложенные из квадратных или прямоугольных чугунных плит с рельефным орнаментом. Встречались плиты и с прорезным (ажурным) орнаментом. Через прорезы стекала вода. Такие тротуары укладывали перед некоторыми торговыми, складскими или промышленными зданиями.

В Петербурге существовал еще один тип тротуара — громадные плиты из известняка или гранита (длина каждой плиты составляла ширину тротуара). Такой тротуар из гранитных плит сохранился, например, на Аничковом мосту через Фонтанку, а также местами на набережной Невы.

В провинциальных городах подчас тротуары мостили силикатным кирпичом, положенным на ребро. Он выкладывался в елочку, как современный паркет, и имел кирпичный поребрик.

На окраинах больших городов, а в провинциальных городах даже и в центре, были распространены деревянные дощатые тротуары, так называемые «мостки», наподобие тех настилов, которые теперь делают вдоль заборов, ограждающих стройки. Но и такие тротуары были далеко не на каждой улице.

Уличное освещение

Даже центр и торговые районы столицы и больших городов освещались скудно, не говоря уже об окраинах и маленьких провинциальных городах. Последние вечерами тонули во мраке, освещенные редкими керосиновыми фонарями, почти не пропускавшими света сквозь закопченные стекла.

Светящихся вывесок и реклам тогда не было. Витрины были слабо освещены или вовсе не освещались. Свет от них не достигал тротуаров. Фонари на кронштейнах у подъездов и ворот особняков или доходных домов давали лишь световые точки, так же как и домовые номерные фонари.

Добавочным источником уличного освещения были фонари многочисленных магазинов, контор и банков. Обычно они висели на кронштейнах по бокам входа, но встречались также фонари, вделанные в стену или висящие на столбах. Эти фонари служили для рекламы, на них были написаны названия фирм или магазинов.

На проезжей части улиц, как светлячки, мерцали карбидные фонари частных экипажей и извозчичьих пролеток, а также карбидные фары немногочисленных автомобилей; электрические фары встречались редко. Подвесных фонарей, освещающих проезжую часть улицы, вообще не было. Фонари кое-как освещали только тротуары. Сама конструкция их была весьма несовершенна: для тогдашних сравнительно слабых источников света столбы были слишком высоки, а светоотражатели еще не существовали.

В Петербурге-Петрограде основным источником света являлось электричество, лишь на окраинах горели керосиновые фонари. Газовых фонарей почти не было.

В центре столиц и крупных городов фонарные столбы были чугунные, фасонного литья. В Ленинграде они еще и сейчас кое-где сохранились. Так, на площади Жертв революции стоят фонари, освещающие набережные Невы, но тогда они располагались посреди набережной, а теперь — вдоль тротуара. У фонарей на Невском изменилась лишь верхушка, а сам столб сохранил свой первоначальный вид, только прежде он был черный или темно-зеленый, а не крашенный под алюминий.

А вот невысокие чугунные столбы, украшенные каннелюрами, с перекладиной наверху для упора лестницы фонарщика, совсем исчезли. Исчезли также очень характерные для Петербурга фонарные столбы — фермы. Деревянные же, с железным кронштейном для подвески электрического фонаря, еще кое-где сохранились.

По конструкции фонари можно разделить на два типа: у первого головка фонаря, квадратная или шестиугольная, состояла из чугунного или железного каркаса с застеклением и укреплялась поверх столба; у второго — на деревянный или чугунный столб с кронштейном подвешивался фонарь в виде полукруглого стеклянного колпака с металлической тарелкой наверху. Внутри его укреплялась электрическая лампочка.

Фонари первого типа были электрическими, газовыми и керосиновыми. Конструкция фонаря независимо от источников света не менялась.

Самое яркое освещение давали газовые и керосинокалильные фонари. В последних источником света служил накаляемый керосиновыми парами сетчатый колпачок, покрытый солями металлов. Такие фонари были неудобны в эксплуатации. Их надо было накачивать, как примус. Кроме того, они сильно шумели при горении, а колпачки быстро прогорали. Применяли такие фонари главным образом в провинции, где не было электрического освещения, и на небольших улицах крупных городов. Керосинокалильные фонари были укреплены на кронштейнах, для того чтобы зажечь или потушить, их спускали при помощи блока.

Керосиновые и газовые фонари зажигались и гасились каждый в отдельности. Фонарь за фонарем зажигались и гасли с интервалом в несколько минут, необходимых для того, чтобы фонарщик успел дойти до следующего фонаря, приставить свою лестницу, влезть по ней и совершить манипуляцию с очередным фонарем. Фонарщик с лестницей на плече, с бидоном, на-

полненным керосином, и горящим фонариком в руках являлся неотъемлемой частью вечерней и предрассветной улицы.

Витрины, рекламные знаки, вывески

В городах, где было электричество, вечерами зажигались жестяные софиты с укрепленными в них лампочками. Так освещались витрины. Там, где электричества не было, для освещения витрин ставились одна или две керосиновые лампы. Любопытно, что зимой лампы появлялись и в витринах, имеющих электрическое освещение,— они предотвращали замерзание стекол. Для этой же цели меж стекол витрины ставили стаканчики с серной кислотой, декорируя их разноцветными стеклянными шариками — «дробью».

Декоративного оформления витрин (в современном смысле слова) не существовало. Витрина использовалась для показа как можно большего количества товаров. Чем больше товаров выставлялось, тем «богаче» считалась витрина.

Тот факт, что при этом, по сути дела, было невозможно показать весь товар лицом, в расчет не принимался. В первую очередь пеклись о том, чтобы ассортимент товаров был шире, чем у конкурента.

Для всех магазинов существовали неписаные, но тем не менее строго соблюдаемые правила рекламной подачи товара. К примеру, в витрину текстильных магазинов рядом со штуками материи выставлялись цветные литографии, изображающие модели мужской и женской одежды. Картинки эти меняли в соответствии с сезоном и модой текущего года. Меховые магазины ставили в витринах чучела пушных зверей, а иногда даже львов и тигров, вокруг которых раскладывали товары. В витринах обувных магазинов в центре красовался огромнейший ботинок, украшенный золотыми гербами и медалями. Следует добавить, что вся выставленная обувь была на колодках, а высокие сапоги — на правилах.

Магазины офицерских вещей (их еще называли «военные магазины») в центре витрины помещали кавалергардскую или кирасирскую медную кирасу, а на ней — медную каску с орлом. В боковые отверстия кирасы вставлялись палаши или шашки.

В витрины часовых магазинов выставлялись какие-нибудь замысловатые каминные часы под стеклянным колпаком, а также большие часы с надписью «Верное время».

Магазины готового платья помещали на своих витринах мужские и женские манекены, крайне натуралистически изготовленные, с «настоящими» волосами, усами и бородами. Кроме манекенов «в рост» были здесь и полуманекены (торс с головой, а вместо ног — обычная манекенная подставка). На таких полуманекенах демонстрировались пиджаки, дамские блузы, а в корсетных мастерских и магазинах — корсеты. Ставили в витрины и обычные портновские манекены.

В витринах дамских парикмахерских полуманекены использовались для демонстрации фасонов причесок. В тех парикмахерских, в которых существовали маникюрщицы, в витринах на бархатной или атласной подушечке лежала женская рука с неправдоподобно тонкими пальцами, а рядом иногда ставилась табличка с надписью «холя ногтей».

В витрине парикмахерской помещали еще и круглые зеркала, на которых матовой краской писалось имя владельца, причем обязательно звучащее на французский манер.

Очень своеобразно выглядели витрины аптек, украшенные огромными стеклянными шарами, наполненными водой, подкрашенной в красный, зеленый или синий цвет. Вместо шаров иногда выставлялись стеклянные, также с подкрашенной водой, грушевидные сосуды, напоминающие реторты средневековых алхимиков. Вечерами шары и сосуды подсвечивались сзади, что придавало им еще более таинственный вид. Обычно в витринах аптек больше ничего не выставляли, но встречались витрины, в которых размещали различные патентованные средства и соответствующие фирменные плакаты с их рекламой. В кратких «эмоциональных» выражениях они взывали:

«ПИЛЮЛИ «А Р А» СЛАБЯТ ЛЕГКО И НЕЖНО!»

«Г.г. РЕВМАТИКИ,
УРОДОНАЛ ШАТЛЕНА — ВАШЕ СПАСЕНИЕ!»

По низу аптечных витрин устанавливали стеклянные матовые таблички. С прозрачными надписями «АПТЕКА» — по-русски в одной витрине и по-французски или по-латыни — в другой. Вместо матового стекла для табличек применялось также черное стекло. По нему писали золотом.

Писчебумажные магазины, витрины которых были забиты мелким товаром, привлекали внимание огромными карандашами. Мебельные магазины устраивали в витринах «уютные уголки». Ставили, к примеру, двуспальную кровать, застланную простынями и одеялами, с грудой подушек в кружевных наволочках; перед ней расстилали ковер или шкуру белого медведя на суконной подкладке, а на ночной столик ставили вазу с букетом цветов (конечно, искусственных), а также будильник и лампочку под абажуром.

Магазины, торгующие электролампами, завешивали витрину разнообразными люстрами, а низ витрины заполняли бесчисленными настольными лампами всех типов.

Невообразимо забиты были витрины антикварных и книжных магазинов. Книги стояли, лежали и висели по всей площади витрины; многотомные издания складывались в стопки и перевязывались веревочкой, а если книжный магазин еще торговал гравюрами и литографиями, то они, укрепленные канцелярскими кнопками, сплошь заполняли заднюю стенку витрины.

О снижении цен и сезонных распродажах сообщалось на специальных больших объявлениях, выставляемых в витринах. Также через витрину магазин сообщал о получении тех или иных товаров и о том, что «цены без запроса», или о том, что в магазине говорят на иностранных языках.

Витрины продуктовых магазинов были в основном заполнены объемными муляжами продовольственных товаров, не всегда выполненных с должным правдоподобием.

В витринах молочных магазинов выставляли громадные кубы «масла», поверхность которых напоминала фактуру вафель, а также круги и шары «сыров» с неправдоподобно аккуратными дырочками на срезах. Яйца были выточены из дерева, а молочные бутылки закрашены изнутри белой краской.

В витринах мясных магазинов красовались громадные куски «мяса», подвешенные на крюках или лежащие на блюдах, а также муляжные бараньи туши. Непременным украшением этих витрин являлся лежащий на блюде поросенок, разрезанный поперек на куски. В мясных, торговавших еще и дичью, выставляли чучела фазанов, глухарей и рябчиков, муляжные тушки гусей, уток и кур. Здесь же ставили золоченую фигурку быка с грозно нацеленными рогами.

Витрины колбасных заполнялись муляжами колбас и окороков. Висели и лежали на блюдах груды бутафорских сосисок и колбасок из дерева или папье-маше, «твердокопченые» колбасы, завернутые в станиоль.

Муляжи товаров выставлялись и в витринах рыбных магазинов. «Осетры», «семга» и прочая рыба в натуральную величину лежали на блюдах, «икра», «соленые и копченые сельди» — в бутафорских бочках. Лишь рыбные консервы (главным образом шпроты, кильки и сардины) да связки вязиги были здесь натуральными.

В витринах бакалейных магазинов, которые называли еще колониальными (они торговали продуктами, доставляемыми из колоний: разными пряностями, кофе, чаем и т. д.), бутафории было значительно меньше, чем в других продуктовых магазинах. Иногда же выкладка товаров в них была целиком из подлинных продуктов, ибо они не подвергались скорой порче. В центре таких витрин обычно возвышались конические «головы» сахара, завернутые в особую синюю бумагу (она так и называлась «сахарная»). Вокруг лежали пачки пилёного сахара — рафинада, тоже в синей бумаге. Чай выставлялся в бумажной и жестяной упаковке, кофе — в специальных стеклянных банках с металлической крышкой и подставкой, какао — в жестяных банках фирменной упаковки. Сыпучие товары (мука, соль, крупы) помещались в открытых мешках из белого холста, на которых было написано наименование товара. Пряности находились в стеклянных вазочках с крышкой.

В витринах также вывешивались пестрые рекламные фирменные плакаты. Эмалированные, жестяные и картонные, они рекламировали чай фирм Высоцкого, Перлова или Поповых, какао «Жорж Борман» или голландское какао «Ван-Гутен» и т. д. Рекламы обращались к покупателю с призывом: «Требуйте товары только нашей марки!»

Фруктовые магазины выставляли в витринах огромные муляжи яблок и груш, уложенных по одному в гнезде специальных ящиков. Так же как «апельсины», «лимоны» и «бананы», они были очень искусно сделаны из воска. В центре фруктовой витрины обычно красовался огромный «ананас». В специальных плетенных из лыка корзинках висели «арбузы» и «дыни». Настоящие фрукты и ягоды появлялись в витринах только в свой сезон, в особых лубяных корзинках или решетах.

Торговля фруктами и зеленью очень редко совмещалась. Зелень продавали обычно вместе с мясом. Вывески «Мясо, зелень, дичь» встречались часто. В витринах зеленных или «совмещенных» магазинов в центре красовалась огромная тыква, окруженная ивовыми корзинами, заполненными овощами — в основном настоящими; муляжными были только маринованные грибы и соленые огурцы, выставляемые в открытых бочонках.

Витрины винных магазинов загромождали батареи бутылок весьма разнообразных по форме, цвету и фактуре. Особенным разнообразием отличались бутылки с наливками. Винные бутылки, как правило, находились в лежачем положении, а водки, наливки и ликеры в стоячем. Иногда в центре витрины ставили огромную бутыль с этикеткой какой-нибудь наливки или водки, а вокруг нее — бутылки обычных размеров с той же этикеткой. Ставили также винные бочонки, днищем обращенные к стеклу витрины. По днищу шла надпись с рекламой той или иной винодельческой фирмы. Развешивались и рекламные плакаты различных винно-водочных фирм, в том числе и иностранных. Наиболее распространены были рекламы ликера «Бенедиктин» и лечебного вина «Сан-Рафаэль», которое именовалось «Друг желудка». Из отечественных фирм усиленно рекламировались

коньяки Шустова, водки и настойки Смирнова, а также крымские и кавказские вина «удельного ведомства» (царских имений).

Весьма красочно выглядели витрины табачных магазинов, заставленные множеством разноцветных коробок и табачных упаковок с этикетками русских и иностранных фирм, большими коробками с папиросными гильзами (в то время многие курильщики сами набивали папиросы). В центре ставили турецкий кальян, а порой вырезанную из дерева голову турка в чалме либо фигуру одалиски; в рот им вставляли настоящую папиросу. Нередко такие витрины украшали сделанные в половину натуральной величины головы европейца, негра, китайца и индейца. Все они дружно «курили» папиросы, которые здесь рекламировались.

Фирма «Колобов и Бобров» держала штатного стихотворца, который рекламировал в стихах папиросы фирмы, умело вкрапливая в текст не только названия сортов папирос, но даже их цену. Произведения этого «поэта», писавшего под псевдонимом «Дядя Михей», печатались крупным шрифтом и выставлялись в центре витрины. «Дядя Михей» весьма оперативно откликался на злободневные события, особенно во время войны, и его вирши привлекали внимание прохожих.

Кондитерские магазины большей частью были фирменными и торговали только изделиями своих фабрик. В Петербурге главенствовали фирмы «Жорж Борман», «И. Крафт», «Бликген и Робинсон», «Карл Бездека», в Москве — «А. Абрикосов с сыновьями», «Эйнем», «Сиу и К°».

Каждая фирма рекламировала свой товар. «Жорж Борман» и «И. Крафт» — плиточный шоколад; «Г. Ландрин» — всевозможные сорта монпасье, которые так и назывались «ландрин»; «Бликген и Робинсон» — сухое печенье в пачках, и т. д. Вот эти «специальности фирмы», как тогда говорили, и занимали основное место в витринах.

Дощечки, завернутые в соответствующую упаковку, изображали плиточный шоколад и печенье в пачках. Здесь же было множество конфетных коробок, разрисованных цветами, кошечками и красотками; коробки были аккуратно перевязаны ленточками. На хрустальных вазах грудой лежали «конфеты»-деревяшки, завернутые в пестрые бумажки. В большие цилиндрические жестяные банки насыпались карамель и монпасье. На пасху витрины украшали «шоколадные яйца». В центре находилось обычно самое огромное.

Иногда в витринах в качестве подставок использовали фарфоровые статуэтки. Выставлялись также разнообразные вазы, хрустальные или фарфоровые. Встречались и многоярусные вазы, на каждом ярусе демонстрировались различные сорта конфет. Все товары демонстрировались с указанием цен (за фунт).

В магазинах, торгующих шоколадом, конфетами и сухим печеньем, как правило, торты и пирожные не продавались. Для этого существовали специальные кондитерские. В их витринах рекламировались многоярусные торты, богато украшенные орнаментом, цветами, а иногда даже фигурками людей и животных. Хотя торты эти были муляжными, их периодически заменяли новыми. На вазах и в плетенных из щепы корзинках выставляли разнообразные сорта мягких конфет без обертки (тянучки, помадки и т. д.). Их укладывали в витринах на больших металлических противнях, а затем снимали для продажи.

Магазины узкоспециализированные сохраняли с XVIII века, когда большинство вывесок было без текста, объемные рекламные знаки; они висели на кронштейнах над входом или укреплялись над вывесками. Так, у магазинов оптики висели гигантские пенсне с синими стеклами в железной оправе. Иногда на стеклах были нарисованы зрачки. У часовых магазинов — громадные карманные часы из жести или дерева, на их циферблате значилась фамилия владельца магазина. Шляпные магазины выставляли плоские жестяные цилиндры или котелки. Эмблемой мастерских химической чистки была вырезанная из дерева перчатка со сложенными пальцами.

18. Витрина магазина восточных товаров. Петербург. Пассаж
19. Книжный киоск на Варшавском вокзале. Петербург. 1910 г.
20. Витрина магазина «Жорж Борман». Петербург
21. У магазина компании «Зингер». Петербург
22. Фасад молочного магазина. Петербург
23. Фасад фруктового магазина «И. А. Поэнтъ». Петербург
24. Фасад продуктового магазина. Петербург. 1911 г.
25. Общий вид здания товарищества «Эмиль Циндель». Москва
26. У здания городского ломбарда в Петербурге
27. Общий вид Мариинской площади в Петербурге
28. Часть главного фасада дома № 33 Гостиного двора по Садовой улице. Петербург
29. Фасад дома № 110 на Невском проспекте. Петербург
30. В рабочем квартале Петербурга
31. Часть фасада Апраксина двора. Петербург
32. Вид на Андреевский рынок. Петербург
33. Рынок на Покровской площади. Петербург

18

19

20

21

22

МОЛОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
ИЗЪ ФИНЛЯНДСКИХЪ И ЭСТЛЯНДСКИХЪ ФЕРМЪ
СЫРЫ ВСѢХЪ СОРТОВЪ
РАЗНЫЯ МАСЛА

23

И. А. ПОЭНТЪ № 5. J. A. POINTE.
FRUITS

24

25

С.П.Б. ГОРОДСКОЙ ЛОМБАРДЪ
С.П.Б. ГОРОДСКОЙ ЛОМБАРДЪ
С.П.Б. ГОРОДСКОЙ ЛОМБАРДЪ

26

27

28

СКЛАДЪ БУМАГИ С.И.РАПОПОРТА
33
ПРОБКОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ
МОСКОВСКАЯ ПЕКАРНЯ
СКЛАДЪ БУМАГИ 33
33
С.И.РАПОПОРТА

ЗУБО-ЛЕЧЕБНЫЙ
КАБИНЕТЪ
ДЕНКЕРЪ и К°
ПОРТНОЙ ШЕРЪ
ТЕКАРСКІЙ
СМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
ХИО-ХИМИЧЕСКОЙ
АБОРАТОРІИ.
ДЕПО
Т. ДЕНКЕРЪ и К°

29

ЗАВОДЪ
БАНИ.
ПИВНАЯ ЛАВКА
ПИВО
МЕДЪ

30

31

32

Над перчаточными магазинами висела почти такая же, но не объемная, а плоская. Над обувными магазинами — объемные позолоченные высокие сапоги или дамские ботинки.

Над булочными обязательно висел крендель, вырезанный из дерева и позолоченный. Иногда над кренделем укреплялась зубчатая корона. Этот крендель увековечил Александр Блок в «Незнакомке»: «...чуть золотится крендель булочной...»

Колбасные тоже имели свою эмблему — окорок с позолоченной шкуркой и с разрисованным срезом. Имели свои эмблемы и ремесленники, находившиеся на городских окраинах. Эмблемой портных были ножницы, сапожников — высокий сапог из жести, выкрашенный в черный цвет. Над слесарными мастерскими висели гигантские ключи.

Над парикмахерскими висел медный тазик, уже давно не употреблявшийся при бритье, но сохранивший свое символическое значение.

Кроме объемных эмблем на кронштейнах существовали также эмблемы другого типа, которые крепились на вывесках или над ними. К ним относились гербы «поставщиков двора», позолоченные свиные и бычьи головы с громадными рогами (над вывесками колбасных и мясных), муляжи медалей и наград, укрепляемые на вывесках различных магазинов и фирм.

Дореволюционная городская улица поражала обилием вывесок. Они висели над магазинами, между витринами и по бокам дверей. Они тянулись вдоль фасадов домов в несколько ярусов, одна над другой, облепляли балконы и даже брандмауеры (глухие стены домов). Вокруг парадных подъездов жилых домов висели многочисленные вывески-таблички дантистов, адвокатов, портных, преподавателей, дающих частные уроки, и представителей других «частнопрактикующих» профессий.

Подчас на одном доме имелись вывески, принадлежавшие разным магазинам или фирмам. Они отличались друг от друга размерами, цветом, шрифтом, и все же было между ними сходство, улавливаемое в масштабе улицы или даже в масштабе всей торговой части города. Прежде всего магазины, торгующие одинаковым товаром, обычно имели схожие вывески. Сходство заключалось, конечно, не в размерах (их предопределяли фасады зданий), а в материале вывесок, их тематике и стилистике. Магазины одного владельца имели стандартные фирменные вывески, а зачастую и одинаковую отделку фасадов. Например, все многочисленные молочные магазины фирмы «Чичкин» в Москве или «Бландова» в Петербурге имели фасады, облицованные белым глазированным кирпичом. Зачастую и в наше время в этих помещениях расположены магазины «Молоко».

Некоторые отрасли торговли имели фигуративные вывески с изображением продаваемых товаров.

Среди живописцев, специализировавшихся на вывесках, встречались крупные мастера своего дела. Достаточно вспомнить великого грузинского художника Нико Пиросманишвили.

Стилистика фигуративных вывесок оказала определенное влияние на ряд русских художников начала XX века, таких, как Б. М. Кустодиев, С. Ю. Судейкин, И. И. Машков, М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, и на ранний период творчества крупнейшего художника детской книги В. В. Лебедева (известная серия его работ «Прачки» прямо навеяна вывесками прачечных).

Писались вывески маслом, главным образом на кровельном железе, набитом на деревянный подрамник. Реже встречались вывески, написанные на стекле. Это обычно были вертикальные вывески, расположенные между витринами или по бокам входа в магазин. Фасадные вывески из стекла делали только с надписями. Техника изготовления таких вывесок была довольно сложна: на жесткую основу из дерева или кровельного железа крепились объемные буквы из дерева, покрытые левкасом и позолоченные. Стекло закрашивалось с левой стороны черной (чаще всего) или синей масляной краской, при этом на стекле оставляли незакрашенными контуры букв, которые как бы просвечивали сквозь вывеску и казались объемными. Стекло было из составных кусков, закрепленных в рамке. Такие вывески стоили дорого и висели над большими магазинами.

Существовал еще один вариант стеклянных вывесок. Буквы на них были зеркальными; контур буквы изнутри покрывался амальгамой, а фон закрашивался. Делали также вывески, на которых фон был из железа, закрашенного масляной краской, а буквы накладные из металла, позолоченного или окрашенного в черный цвет.

Таким же способом изготавливали разные медали и награды, полученные фирмой. Накладные медали гигантского размера помещали на вывески всех типов.

Изредка встречались вывески, состоящие из одних металлических букв, укрепленных непосредственно на каменную или изразцовую облицовку фасада магазина. Еще реже встречались надписи, высеченные на камне облицовки. Такую вывеску имел придворный ювелир Фаберже, фирменные магазины шоколадного фабриканта Жоржа Бормана. Понятно, что вывески такого типа требовали специальной отделки фасада магазина мрамором или гранитом. Высеченные на камне буквы обычно покрывали позолотой.

Вывески фабрик, заводов и складов представляли собой металлическую сетку, натянутую на

металлический же каркас. На сетке укреплялись накладные металлические буквы. Такой тип вывесок сохранился по сей день на ряде старых фабрик и заводов.

Вывески-таблички у парадных также отличались разнообразием. Наиболее распространенными были прямоугольные или овальные, чуть выпуклые, эмалированные. Фон на них был чаще всего белый, а буквы черные, но встречались таблички из синей эмали с белым шрифтом. Более солидными считались медные с выгравированным текстом. Буквы часто гравировались курсивом, а углубления заполнялись черной краской. На медных табличках использовался также для русских надписей стилизованный под готический шрифт и различные каллиграфические росчерки и картуши.

Изготавливались и таблички из особого сплава; поле таблички имело насечку или какую-нибудь фактуру, а рельефные накладные буквы были либо гладкими, либо имели фактуру, отличную от фона. Такие таблички делались черными или серебристо-серыми; фон и буквы одного цвета.

На писаных вывесках очень распространены были буквы с нарисованным объемом, а также всякого рода обрамления с завитушками по углам. Рисовали на вывесках и громадные шляпки винтов, на которых якобы они держались (на самом деле вывески крепились на крюках, вбитых в стену).

Очень часто на главной, фасадной, вывеске писалась только фамилия владельца, а не указывалось, чем торгует данный магазин. Перечисление товаров или их изображения помещались на вертикальных вывесках по бокам входа или между витринами.

Крупные магазины именовали себя «торговыми домами». Зарекомендовавшие себя фирмы сохраняли свои прежние названия и при переходе их к другим владельцам. К фамилии прежнего владельца добавлялись лишь слова «наследники» или «преемники». Если уже при жизни владельца дела вел его сын или сыновья, то этот факт находил свое отражение в надписи на вывеске: скажем, «Иванов и сын» или «Петров и сыновья». Если владельцами были братья, то перед их фамилией значилось «бр.». Если торговая фирма принадлежала двум-трем владельцам, то все их фамилии стояли на вывеске. Когда владельцев было больше, на вывеске помещалась одна из фамилий с добавлением «и К°», что означало «и компания». Фирмы, имеющие названия, крупно писали его на вывеске, а под ним помельче указывали имя владельца.

Фигуративные вывески были больше распространены на продуктовых магазинах, лавках и мастерских ремесленников. В продуктовых магазинах основную массу покупателей составляли женщины — прислуги и жены рабочих и ремесленников, зачастую неграмотные. Барыни в такие магазины не ходили, или если уж и ходили, то не за каждодневной едой, а за гастрономическими изысками и в большие магазины — «Бр. Елисеевых», «Соловьева», «Черепанникова» в Петербурге и соответствующие им по значению магазины в губернских городах.

Мясные лавки имели вертикальные вывески, где по черному фону были весьма натуралистично изображены симметричные пирамиды из мяса. Над пирамидами возвышался могучий бык, нарисованный в условной манере золотой краской. Встречались вывески, на которых был изображен только бык, который, опустив голову и задрав хвост, пасся на золотой траве. Такие вывески обычно были парными, и быки стояли на них, повернув головы в разные стороны.

Поскольку мясные лавки торговали также зеленью и дичью (на вывеске так и писали «Мясо зелень дичь»), то на некоторых вертикальных вывесках изображался (тоже на черном фоне) многоярусный овощной натюрморт. Дичь представляли висящие вниз головой зайцы и фазаны, а под ними лежали рябчики и куропатки. Свиней, баранов, домашнюю птицу на вывесках изображали крайне редко.

Бакалейные и колониальные лавки изображали свои товары не только на вертикальных, но и на фасадных вывесках. В центре композиции чаще всего рисовали сахарную голову в синей бумаге. Вокруг изображались пачки чая, кофе, макарон, а также открытые холщовые мешки с разными крупами, различать которые можно было лишь по надписям на мешках. На самом большом мешке была надпись «мука». На отдельной вывеске изображалось мыло (обычно «жуковское» или «мраморное», действительно напоминавшее мрамор по расцветке и прожилкам) и свечи, упакованные в синюю бумагу, из которой торчали только их головки.

Молочные лавки («молочно-масляная торговля») имели светлые вывески с изображением пирамиды из сыров, масла в кадушках или в виде

34—36. Образцы жетонов и вывесок в магазине Новицкого в Пассаже. Петербург. 1901 г.

37. Образцы продукции чернильной фабрики «Минерва». Петербург. 1901 г.

38. Фасад ресторана «Медведь». Петербург

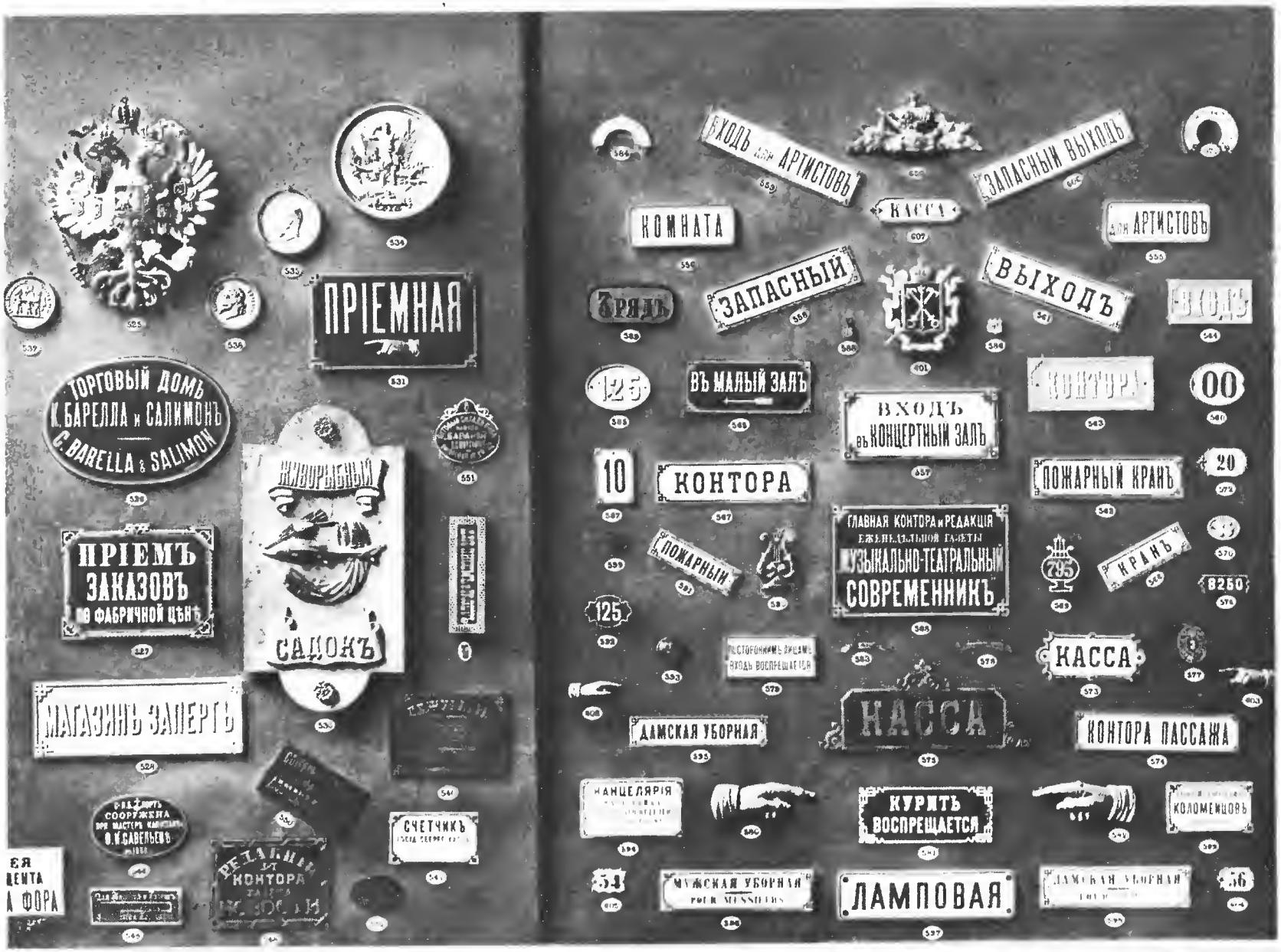
39. Петербургский извозчик

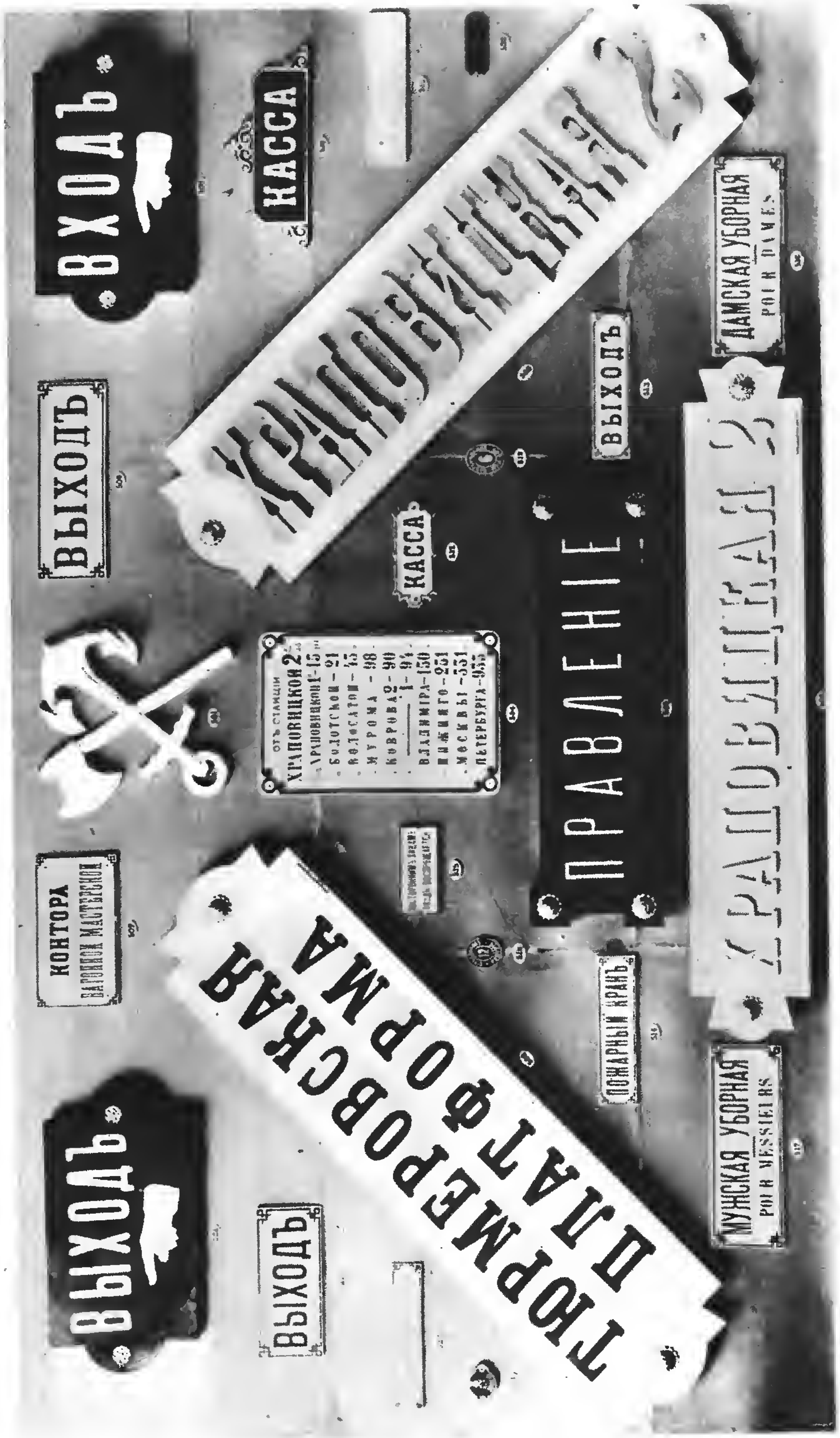
40. Москательный склад завода А. Вельца. Петербург

41. Москва. Триумфальная площадь

42. Пострадавшие от пожара. Окраина Петербурга

43, 44. Дома рабочих в Сормове

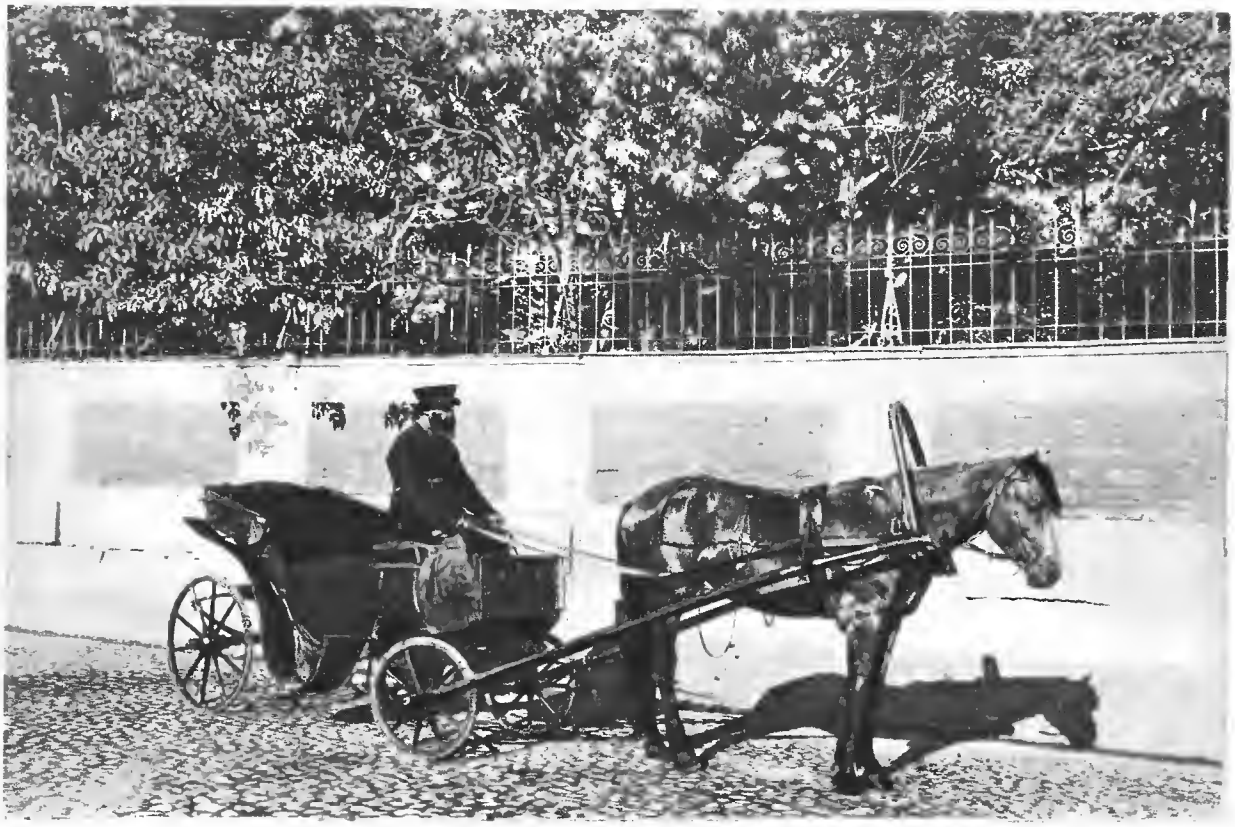

ПРІЕМНАЯ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ К. БАРЕЛЛА и САЛИМОНЪ
C. BARELLA & SALIMON
ЖИВОРЫБНЫЙ САДОКЪ
ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ ПО ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ
МАГАЗИНЪ ЗАПЕРТЪ
СЧЕТЧИКЪ
КОНТОРА
ВХОДЪ для АРТИСТОВЪ
ЗАПАСНЫЙ ВЫХОДЪ
КОМНАТА
КАССА
для АРТИСТОВЪ
ЗАПАСНЫЙ
ВЫХОДЪ
3 РЯДЪ
ВЪ МАЛЫЙ ЗАЛЪ
ВХОДЪ въ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛЪ
КОНТОРА
00
10
КОНТОРА
ПОЖАРНЫЙ КРАНЪ
20
ПОЖАРНЫЙ
ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННИКЪ
795
КРАНЪ
8250
125
КАССА
ДАМСКАЯ УБОРНАЯ
КАССА
КОНТОРА ПАССАЖА
КАНЦЕЛЯРІЯ
КУРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ
КОЛОМЕЙЦОВЪ
МУЖСКАЯ УБОРНАЯ
ЛАМПОВАЯ
ДАМСКАЯ УБОРНАЯ
56


ВХОДЪ
КАССА
ВЫХОДЪ
ВЫХОДЪ
ПРАВЛЕНIЕ
КАССА
ДАМСКАЯ УБОРНАЯ
POUR DAMES
КОНТОРА
ВАГОННОЙ МАСТЕРСКОЙ
ПОЖАРНЫЙ КРАНЪ
ТОРМЕРОВСКАЯ
ПЛАТФОРМА
МУЖСКАЯ УБОРНАЯ
POUR MESSIEURS
ВЫХОДЪ
ВЫХОДЪ

Канцелярскія Чернила
Чернильная фабрика
Минерва
С.Петербургъ.
Фабричное клеймо
Canzellei-Tinte
Aller beste aller Schreibtinten! Sehr leichtflüssig! Nicht mit anderen Tinten vermischen.
Anthracen Schreib Tinte
Фабричный знакъ
Чернильная фабрика
„Минерва"
С.Петербургъ
Tinten-Fabrik
„Minerva"
St. Petersburg
Антраценовыя Писчія Чернила
Наилучшія чернила для письма! Очень легко стекающія съ пера. Не смѣшивать съ другими чернилами.
Beste
Doppel Copir Tinte
Giebt selbst nach mehreren Monaten 2 und mehr schöne Copien. Nicht mit anderen Tinten vermischen!
Чернильная фабрика
„Минерва"
С.Петербургъ.
Tinten-Fabrik
„Minerva"
St. Petersburg.
Эти чернила даютъ даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ два и болѣе хорошихъ копій. Не смѣшивать съ другими чернилами!
Наилучшія Двойныя Копировальныя Чернила
Tinten Fabrik
„Minerva"
St. Petersburg
Чернильная фабр.
„Минерва"
С.Петербургъ.
Tinten Fabrik
„Minerva"
St. Petersburg
Beste Tinte
Наилучшія Двойныя Копировальныя Чернила
Чернильная фабрика
„Минерва"
С.Петербургъ.
Anthracen Schreib Tinte
Антраценов. Писчія Чернила
Tinten Fabrik
„Minerva"
St. Petersburg
Чернильная фабрика
„Минерва"
С.Петербургъ
Silber-Tinte
Серебряныя чернила

38

39



40

41

42

43

44

куба, из которого как бы вырезан кусок, и выдавлена надпись «масло», а также наполненное яйцами решето. Менее распространенными вывесками молочных лавок были вывески с изображением коров и петухов.

Очень живописны были вывески булочных: на черном фоне пирамиды из хлебов, булок и калачей в обрамлении баранок, а порой вазы с грудой пряников и печений или торты.

Лавки, торгующие фруктами, имели черные вывески, на которых в золотых вазах возлежали фрукты с непременным ананасом наверху. Крупные магазины с несколькими отделами изображали товар каждого отдела особняком, но чаще довольствовались лишь словесным перечислением товаров.

На вывесках лабазов (лавки, торгующие зерном, мукой, крупами, овсом и другим сыпучим товаром) изображались мешки, в которых горкой насыпано что-то неопределенное, но на мешках были надписи «мука», «овес», «греча», а если лабаз еще торговал и сеном, то есть был «фуражным лабазом», то изображалась кипа прессованного сена, обвязанная проволокой.

Столь же разнообразны и вместе с тем каноничны были вывески магазинов и лавок, торгующих промышленными товарами.

С вывесок магазинов готового платья на прохожих смотрели манекеноподобные мужчины, женщины и дети (иногда целая «семья»), «изысканно» одетые господа, в цилиндрах или котелках, рединготах и сюртуках, с лихо закрученными вверх усами и обязательной тросточкой в руках; дамы в гигантских шляпах, украшенных цветами и птицами, в модных костюмах или пальто, с зонтиком в руках. Дети чаще всего изображались в матросских костюмчиках. На вывесках, рекламирующих зимнюю одежду, рисовали мужчин в бобровых шапках и шубах с неправдоподобно пышными шалевыми воротниками — дамы в меховых котиковых или каракулевых манто с горностаевыми палантинами и муфтами.

Если магазин торговал только мужской или женской одеждой, то на вывесках изображались группы мужчин и женщин в изысканных позах, одетых в разные (по времени года) костюмы. Эти вывески зачастую представляли собой злую карикатуру на великосветское общество вопреки лучшим намерениям «живописных дел мастеров» — как часто подписывались на вывесках их авторы.

На вывесках обувных магазинов можно было видеть ряды разнообразной обуви или один большой ботинок в орнаментальной овальной рамке, нарисованный на прямоугольной вывеске.

Любопытные вывески имели магазины кожевенных изделий. На них изображался кусок кожи, левая половина которого была одного цвета, а правая — другого. Если магазин торговал заготовками для обуви, они тоже изображались, причем всех фасонов: для высоких сапог, штиблет, ботинок, дамской и детской обуви.

Шорно-седельные магазины, торгующие богатой сбруей, на своих вывесках изображали лошадиную голову в уздечке и седла. Шорные лавки, в которых продавалась только простая сбруя, были украшены изображением расписной дуги и русских хомутов.

Магазины, торгующие тканями, разрисовывали свои вывески развернутыми штуками сукна ярких цветов, а галантерейные магазины — цветными лентами, катушками и мотками ниток. На вывесках гробовщиков — гробы, венки, а иногда и могильные памятники.

В ряде магазинов на стеклах витрин, железных шторах и тентах, закрывающих окна от солнца, писали фамилии владельцев или названия фирм.

Чрезвычайно любопытны были вывески у мастерских. Гораздо более примитивные и наивные по исполнению, чем магазинные, они были более выразительными. Так, на вывесках прачечных заведений рисовали гладильщиц, утюживших крахмальные сорочки, либо отутюженные и сложенные сорочки с выставленными крахмальными воротничками и манжетами.

Вывески слесарно-ремонтных мастерских изобиловали детальными изображениями всех ремонтируемых предметов — от велосипедов до коньков и примусов. Иногда встречались вывески, как бы синтезирующие весь объем производимых работ: бравый велосипедист держит в вытянутой руке зажженный примус.

На провинциальных или окраинных парикмахерских висели вывески, демонстрировавшие процесс бритья,— намыленный клиент и стоящий позади него парикмахер с бритвой в руке. Иногда же рисовали голову небритого лохматого мужчины, сопровождая ее надписью «до», а на другой вывеске эту же голову, завитую, с подбритым лицом, с нафиксатуаренными усами, и подписывали: «после».

Если парикмахерская имела дамский зал, то изображалась дама с невероятно пышной прической и парикмахер с щипцами для завивки в руках.

На вывесках с образцами дамских причесок необычайной сложности порой появлялась надпись «зайдите и убедитесь».

Шикарные парикмахерские в столицах и больших городах такими вывесками не пользовались. На вертикальных вывесках помещали круглые или овальные зеркала с указанием на французском языке имени владельца парикмахерской (Жан, Базиль...); фамилии не упоминались, а имя обязательно писалось по-французски даже в тех случаях, когда вывеска была

написана по-русски. Помещали на вывесках и перечень оказываемых услуг с указанием цен.

На вывесках корсетных мастерских изображались дамы с осиными талиями в корсетах или одни корсеты; фамилии владелиц мастерских и модисток писались по-французски с добавлением слов «мадам» или «мадемуазель».

На вывесках портных красовался военный мундир с надписью «для г. г. военных» или фрак, сюртук — «для г. г. статских».

На вывесках фуражечных мастеров — многочисленные изображения разного рода форменных фуражек и гражданских головных уборов.

Обойно-драпировочные мастерские демонстрировали на вывесках все виды своих услуг: мягкие кресла, диваны, французские шторы, пышные портьеры с ламбрекенами и перехватами.

На вывесках столяров рисовали либо рубанок со стружками, либо табуретки; на вывесках бочаров — бочки и бочонки разных размеров.

На вывесках кузнечных мастерских чаще всего можно было увидеть подковы и фрагменты кованых решеток, а порой кузнеца, подковывающего лошадь.

Вывески пивных и портерных были разделены по горизонтали на две равные части. Верхнюю красили в желтый, а нижнюю — в зеленый цвет. Белыми или черными буквами делалась надпись «Пивная», которая шла по центру и верхней половиной ложилась на желтый фон, а нижней — на зеленый. На вертикальных вывесках, тоже двухцветных, писали: «Пиво, раки, воды, горячие и холодные закуски», а иногда изображали раков, часто державших в клешнях кружку пива с обильной пеной.

На вывесках трактиров и чайных рисовали большой чайник, из которого идет пар, рядом с ним — маленький чайник для заварки. Были вывески с изображением полового, несущего на подносе чайники и закуски.

Рестораны не имели фигуративных вывесок. Чем шикарнее и дороже был ресторан, тем менее заметной была его вывеска, выполнявшаяся обычно из металлических накладных букв.

Рынки

В понятие «рынок» входило не только здание или комплекс зданий (торговые помещения и склады), то есть не только места купли-продажи. Рынки являлись отражением существовавших в дореволюционной России социально-экономических отношений. Это была яркая галерея разнообразных характеров, типажей, костюмов и бытовых подробностей. Здесь сталкивались представители всех социальных слоев: от богатых барынь, приезжавших в собственных экипажах в сопровождении лакеев и горничных, до нищих, от купцов-«миллионщиков» до бродячих торговцев, от известных коллекционеров, ищущих на рынке пополнений для своих коллекций, до бедняков, покупающих подержанные вещи.

В районе рынков, на прилегающих к ним площадях и улицах жизнь била ключом. Рынок, или, как его еще называли в провинции, базар, был средоточием всей торговой деятельности небольших городов. В больших городах, особенно в столицах, где имелось несколько рынков, каждый из них играл роль торгового центра для своего района, в значительной мере предопределяя характер окружающей застройки, размещение торговых точек, ночлежек и других «обслуживающих заведений», имевшихся на окрестной территории.

Большинство рыночных зданий строилось в конце XVIII — начале XIX века и, несмотря на разнообразие масштабов и архитектурных решений, имело в общем схожую планировку. Это невысокие, в два-три этажа, сводчатые здания, растянутые в длину, в форме замкнутого прямоугольника, с обширным двором-площадью в центре.

Рыночные здания этого типа назывались поразному: «торговые ряды», «гостиные дворы». Однако функционально, по планировке «ряды» и «дворы» не отличались друг от друга. В тех и других лавки, в большинстве случаев одинакового размера, помещались по внешним сторонам прямоугольника, имели одинаковые окна и двери. Если здание имело два этажа, то каждая лавка чаще всего занимала помещение в обоих этажах, сообщающихся внутренней крутой лестницей. Торговля производилась в первом этаже, второй отводился под склад и контору. Впрочем, иногда торговали и на втором этаже. Каждая лавка имела также подвал с отдельным люком для разгрузки товара и свой выход во внутренний двор. Во дворе с каждой из сторон прямоугольника основного здания имелись свои ворота. Иногда внутри основного двора строились складские и торговые помещения, имеющие свои небольшие дворы. Эти постройки, принадлежавшие отдельным фирмам и купцам, относятся к более позднему времени, чем основное здание рынка. Основное здание принадлежало либо городу, либо одному владельцу, сдающему внаем торговые помещения. Например, петербургский Апраксин двор (название это сохранилось и по сей день) до 1917 года был частной собственностью графини Апраксиной.

Со стороны двора около большинства лавок на деревянных или чугунных столбах пристраивались навесы для хранения товаров и тары. К стенам крепились блоки для подъема и спуска грузов.

С улицы к торговым рядам в большинстве случаев вели сводчатые аркады, вымощенные

известняковыми плитами. Лавки помещались в глубине крытой галереи, опоясывающей рынок по наружным сторонам и защищавшей покупателей от дождя и снега. В аркадах у входа в лавки часто выставляли крупногабаритные товары (мебель, сундуки, наряженные манекены и т. п.), а внутренняя часть аркад использовалась для вывесок.

Каждая лавка имела свой порядковый номер, обозначенный на вывеске, на стекле входной двери и на ставнях.

Так называемые крытые рынки появились в конце XIX — начале XX века. В отличие от торговых рядов они не имели внутреннего двора, а стеклянная крыша и значительная высота делали их похожими на железнодорожные вокзалы.

По внутренним стенам таких рынков размещались продуктовые лавки (называемые тогда «съестными»), а по внешним те, которые можно объединить современным понятием — промтоварные. В центре рынка располагались длинные прилавки съестных товаров.

Общим для всех рынков прошлого был принцип деления на ряды. Торговля однородными товарами размещалась по линиям. Такое деление бесспорно проводилось в интересах покупателя, который мог купить то, что нужно, в определенном месте. С другой стороны, это усиливало конкуренцию между торговцами, влияло на цены и широту ассортимента.

Провинциальный рынок был всегда универсальным, а в столицах кроме универсальных бывали еще и специализированные, служившие и центрами мелкооптовой торговли. Оптовики располагались внутри рыночного двора, часто в своих отдельных зданиях.

На рынках не придерживались правила «цены без запроса». Сам процесс торговли включал в себя обязательный ритуал как для продавцов, так и для покупателей, с определенной долей развлечения и азарта. «Торговаться, как на рынке» — выражение не случайное, а отражавшее существовавшее положение вещей, хотя цены на рынках на все товары были значительно ниже, чем в городских магазинах и лавках.

В конце XIX века и в начале XX века рыночные здания, построенные сто — сто пятьдесят лет назад, уже не удовлетворяли потребностям разросшейся торговли. Она перехлестывала через их стены. Кроме того, мелких торговцев не устраивала высокая арендная плата за торговое помещение. Все это привело к появлению на рыночном дворе и за его пределами многочисленных палаток, больших лотков под брезентовым или клеенчатым навесом.

Торговали и с «развалов». Прямо на земле, на мешковине и рогожах, раскладывали гончарные изделия, замки, ключи, старую обувь и одежду, мелкую галантерею, иконы, старые книги и всякие другие мыслимые и немыслимые товары. Даже тут, в «развалах», сохранялся неизменный рыночный принцип расположения рядами в торговле.

Вокруг палаток и развалов шла торговля «с рук» и «в разнос» кустарными изделиями, корзинами, решетами, ложками, «ножевым» товаром и т. п. Торговали в разнос и съестным: пирожками («с пылу-жару, пятак за пару»), копченой и сушеной рыбой, грибами, моченными яблоками, пряниками, леденцами, хлебным квасом и сбитнем.

Помимо торговцев и покупателей рынки притягивали к себе толпы нищих, шарманщиков, фокусников, бродячих ремесленников, точильщиков, «холодных» сапожников, чинивших обувь прямо «с ноги», уличных парикмахеров, писцов, которые тут же писали письма и заявления для неграмотных клиентов.

Разношерстная и разномастная рыночная толпа производила много шума. Зазывали покупателей торговцы и приказчики, кричали разносчики, причитали многочисленные нищие, шумели пьяные, которых всегда было много на рынках, грохотали колеса ломовых телег и ручных тачек. На некоторых рынках к этому прибавлялось еще кудахтанье кур, гоготанье гусей, визг свиней и поросят, привозимых на продажу окрестными крестьянами, торгующими с возов, установленных у рынка или во внутреннем дворе. При этом лошади обычно выпрягались, их разворачивали головой к телеге и оставляли между оглоблями. Они ели сено, лежащее на телеге, или овес из торб, подвешенных им на шею, отгоняя хвостами многочисленных мух.

С возов торговали овощами и фруктами, солеными огурцами и кислой капустой из бочек, сеном, овсом, дровами. Дрова продавали возами и вязанками. Покупая воз, покупатель, сторговавшись с продавцом, садился на телегу и вез дрова домой. Вязанки грузили на ручную тележку или просто взваливали на спину тут же нанятому грузчику.

Продавали дрова и непиленые, в виде длинных круглых чурбаков. На рынке всегда можно было нанять пильщиков дров, толпящихся вокруг возов с пилами, обмотанными тряпками, и с топорами за поясом. С возов продавали свои изделия и деревенские кустари — гончары, корзинщики, бондари, колесники, сундучники, ложкари.

Помимо всего прочего рынки являлись своеобразной биржей труда: здесь нанимали для разовых работ маляров, стекольщиков, плотников, гурзчиков, землекопов, кровельщиков. Весь этот люд приходил на рынки со своим нехитрым инструментом, часами ожидая случайной работы.

Почти при каждом рынке существовала толкучка, как тогда говорили «толчок» или «толку-

чий рынок», где продавали всякие ношеные и случайные вещи, ветошь (от слова «ветхий» — старый). Для толчка отводился пустырь за рынком — майдан. Реже толчок находился внутри рыночного двора. Кроме случайных покупателей и продавцов на толкучем рынке торговали перекупщики — маклаки, объединенные в своеобразную корпорацию, имеющую свой профессиональный жаргон, непонятный для посторонних.

Специально для толчка шили брюки с одной штаниной, сапоги на картонных подметках и другие недоброкачественные изделия. Легковерному покупателю показывали хорошую вещь, прельщая его дешевизной. Затем всучивали вместо нее негодную. Отсюда идут выражения «рыночная вещь», «рыночная работа» как синонимы плохого качества.

Значительно отличались от обычных конные и птичьи рынки. На окраине города на большом пустыре, часто не мощеном, обнесенном невысокой оградой, продавали не только лошадей, но и коров и мелкий скот. Здесь торговали и дорогими рысаками и жалкими клячами, которых татары покупали на мясо. Коннозаводчики приводили табуны кровных лошадей, а бедные мужики продавали последнюю лошаденку.

Сюда приезжали и богатые господа, чтобы подобрать «под масть» рысака для парной запряжки, и офицеры — приобрести верховую лошадь, и оптовые покупатели-ремонтеры для пополнения конского состава в армии, и лихачи извозчики — купить «севшего на ноги» или страдающего «запалом» (эмфизема легких) рысака, забракованного на бегах или в барской конюшне, и крестьяне — за новой лошадью. Крестьяне, бывало, приходили на рынок с хомутом от павшей лошади, чтобы по его размеру подобрать новую, так как покупка одновременно новой лошади и нового хомута была для них непосильной тратой. (Отсюда ходовое выражение «по хомуту коня покупает».)

Помимо случайных продавцов и покупателей конный рынок имел своих «аборигенов». Ими были профессиональные торговцы лошадьми — барышники (покупали дешево, продавали с барышом, с выгодой), цыгане, славившиеся тем, что лошадей красили в другие цвета, подпиливали им зубы, надували воздухом опавшие бока и животы (об этом «методе» живописно рассказывает дед Щукарь в «Поднятой целине» М. Шолохова).

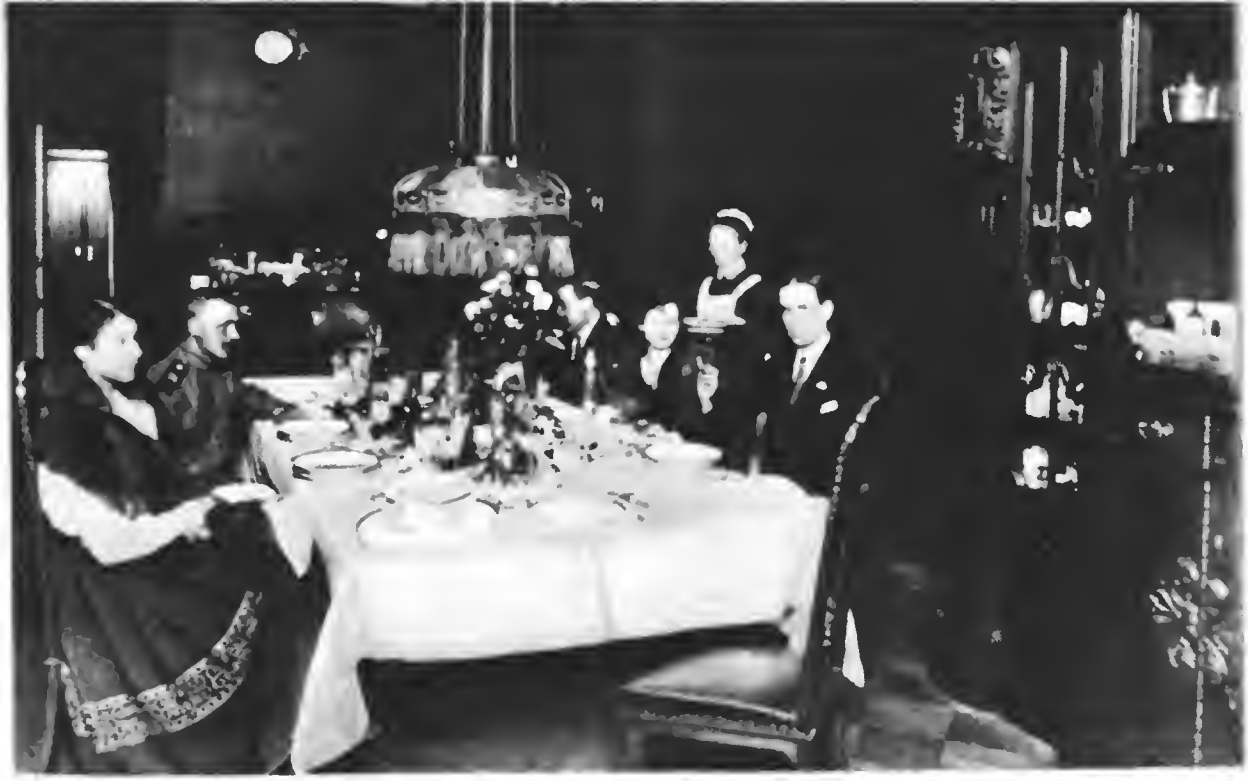
Больше всего на конном рынке толклись любопытные и любители. Вокруг продавца и покупателя обычно собиралась толпа советчиков и «болельщиков», кто болел за продавца, кто за покупателя. Торговались долго, «били по рукам», заглядывали лошадям в зубы, щупали ноги и копыта. Благополучно завершившаяся сделка заканчивалась, по обычаю, передачей повода от проданной лошади «из полы в полу»: повод передавался завернутым в полу одежды продавца, а покупатель принимал его в полу своей одежды. Купленных лошадей привязывали к экипажам и телегам, к оглобле, либо к задку. Покрытых попонами рысаков и верховых лошадей вели под уздцы конюхи и солдаты. Крестьяне уезжали с рынка верхом на неоседланных конях.

В той части конного рынка, где продавался скот, покупатели и продавцы не были столь раз-

45. Парадная лестница в богатом жилом доме. Петербург
46. Парадная лестница в доме графини Паниной. Петербург. 1913 г.
47. Вестибюль в доме графини Паниной
48. Вестибюль в жилом доме. Петербург. 1914 г.
49. Уголок жилого дома.
50—55. Интерьеры столовых в богатых домах. Петербург
56. Расписной фриз и колонны в доме № 71 по Каменноостровскому проезду (арх. Щуко). Петербург. 1914 г.
57. Уголок интерьера в квартире. Петербург. 1914 г.
58. Анфилада жилых комнат. Петербург. 1914 г.
59. Спальня в доме графини Паниной
60. Кровать в доме князя Кочубея. Петербург. 1906 г.
61. Камин и уголок интерьера в богатой квартире. Петербург
62. Часть ванной комнаты
63. Уголок кабинета
64. Домашний кабинет министра народного просвещения. Петербург, 1913 г.
65. Спальня в купеческом доме. Петербург
66. Уголок гостиной
67. Домашний кабинет крупного чиновника. Петербург
68. Гостиная в купеческом доме
69. Спальня в квартире чиновника. Петербург
70. Гостиная в номере-люкс гостиницы «Астория». Петербург, 1913 г.
71. Список купцов в здании фондовой биржи, пожертвовавших средства на нужды Петербургского биржевого общества
72. Операционный зал фондовой биржи. Петербург. 1903 г.
73—76. Мраморные бюсты российских императоров, установленные в зале биржи: Александра I, Николая I, Александра II и Александра III
77. Бюсты Александра III на выставке в фондовой бирже, представленные на конкурс скульптором Ивановым. 1903 г.

47

48



54

59

60

62
63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73
74

75
76

77

нородны. Там орудовали торговцы скотом — прасолы, продававшие гурты (партии) скота мясоторговцам; им помогали гуртоправы. Основную массу продавцов и покупателей составляли крестьяне. На самом рынке и вокруг него продавали фураж (сено и овес), разную сбрую, подержанные экипажи, колеса, подковывали лошадей.

В отличие от обычных рынков конные функционировали не ежедневно, а в определенные дни. Во время первой мировой войны, территория конных рынков использовалась для мобилизации конного состава, а иногда здесь же организовывали сборный пункт для запасных, забираемых в армию.

На птичьем рынке торговали не только певчими птицами и голубями, но и мелкими домашними животными, аквариумными рыбками, рыболовными и охотничьими снастями, клетками для птиц, кормами для птиц и рыб, чучелами, собачьими ошейниками, намордниками и поводками, аквариумами и пр.

Как и на конном рынке, здесь преобладали любопытные. Особенно часто ими были дети бедняков, для которых рынок был бесплатным развлечением. У клеток с певчими птицами стояли толпы знатоков, слушая рулады канареек и соловьев. Любители погонять голубей («голубиной охоты») толпились вокруг клеток с воркунами, вздувающими зоб пузырем, около белых с черными крыльями чистяков, рыжих турманов, вертящихся в полете, пышнохвостых трубачей, мохноногих и хохлатых козырных голубей. Продавали и других птиц: снегирей, щеглов, коноплянок, овсянок, даже воробьев. Многие — особенно дети — покупали их лишь для того, чтобы выпустить на свободу.

Покупателей привлекали и собаки. Среди посетителей встречались и солидные охотники, подыскивающие «ружейную» собаку, и ребятишки, покупавшие беспородных щенков.

В то время были распространены другие породы собак. Многие из них сейчас встречаются редко, а некоторые вымерли совсем. Например, огромные меделяны (древняя русская порода «медвежьих» собак), стройные левретки (маленькие гладкошерстные борзые), лохматые поджарые хортые (русские борзые), кривоногие английские бульдоги, похожие на жаб, юркие черно-белые гладкошерстные фокстерьеры, толстые, кофейного цвета с черной курносой мордой мопсы.

Доберманов, восточноевропейских овчарок, боксеров, шотландских терьеров, мальтийских болонок тогда еще не держали.

Продавали на рынках также белок, морских свинок, белых мышей, кроликов, ежей. Иногда встречались и экзотические звери и птицы обезьянки и попугаи.

На рынках вообще, а на толкучках в особенности сновали многочисленные жулики: карманники, профессиональные игроки в орлянку, в кости и в «три листика», предсказатели будущего, цыганки-гадалки. Непременными участниками рынка были также уличные фотографы.

Пеструю картину рынков дополняли тиры, балаганы, карусели, силомеры, петрушки, дрессированные медведи, стереоскопические «панорамы» и другие виды ярмарочных увеселений. Жизнь на рынке замирала постепенно. Первыми уезжали на своих возах крестьяне. Затем расходилась толкучка.

Рыночный люд еще толпился у зрелищ и аттракционов, в обжорном ряду, где на длинных столах продавали горячие щи и кашу. Последними закрывались лавки. Их закрывали обстоятельно — ставнями, засовами, пудовыми амбарными висячими замками. Рыночные сторожа затягивали пролеты арок галереи цепями или канатами. У некоторых лавок сидели на ящиках «свои» сторожа, а рыночные ходили вокруг с колотушкой в одной руке и с фонарем в другой. Часто их сопровождали собаки, бывшие наряду с колотушкой «орудием» против грабителей. С рассветом рынок вновь оживал. Сматывались цепи и канаты, открывались лавки, приезжали возы, постепенно собиралась толкучка, начинал действовать обжорный ряд и через пару часов рынок принимал свой обычный вид.

Городской транспорт

Конка и трамвай. В последнюю четверть XIX века в Петербурге, Москве и во многих губернских городах появляется и быстро становится основным видом общественного транспорта конка — двухэтажный вагон с местами для пассажиров внутри и на крыше. Площадка на крыше называлась империалом, к нему с открытой задней площадки вела крутая винтовая лестница.

Проезд на империале стоил дешевле, чем внутри вагончика, и это определяло состав его пассажиров. Конка двигалась по рельсам, проложенным по улицам города, подобно трамвайным рельсам. Вагоны конки окрашены были в голубой и красный цвета.

Решетчатые ограждения империала были завешаны рекламными вывесками и объявлениями. Движущей силой конки была пара тяжелых лошадей, запряженных в дышло. Управлял ими кучер, стоявший на открытой передней площадке конки и беспрерывно звонивший в висячий колокол для предостережения пешеходов. Лошади с трудом брали с места тяжелый вагон, но раз тронувшись, он катился по рельсам довольно быстро за счет инерции. Однако эта же инерция затрудняла остановку, поэтому, разогнавшись, надо

было на половине прогона начинать тормозить. Торможение достигалось замедлением хода лошадей и ручным тормозом, находившимся на передней площадке. Для подъема на мост или в гору силы двух лошадей не хватало, и поэтому у мостов и подъемов верховой на вспомогательной лошади, запряженной в хомут с постромками, дежурил, ожидая очередного вагона. Эту лошадь припрягали к конке, а на самой высокой точке подъема отпрягали, и она возвращалась вниз, чтобы ожидать следующий вагон.

На маршрутах, изобиловавших подъемами, в конку запрягали сразу трех лошадей. Две в дышло и одну в пристяжку.

Кроме конки с империалом существовал еще другой, более облегченный тип вагона — одноэтажный, без стенок и империала, с крышей, укрепленной на чугунных столбиках. Сиденья в этих вагонах были поперечные, а не продольные, как в конках с империалом. Для защиты пассажиров от дождя и ветра с крыши опускались плотные занавески.

Трамвай вытеснил конку из центра, но даже в Петербурге она сосуществовала на окраинах с трамваем вплоть до 1917 года. Любопытно, что облегченные коночные вагоны в ряде городов получили вторую жизнь в виде прицепных трамвайных вагонов — первые трамваи были одновагонными и еще не было специальных прицепных вагонов.

В Петербурге была еще конка особого типа, хотя собственно конкой она не являлась,— тяга у нее была паровая. В обиходе ее так и называли — паровой конкой. Маршрут ее пролегал от Московского вокзала к фарфоровому заводу на Невскую заставу — один из основных рабочих районов Петербурга, прославленный героической Обуховской обороной 1901 года.

Паровая конка представляла собой поезд с паровозом и несколькими вагончиками. Исчезнувшая еще в конце 20-х годов паровая конка неожиданно вновь появилась на улицах Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: в дни блокады. Она перевозила грузы, вооружение и бойцов, заменяя по мере возможности бездействующий трамвай.

В начале XX века в городах России появляется электрический трамвай. Первый трамвай в России пошел по улицам Киева, затем Москвы и позже всего Петербурга.

Появлению трамвая предшествовали бурные дебаты в городских думах. Ярые противники новшества доказывали, что трамваи напугают лошадей, электрический ток будет убивать людей и вызывать пожары и т. д. Эти дискуссии отражены в юмористических журналах тех лет. За всеми возражениями стояли вполне реальные экономические причины. С одной стороны, конка приносила городам значительные доходы, причем расширение коночных линий требовало только прокладки рельсов, в то время как введение трамвая было связано с крупными капиталовложениями на сооружения электростанций, сети проводов, постройку трамвайных депо, на закупку за границей подвижного состава, специального обучения персонала и т. д. Кроме того, трамвай сокращал клиентуру конного транспорта, а в числе «отцов города» — гласных думы находились и извозопромышленники, которым, естественно, это было невыгодно.

Постройка трамвайных линий была передана иностранным концессионерам. Так, в Киеве трамвай строили бельгийцы, а в Петербурге — немцы. Любопытно, что первый трамвай в Петербурге был проложен не по земле, а... по льду Невы, через которую он перевозил пассажиров зимой.

Петербургский трамвай сначала состоял из маленьких коротких вагончиков без прицепа. Этот тип вагонов просуществовал недолго и был заменен в период 1908—1910 годов более крупными вагонами, продержавшимися до конца 30-х годов. Трамвайный поезд состоял из двух вагонов — моторного и прицепного. Вагоны имели открытые передние и задние площадки. Вместо входных дверей были низенькие решетки. Между площадкой и вагоном двери не было. Сиденья в вагоне были только продольные — дубовые скамьи под окнами. Освещался вагон несколькими плафонами, расположенными по центру потолка. Снаружи вагоны были красного цвета с белой полосой над колесами. На полосе надпись «Вход и выход во время движения воспрещается». По центру боковой стенки с обеих сторон изображен герб Петербурга. На торцовой стенке объемно нарисован номер вагона. По краю крыши вагона укреплялась белая доска с маршрутом данного номера трамвая. По краям доски стояли обведенные кругами цифры номера. За доской были укреплены рекламные щиты. С торцовой стороны крыши также была установлена белая доска, но на ней указывался только начальный и конечный пункты маршрута. Несколько выше, на трапециевидной доске, окаймленной с обеих сторон условными цветами, присвоенными трамваям данного маршрута, еще раз указывался его номер. По краям торца было два цветных фонаря, по которым пассажиры, ожидающие трамвая на остановке, могли вечером издали узнать свой номер. Эти условные цвета до сих пор сохранились на ленинградском трамвае.

На передней торцовой стенке моторного вагона, ниже лобового стекла, был помещен рефлектор, в котором горела не очень яркая электрическая лампочка, и висел рукав воздушного тормоза, называемый в просторечии «колбаса». Такая же «колбаса» висела на задней торцовой стенке прицепного вагона. Ездить на «колбасе»,

то есть стоять на буфере, держась за «колбасу», было любимым развлечением уличных мальчишек, а в дни Октябрьской революции 1917 года на «колбасе» можно было увидеть и бородатого солдата с винтовкой.

Любопытно, что в трамваях тех лет звуковая сигнализация была не электрическая, а ручная. При отправке кондуктор прицепного вагона дергал за веревку, тянувшуюся к звонку, укрепленному на потолке задней площадки моторного вагона. Кондуктор моторного вагона, услышав этот сигнал, дергал свою более короткую веревку и раздавался звонок на передней площадке. Услышав его, вагоновожатый в свою очередь нажимал ногой звонок, помещенный справа от его сиденья, и только после всех этих перезвонов трамвай трогался с места. В пути вагоновожатый почти непрерывно звонил в свой ножной звонок, предостерегая встречный конный транспорт и прохожих.

Сидел вагоновожатый на высокой круглой табуретке с тремя металлическими ножками. Слева перед ним находился закрытый черным металлическим кожухом так называемый контройлер (пусковое устройство), на верхней горизонтальной плоскости которого находилась железная коробка с солью и тряпкой для протирания замерзшего смотрового стекла («дворников» или других приспособлений для очистки стекол тогда не было). Кондукторы тоже держали под скамейками соль и тряпку для протирания стекла у своего рабочего места.

Пассажиры, стоявшие в вагоне, держались за мягкие кожаные петли, укрепленные на специальных палках по обе стороны вагона. Эти петли впоследствии были заменены стремевидными держателями из пластмассы, висящими на брезентовых коротких ремнях.

Трамвайные вагоны не отапливались, и поэтому зимой стекла замерзали. Пассажиры дули на покрытые морозными узорами стекла, чтобы увидеть, какое место проезжают,— кондукторы не объявляли остановок.

До первой мировой войны трамвайный билет стоил три копейки. Во время войны его стоимость была поднята до пяти копеек, при этом он давал право на проезд не по всему маршруту, а лишь на определенное количество остановок — станций. При входе в вагон надо было назвать кондуктору нужную остановку, и он говорил, сколько билетов надо взять. Весь маршрут был разбит на пять-шесть станций. Билет каждой станции был другого цвета. Московский трамвай по своему виду значительно отличался от петербургского: его вагоны тоже были красные, но более темного цвета, полоса была не белой, а цвета «слоновой кости», номер на передней части моторного вагона обозначался не на трапециевидной, а на круглой доске. Кроме «номерных» маршрутов в Москве было два литерных — «А» и «Б». Это были кольцевые маршруты. «А» ходил по бульварному кольцу, то есть по окружности древнего Белого города. Трамвай «Б» шел по Садовому кольцу, то есть по границе бывшего Земляного города.

Старые московские трамвайные вагоны, в отличие от петербургских, имели и продольные и поперечные скамьи, выкрашенные красным лаком. Держатели для стоящих пассажиров имели стремевидные металлические ручки на брезентовых ремнях; впоследствии они были заменены пластмассовыми, несколько измененной формы.

Характерной чертой старых моторных вагонов, московских и петербургских, было наличие контройлеров и тормозов на обеих площадках. Это давало возможность обходиться без кольцевого пути в конце маршрута: вагоновожатый просто переходил на противоположную площадку и ехал в обратную сторону. Разумеется, в тех случаях, когда трамвайный поезд состоял из одного моторного вагона, без прицепа.

Трамвайные рельсы не изменяли своего вида и в начале века выглядели так же, как сейчас.

Трамвайные провода крепились к специальным столбам с перекладиной. При двустороннем движении трамвая столбы стояли между путями, а при однорельсовом пути — сбоку. Столбы были чугунными, литыми, перекладина украшалась резным орнаментом — в Москве и Петербурге разным. Такие столбы сейчас сохранились только на мостах, где нельзя применить современную воздушную подвеску проводов.

Остановки в Петербурге и в Москве тоже были разными. В Петербурге, где улицы, как правило, были шире, остановка имела вид невысокой — в одну ступеньку — платформы, равной по длине двухвагонному поезду. Платформа была шириной около полутора метров и имела закругленные торцы. Края платформы делались из гранитного поребрика, а середина — из деревянных торцов. На столбе для проводов висел небольшой ящичек-транспарант с надписью «Остановка», без указания номеров проходящих маршрутов.

В Москве на остановках, на специальных невысоких столбиках, укреплялся эмалированный щиток, разграфленный на квадраты с обозначением номеров проходящих маршрутов. Над этим указателем была крыша со спрятанной в ней электрической лампочкой, освещающей его по вечерам. Платформы для ожидания были асфальтовые, но их было мало. Отличительная черта московских трамвайных остановок — наличие крытых застекленных с трех сторон павильончиков со скамейками. Павильоны строились в стиле «модерн». На их крышах пестрели рекламы. На площадях стояли павильоны более крупных размеров. Помимо скамеек для пасса-

жиров в них помещались служебные помещения для трамвайного персонала, а в подвалах — общественные уборные. В 30-х годах в связи с реконструкцией Москвы эти павильоны были снесены.

В провинциальных городах трамваи были схожи либо с московскими, либо с петербургскими.

Автомобили. Первые единичные легковые автомобили (или как их чаще именовали «моторы») появились в России еще в конце XIX века. Они очень мало походили на современные и более всего напоминали кареты и коляски.

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов автомобили использовались в армии как штабное средство передвижения и санитарный транспорт. После 1905 года автомобили все чаще начинают появляться на улицах Петербурга и Москвы, а изредка в других городах. Сначала появляются легковые машины, принадлежавшие аристократии и крупной буржуазии, затем появляются таксомоторы (такси). Вслед за ними и грузовые машины, фирменные автофургоны, пожарные автомобили и т. д.

Уже перед первой мировой войной автомобиль в крупных городах и столицах перестает быть редким явлением, собирающим толпы зевак и наводящим панику на лошадей, как это было еще недавно. Но в годы войны частный легковой автотранспорт реквизируется для обслуживания армии и почти исчезает с улиц городов.

Своей автомобильной промышленности в России тогда фактически не было, если не считать заводов «Дукс» и Русско-балтийского, которые выпускали ничтожное количество легковых машин, в основном собранных из импортных деталей. Наиболее распространенными марками легковых машин были: французские — «Дион-Бутон», «Пакар-Лэвассер», «Рено», «Пежо»; немецкие — «Доймлер-Бэнц», «Мерседес», «Опель»; итальянские — «Фиат», «Мангия»; более редкими были английские марки — «Нэпир», «Роллс-Ройс», «Пирс-Арроу», «Санбим». Американских машин почти не было, лишь изредка попадались «Паккарды» и «Студебеккеры».

К 1914 году автомобили уже стали заметно отличаться по виду от экипажей, сохраняя с ними сходство лишь в элементах отделки (стеганые, с пуговками, кожаные сиденья, подъемный верх, спускающиеся, как в каретах, окна, навесные медные фонари, колеса с деревянными спицами, деревянные кузова и кузова, обтянутые кожей).

В эти годы было много открытых автомобилей. В случае ненастья и зимой их покрывали кожаными или брезентовыми «верхами» со слюдяными или целлулоидными окошечками сбоку и сзади. Закрытые автомобили-лимузины зачастую имели крышу только над задним сиденьем, а шофер, как кучер в карете, сидел без крыши над головой; иногда над ним натягивали брезентовый верх.

Все автомобили имели шасси — раму, на которой крепился кузов, поэтому делалась наружная ступенька-подножка. Рычаги переключения скоростей и тормоз были вынесены за борт автомобиля. За бортом также был и клаксон (сигнал) в виде резиновой груши с медным рожком. Рожок соединялся либо непосредственно с грушей, либо через гибкий шланг. В этих случаях рожок зачастую имел форму змеиной головы с раскрытой пастью. На подножке, рядом с сиденьем шофера, стоял в деревянном ящике аккумулятор. Здесь же было укреплено запасное колесо или покрышка. Иногда запасное колесо крепилось и позади кузова, а в закрытых автомобилях — на крыше. Колеса были с деревянными спицами, выкрашенными обычно в яркий цвет (желтый, красный). Были в ходу колеса и с велосипедными спицами. Колеса со сплошным диском встречались редко.

На французских и немецких машинах руль был установлен с правой стороны. На английских и американских — слева. На крыше закрытых автомобилей часто была укреплена решетка для багажа. Багажников сзади машин не было; автомобили тех лет не имели переднего и заднего бампера (предохранительного бруска). В закрытых автомобилях между шофером и задним сиденьем имелась стенка или стекло; для разговоров с шофером в кабине была установлена переговорная трубка.

Окраска автомобилей большей частью была черной, но встречались машины темно-синего и красного цвета. Колеса их обычно красили в другие цвета. Автомобили светлых тонов встречались очень редко, главным образом это были открытые дорожные и спортивные машины. В войну машины стали перекрашивать в цвет хаки. Кузова дорогих машин делались из полированного красного или палисандрового дерева; а капоты были медными или никелированными. Обычно же машины были окрашены масляной краской и лаком или обтянуты черной кожей. Нитропокрытия тогда не было, и машины были более матовые, чем современные. Кузова были очень высокими — в них мог сидеть человек в цилиндре или в высоком кивере. На дверцах частных машин, принадлежавших знати, изображались фамильные гербы либо монограммы с графскими или княжескими коронами сверху. Эти монограммы были из накладного серебра. Буржуазия довольствовалась одними монограммами. На дверцах придворных автомобилей красовался двуглавый орел.

Наружные металлические части и детали кузова чаще всего изготавливались из меди, но были и никелированные. Шины (покрышки) были пневматическими и очень разнообразными по фасону и объему, но в общем более «тощими», чем современные. Распространены были шины белого и красного цветов. Иногда для прочности шины покрывали металлическими бляшками. Использовались шины русских фирм «Треугольник» и «Проводник», а также иностранных марок «Дэнлоп» и чаще «Мишелен». Реклама шин «Мишелен» — смешной толстый человечек, весь сложенный из шин, в автомобильном шлеме и очках — заполняла страницы журналов и афиш. Следует добавить, что в начале века шины имели гладкую рабочую поверхность. Перед мировой войной стали появляться шины с выпуклым рисунком ходовой части, препятствующим скольжению. Особенно рекламировались шины «Елка-Треугольник».

На автомобилях этого времени подфарников не было. Были только фары в виде фонарей (электрические либо карбидные). На большинстве автомобилей фонари были съемные, водитель мог использовать их, чтобы, например, осветить яму на дороге или при ремонте машины в пути. Для переноски фонари имели специальные ручки. Стоп-сигналов автомобили не имели. Номер машины вешался сзади, на кузове или на крыле, и не был освещен. Номер состоял только из цифр, литер не было. Автомобили высокопоставленных лиц были вообще без номеров.

Обивка автомобилей была главным образом кожаная; наиболее распространенными цветами обивки были черный, красный, зеленый, коричневый. Автомобили не имели тогда отопления, и зимой пассажиры обычно закутывали ноги пледом или меховой полостью.

На крышке радиатора часто можно было увидеть различные фигурки, причем они не имели значения фирменных знаков, как это принято на современных автомобилях, а просто каждый, кто хотел, мог купить или заказать фигурку по своему вкусу.

Следует добавить, что автомобили были гораздо более шумными на ходу, чем даже современные грузовики. Характерной чертой движущегося автомобиля тех лет кроме шума были облака темного дыма, выходящего из выхлопной трубы.

Несмотря на всю примитивность (на сегодняшний взгляд) конструкции, старые автомобили отличались завидной стойкостью и прочностью; они продержались в эксплуатации до конца двадцатых годов. Скорость у них была довольно большая (50—70 км в час); она достигалась за счет мощности мотора в 50—150 лошадиных сил. Гораздо хуже обстояло дело с пуском и торможением. Автоматических стартеров не было, и мотор заводился вручную специальной ручкой, что требовало большой силы и сноровки. Тормоз тоже был ручной, поэтому быстро затормозить было нельзя. Первая жертва автомобиля, некая англичанка, была задавлена машиной, шедшей со скоростью семь километров!

Автомобили были очень тряскими, так как рессоры на них стояли почти такие же, как на конном экипаже, а гидравлических и тем более масляных амортизаторов еще не существовало. Тряску усугубляло отсутствие асфальтового покрытия на улицах и дорогах. И, конечно, автомобили были неэкономичными по затрате горючего, тем более что в своем большинстве они имели 6-цилиндровые моторы (хотя были и 8- и даже 12-цилиндровые); 4-цилиндровые моторы обычно стояли на двухместных машинах.

Грузовые автомобили появились в России позже легковых, но как средство санитарного транспорта они использовались уже в русско-японскую войну.

Примерно с 1912—1913 годов замечается резкое увеличение числа грузовых автомобилей, автофургонов и специальных машин (пожарных, почтовых и др.). Грузовой автомобиль выглядел очень примитивно. Он не имел «предков» и эволюционировал без оглядки на прошлое. Габариты грузовиков примерно были такие же, как у современных трехтонок. Колеса были литые, с металлическими спицами. У некоторых грузовиков пространство между спицами заполнялось металлом. Покрышки были не пневматические, а из цельной резины. Грузовики не имели кардана, вместо него были цепные передачи на задние колеса. Цепи были открытые, иногда их прикрывали специальными металлическими кожухами. Кабины водителя не было, вместо нее было одно сиденье, над которым порой на двух рейках или трубах укреплялась крыша-козырек. Зачастую грузовик не имел даже ветрового стекла.

Тормоз, переключение скоростей, аккумулятор были вынесены на подножку, как и у легковых автомобилей. Для сигнализации имелась груша или сирена, приводимая в действие нажатием рукоятки сверху. Стартера у грузовых ав-

78. Образцовый ночлежный дом. Петербург
79. Столовая для бедных. Петербург. 1917 г.
80. Кухня в общежитии рабочих фабрики Торнтона. Петербург
81, 82. Комнаты петроградских рабочих
83, 84. Кухня
85. Часть комнаты семьи рабочего
86. Комната петроградского рабочего
87. Рабочий фабрики Торнтона за обедом

78

79

80

81

82

83
84

85

86

87

томобилей не было, и каждый раз их приходилось заводить ручкой, что требовало немалых усилий. Скорость грузовиков была незначительной, примерно 20 км в час, а грузоподъемность не превышала 5 тонн. Окраска их была преимущественно серая, колеса красные или черные. Во время войны грузовики перекрашивались в цвет хаки. Военные и санитарные грузовики имели брезентовый верх. Номерной знак грузовиков представлял собой белый круг, нарисованный по бортам и сзади. В кругу черной краской были нанесены цифры. Грузовики были исключительно иностранных марок: немецкие «Доймлер-Бэнц», французские «Рено»; встречались и американские грузовики, главным образом «Паккарды».

В дни Февральской революции 1917 года неказистый, чуть смешной, на наш теперешний взгляд, грузовик нашел себе новое применение. Грузовик, на борту которого развевалось красное знамя, в кузове стояли революционные рабочие, солдаты и матросы, а на крыльях лежали красногвардейцы с винтовками, стал своеобразным символом тех героических дней.

Мотоциклы. В дореволюционной России мотоциклы как средство индивидуального транспорта почти не употреблялись, а использовались в спорте и туризме.

Эти мотоциклы значительно отличались от современных. Они имели плоский прямоугольный бак для горючего длиной почти во весь мотоцикл — от вилки руля до седла. Подавляющее большинство мотоциклов были одноцилиндровыми.

Автоматического стартера мотоциклы не имели. Запустить его было довольно трудно. Для этого надо было крутить педали, проворачивая цепь, так сказать, «в ножную», либо, взявшись за руль, катить мотоцикл до тех пор, пока не заводился мотор. Пуск сопровождался оглушительным треском, ибо мотоциклы не имели глушителей и выхлопных труб. Черный дым валил прямо из мотора. Уже привыкшие к автомобилям городские лошади боялись мотоциклов, а собаки ненавидели их.

Большинство мотоциклов имели ременные передачи. На оси заднего колеса был металлический обод; на нем имелась выемка, по которой и вращался ремень. Помимо ременной передачи на мотоцикле были установлены велосипедные зубчатые колеса с педалями и цепкая передача на заднее колесо. Седло мотоцикла было велосипедного типа, так же как руль и рама. Электрооборудования мотоциклы не имели, а фонари были карбидные; заднего сигнала не было. Регистрационный номер мотоцикла помещался над крылом переднего колеса. До войны в Россию мотоциклы большей частью поставляли европейские фирмы: немецкие «Вандерер», «Опель», английские «Ли-Френсис», «Дуглас» и «Скотт», бельгийские «Минерва», французские «Братья Верно» и др.

Во время первой мировой войны стали появляться американские мотоциклы фирм «Индиан», «Харлей-Девидсон» и «Рединг-Стандарт», с цепной передачей от мотора на заднее колесо.

В России мотоциклы в небольшом количестве, используя импортные детали, изготовляла фирма «Дукс».

Эти мотоциклы имели пневматические сигналы — груши с одним или несколькими рожками. Ветровых стекол не было ни на мотоциклах, ни на прицепах (колясках). Прицепы, напоминавшие по форме лодку, иногда имели дверцу. Были прицепы со складным брезентовым или кожаным верхом — на случай ненастья. Верх имел целлулоидные окошечки. Сзади прицепа подвязывалось на ремнях запасное колесо.

Красили мотоциклы главным образом черной или красной краской, а военные машины — защитной. Спицы и руль были никелированными.

Изредка мотоциклы использовали для перевозок мелких грузов, газет и т. д. Грузы перевозились либо в специально оборудованном прицепе — ящике с названием фирмы, либо на трехколесном мотоцикле, имевшем два колеса спереди и одно сзади. Водитель сидел сзади.

В конце первой мировой войны стали создаваться военные мотоциклетные соединения. В основном это были пулеметные части. Легкие пулеметы крепились на руле, но были и своего рода мотоциклетные «тачанки». Пулеметчик сидел в прицепной коляске с обычным пулеметом системы «Максим». Использовались мотоциклы и как средство военной связи.

Велосипеды. Велосипед в дореволюционной России имел широкое распространение, особенно в городах, где не было общественного транспорта.

Солидным людям ездить на велосипеде считалось если не неприличным, то неудобным. Пользовались велосипедом преимущественно учащаяся молодежь, мелкие чиновники, конторщики, служащие и приказчики.

У рабочих велосипеды встречались крайне редко. Ездили на них главным образом в Петербурге и Москве сравнительно высокооплачиваемые рабочие — типографские или металлисты.

В дореволюционной деревне велосипед совершенно не имел распространения. Дачник на велосипеде собирал вокруг себя толпу любопытных, среди которых были не только ребятишки, и вызывал безудержную ярость деревенских собак, бежавших стаей за велосипедистом и норовивших укусить его за ноги.

Женщины на велосипеде ездили редко и только в дачных местностях. По улицам ездить женщинам на велосипеде считалось неприличным; на женщин-велосипедисток смотрели косо. Герой чеховского «Человека в футляре» Беликов, увидев едущих на велосипеде преподавателя гимназии Коваленко и его сестру Варенькy, спрашивает: «Разве преподавателям гимназии и женщинам прилично ездить на велосипеде?»

На велосипедах ездили почтальоны, доставлявшие телеграммы, посыльные некоторых фирм. На велосипедах специальной конструкции (трехколесных) развозили мелкие грузы и газеты. Велосипеды со складывающейся пополам рамой (так называемые «самокаты») употреблялись в армии, сначала при доставке донесений и как средство передвижения для небольших разведывательных групп, а впоследствии, во время первой мировой войны, появились целые соединения самокатчиков, игравших оперативную роль, вроде современной моторизированной пехоты.

Езда на велосипеде была тогда так же, как и сейчас, одним из излюбленных видов спорта.

Внешний вид велосипедов того времени существенно не отличался от современного. Велосипедные спицы и ободы колес были никелированные. Окраска рамы чаще всего была черная с золотой орнаментикой. Реже встречались красные или сине-голубые велосипеды. Велосипедные покрышки были из красной резины с продольными бороздками и несколько толще по диаметру современных. Часто на женских велосипедах заднее колесо покрывалось сеткой. Иногда сетка была и на мужских велосипедах. Поэтому на велосипеде можно было ездить в пелерине или накидке, да и юбки не попадали в спицы.

Женщины ездили только на специальных дамских велосипедах с низкой прогнутой рамой. Помимо сетки от возможных неприятностей оберегал специальный металлический кожух, прикрывавший цепь.

Педали велосипедов обтягивали красной резиной. Велосипедные фонари были преимущественно карбидные. Сзади велосипеды тогда не имели сигнального огня. Регистрационный номер укреплялся на оси переднего колеса, с левой стороны. Для сигнализации использовался металлический звонок либо груша, гораздо меньшая по размеру, чем автомобильная, и с менее сильным звуком.

Существовал еще один тип велосипеда, так называемый тандем, рассчитанный на поездку двух человек. Он имел соответственно удлиненную раму, два седла, две пары педалей, общую цепь Галля и одну общую передачу на заднее колесо. Управлялся такой велосипед передним седоком. Задний имел руль, намертво закрепленный на раме и служивший только для опоры рук. Тандемом пользовались преимущественно спортсмены и туристы; как уличное средство передвижения он не применялся. Встречались велосипеды, рассчитанные на трех, четырех и даже пять ездоков. Назывались они «триплет», «квадриплет» и «квинтиплет». Пользовались ими только спортсмены.

Грузовые велосипеды были трехколесными. На двух передних колесах стоял ящик для груза. Седок располагался сзади, как бы на половинке обычного велосипеда. Руль прикреплялся к ящику. Собственно, это не был обычный велосипедный руль, а нечто напоминающее поручень или скобу. Передняя ось имела поворотное устройство.

Велосипеды применялись отечественного и иностранного производства. Из русских фирм самой распространенной была «Дукс», а из иностранных наиболее популярными были «Триумф», «Вандерер», «Гладиатор». Покрышки также были как отечественного, так и иностранного производства: русские — «Треугольник» и «Проводник», иностранные — «Мишелен» и «Денлоп».

Конный транспорт. Весь легковой конный транспорт по типу используемых упряжи (сбруи) и экипажей можно разделить на две группы — русскую и английскую. Основным признаком *русской упряжи* были хомуты с гужами (так назывались петли из сыромятного ремня, укрепленные по бокам хомута) и дуги. При запряжке гуж обматывался вокруг оглобли, а в свободное после этой операции пространство петли вставлялись концы дуги. Это требовало помимо сноровки больших усилий. (Отсюда, очевидно, и происходит поговорка «взялся за гуж — не говори, что не дюж».)

Русская упряжь изготовлялась из сыромятных ремней, окрашенных в черный цвет. Ремни украшались бляхами из мельхиора, меди и серебра.

Комплект легковой упряжи состоял из хомута, обтянутого черной кожей и украшенного обычно фигурными гвоздями из белого металла. Клещи хомута (деревянная основа) были выкрашены в черный или коричневый цвет. Супонь (ремешок, которым затягивали клещи на шее лошади) вырезался из черного сыромятного ремня.

К хомуту была приделана шлея (длинный ремень, опоясывающий по длине корпус лошади), прикреплявшаяся обоими концами с помощью пряжек к хомуту. Круп лошади пересекали несколько поперечных ремней, скрепляющих обе стороны шлеи. Назначением шлеи было удерживать хомут на месте при спуске с горы. В Петербурге, где улицы были ровные, часто ездили и без шлеи, особенно лихачи и владельцы

частных экипажей. Это считалось своеобразным шиком.

Хомут имел еще одно крепление наверху. Это был короткий ремень, пристегивавшийся к сиделке. Сиделку клали на спину лошади, на то место, куда надевали седло, и она представляла собой маленькое седло из кожи с подшитым под него войлоком. На сиделке были укреплены две металлические дужки. Сиделка укреплялась на спине лошади при помощи подпруги — брезентового ремня, опоясывающего брюхо лошади. Через дужки сиделки пропускался чересседельный ремень, концы которого закреплялись на оглоблях, имеющих для этого специальные скобы; иногда чересседельный ремень шел от оглобель еще вниз к телу лошади и пропускался через специальную кожаную петлю на подпруге и только потом крепился на другую оглоблю. Иногда нижний ремень крепился независимо от чересседельного ремня.

Неотделимой частью сбруи была уздечка, или, как ее еще называли, оголовье, которая надевалась на голову лошади. Русская уздечка могла быть с шорами, или наглазниками, которые употреблялись для того, чтобы пугливая лошадь не смотрела по сторонам, а видела только перед собой. Русская уздечка могла быть и без шор, могла быть с нахрапником (ремнем, проходящим поперек носа лошади — храпа). В таком случае по лбу лошади крестообразно шли цепочки. От уздечки шли поводья, которые подвязывались к кольцу, находящемуся в центре дуги. На уздечке под мордой лошади часто прикреплялась кисточка из кожи, шерстяных ниток или из металла. Последней частью упряжи были вожжи, при помощи которых управляли лошадью. Вожжи притягивались к кольцам уздечки, на которых крепились удила, вставляемые лошади в рот. Вожжи обычно были из ремней по длине корпуса лошади, а дальше переходили в шерстяную или хлопчатобумажную тесьму. На месте стыка ременной части вожжей с тесьмой была массивная металлическая пряжка. Иногда на вожжах для удобства делались петли для рук. В такую упряжь запрягали (или, как было принято говорить, закладывали) одну лошадь, либо коренника (центральную лошадь тройки).

Помимо одиночной упряжи была еще парная, в которую запрягались две лошади по бокам одной центральной оглобли, называемой дышлом. Парная упряжь не имела дуги, хомуты были без гужей, вместо них с одной стороны были обращенные к дышлу ушки (небольшие твердые петли на хомуте). У правой лошади — с левой стороны хомута, а у левой — справа. Через ушки проходил дышловой ремень, который скреплял хомуты с дышлом. На конце дышла была для этого специальная двойная скоба. Дышло служило не для тяги, а только для поворота передней оси экипажа. Тяга осуществлялась при помощи постромок — толстых сыромятных ремней, обшитых кожей. Постромки прикреплялись к хомуту, а другим концом к самому экипажу или к специальному вальку, представлявшему собой короткую деревянную палку, прикрепляемую по центру к экипажу. В дышловой запряжке было два валька, на каждую лошадь свой. По краям валька на специальных зарубках крепились петли постромок. В середине валька было устройство, оканчивающееся крючком, к которому крепилась металлическая скоба на экипаж. Сиделок при парной упряжи не надевали, но шлея могла быть; уздечки были без поводков. Парой управляли при помощи четырех вожжей, которые использовались следующим образом: одна пара вожжей к левым удилам обеих лошадей, а другая пара к правым удилам. Кучер держал в левой руке левые вожжи, а в правой — правые. Это давало возможность одновременно поворачивать лошадей в нужном направлении.

Употреблялись вожжи и другого типа. Оба конца вожжей прикреплялись к уздечке одной лошади, а потом сходились в одну вожжу, таким образом в руках кучера оказывалась только пара вожжей.

При запряжке парой с пристяжной коренник (лошадь, запряженная в оглоблю) имел сбрую такую же, как при одиночной запряжке. Пристяжная лошадь всегда припрягалась с левой стороны. На ней был хомут без гужей или временная лямка. Хомут и лямка имели постромки, прикрепляемые к вальку. Валек же крепился сбоку у левого переднего колеса на специальном кронштейне. Сиделки на пристяжной не было. При хомуте могла быть шлея. Управлялась пристяжная отдельными вожжами или одной левой вожжой.

При запряжке тройной пристяжные были с обеих сторон. Существовала особая троечная упряжь, более богато украшенная бляхами и кистями. Под дугой вешался колокольчик, который отливали из специального сплава с добавкой серебра для мелодичности звона. Изготовляли колокольчики преимущественно в городе Валдае. На валдайских колокольчиках была надпись «дар Валдая».

«...и колокольчик, дар Валдая,
звенит уныло под дугой».

На пристяжных надевали кожаные ошейники с бубенцами. Уздечки у пристяжных часто были с наглазниками.

Коренник бежал рысью, а пристяжные скакали галопом, поэтому коренники были более резвыми. Обычно коренник был рысаком, а пристяжные — лошадьми верховых пород. Во время бега пристяжных заставляли держать голову набок.

Парная запряжка обязательно подбиралась под масть — лошади должны были быть одного цвета, с одинаковыми отметинами. В парной запряжке с пристяжной лошади могли быть и разномастные.

В тройках «под масть» обычно подбирались пристяжные, а коренник мог быть другого цвета, но были и одномастные тройки — это считалось особым шиком.

Отличительным признаком экипажей с русской сбруей был способ крепления оглоблей. Они крепились за переднюю ось сразу за внутренней стороной втулки колеса. От внешней стороны втулки до середины оглобель шли тяжи — толстые сыромятные ремни, при помощи которых осуществлялась тяга экипажей (отсюда и название). Сами же оглобли служили главным образом для поворотов экипажей.

Наиболее распространенным типом экипажей была пролетка или коляска, на юге ее называли фаэтоном. Обычно пролетка была со складным кожаным откидным верхом. Но были пролетки и без верха; ими пользовались в летнее время, на них ездили владельцы собственных выездов и изредка лихачи. Извозчики же возили только на пролетках с поднятым верхом. Пролетки были черного цвета, снаружи покрыты лаком или обтянуты черной лаковой кожей. Железные крылья покрывали лаком. Бывали крылья и кожаные, натянутые на металлический каркас. Железным или кожаным был щиток, прикрывающий ноги кучера. Сиденье и спинка были обиты либо кожей, часто стеганной, черного или красного цвета, либо сукном обычно синего цвета (у извозчиков). Такого же цвета, как обивка сидений, было обтянутое накладное мягкое сиденье на козлах (место кучера) и откидная скамеечка. По бокам козел были укреплены два фонаря, в которых горели или свечи, или карбид; гораздо реже, только в собственных выездах и у лихачей, были электрические лампочки. Сиденье пролетки было рассчитано на двух человек. Часто в пролетке была откидная скамеечка, на которой сидели спиной к кучеру.

Ноги седоков прикрывал кожаный фартук. У лихачей и на частных выездах он был из лакированной толстой кожи на суконной или замшевой подкладке. Фартук защищал ноги седоков от дождя и ветра. Нижний край фартука был наглухо приделан к задней стенке козел, а верхний имел специальные два отверстия, при помощи которых он закреплялся за медные или костяные кнопки к поручням сиденья пролетки. В хорошую погоду фартук сворачивали и привязывали двумя специальными ремешками к задней стенке козел. Таким же фартуком прикрывались ноги кучера.

Колеса пролеток были деревянными, с деревянными ступеньками (втулки были металлические) и спицами. Ободья колеса если были деревянными, то оковывались железными шинами (полосами). Были и металлические ободья, на которые вместо шины укреплялась литая резина. В Петрограде и Москве употреблялись только такие. Были также пролетки на дутиках — пневматических покрышках, напоминающих автомобильные или, скорее, мотоциклетные. Колеса были черные, в цвет пролетки (в таком случае обычно по спицам шли тонкие цветные линии — стрелки), а также цветные. Наиболее распространенными были колеса желтые и красные.

Пролетки разделялись на два типа: петербургский и московский. Петербургские именовались «виктория» (в память об английской королеве середины XIX — начала XX века). Они имели более широкое сиденье, чем московские, и большую разницу в диаметре передних и задних колес. Козлы на «виктории» являлись органической частью пролетки, а на московских они были укреплены на двух кронштейнах к щитку и крылу. Пролетки подразделялись на четырехрессорные и двухрессорные. На первых рессоры стояли параллельно колесам по передним задним осям, а на двухрессорных только по задней оси (это обычно были пролетки извозчиков). На московских пролетках часто рессору, вернее ее половину, ставили параллельно задней оси, тогда и у задних колес стояли полурессоры. Обычно рессоры окрашивались в цвет колес.

На московских пролетках иногда делали цветную полосу вокруг задней стенки кузова; петербургские пролетки всегда были однотонными.

Другими типами экипажей под русскую сбрую, употребляемыми в Петербурге и Москве, были одноконные кареты, так называемые купе. Они встречались реже карет, запряженных парой лошадей.

Только парой закладывалось ландо. Это была та же карета, но с двумя откидными кожаными верхами — спереди и сзади. Летом верхи откидывались, окно опускалось (внутрь дверцы) и ландо превращалось в большую коляску. Кареты кроме купе и ландо имели по два сиденья друг против друга.

Существовал еще один тип экипажей — шарабан; в нем ездили без кучера, правил лошадьми сам седок, поэтому козел не было. Этот экипаж называли иногда еще эгоисткой. Шарабан обычно не имел откидного верха. Были шарабаны с запряжкой в одну и в две лошади. Шарабаны чаще, чем пролетки бывали на дутых шинах. Колеса на дутых шинах делали как с деревянными спицами, так и с металлическими никелированными, схожими с велосипедными.

Остальные типы экипажей для русской сбруи употреблялись в провинциальных городах и се-

лах, но почти не встречались в Петербурге и Москве. Одним из наиболее распространенных типов таких экипажей был тарантас. Он был приспособлен для езды по плохим дорогам. Один из видов тарантаса напоминал всем известную тачанку. Колеса были обтянуты железными шинами, сиденья для седоков и кучера были жесткими, на них клали подушки. Обычно тарантас не имел верха, но изредка встречались тарантасы с кожаным или брезентовым верхом. В этих случаях он назывался бричкой. Тарантас редко бывал четырехрессорным. Чаще рессоры или полурессоры стояли только на задней оси. Кузов тарантаса красился масляной краской в разные цвета. Тарантас имел железные крылья. Запрягался в одну или две лошади, как в дышло, так и с пристяжкой. Существовал еще тип тарантаса, у которого был сплетенный из лозы кузов, напоминавший корзину.

На плохие дороги была рассчитана и линейка, получившая свое название из-за конструкции, представляющей собой длинную доску на колесах. На этой доске сидели спинами друг к другу, положив ноги на длинную ступеньку, укрепленную по бокам линейки от переднего колеса до заднего. Кучер сидел на доске верхом, поставив ноги на специальные упоры. Линейка не имела откидного верха, но были линейки с плоской брезентовой крышей, укрепленной на четырех столбиках (они были распространены на юге).

Другой тип линейки представлял нечто среднее между линейкой и тарантасом. Сохранив конструкцию линейки, он в то же время имел два поперечных сиденья. Ноги седоков помещались в кузове, который разделяла на две части доска. Встречались линейки совсем без рессор, с рессорами или полурессорами. Крылья на этих линейках имелись только над задними колесами.

Помещики и купцы, любители лошадей, часто ездили на беговых дрожках. Это был очень легкий экипаж, представляющий собой узкую доску на четырех колесах, напоминающий линейку. Колеса были с тонкими ободьями и спицами. Ездили на дрожках без кучера. Седок сидел на доске верхом, упершись ногами на специальные подставки у передних колес. Спереди дрожки имели щиток. Крыльев на них не было. Рессоры отсутствовали или были только на заднем сиденье, чаще перпендикулярно к колесам.

До появления американских беговых качалок рысистые бега проводились на дрожках этого типа, отсюда и возникало название — «беговые». Дрожки запрягались только одной лошадью.

Изредка встречалась одноколка или двуколка — одноосный экипаж на двух колесах, напоминавший своим обликом заднюю половину тарантаса. Колеса двуколок были раза в полтора выше, чем задние колеса четырехколесных экипажей. Запрягались они только одной лошадью.

В провинциальных городах и имениях ездили также и на экипажах столичного типа (пролетки, коляски, кареты, ландо). Поэтому в провинции встречалось большее разнообразие типов экипажей, чем в столицах.

При запряжке в сани упряжь оставалась такой же, как и при запряжке в колесные экипажи. В русской упряжи использовались три типа саней: городские, чухонские и ковровые.

Городские сани были наиболее распространены в Петербурге и в Москве. На них ездили и извозчики и владельцы собственных выездов. Городские сани имели деревянный кузов и тонкие металлические полозья и копылья (вертикальные крепления полозьев к корпусу саней). Кузов саней отделывался красным деревом или орехом, в «богатых» санях закрашивался масляной краской черного, коричневого или желтого цветов. Сиденье и спинки изнутри имели мягкую обивку из кожи, бархата или сукна. Извозчики предпочитали сукно синего цвета. Сиденье саней было рассчитано на двух человек (на кучера и одного седока). Козлы саней обычно были очень узкими, и кучер скорее опирался на них, чем сидел. Сани запрягались как в одну, так и в две лошади, главным образом в дышло, но ездили в санях и с пристяжкой (с левой стороны). Тогда у переднего щитка саней на специальном кронштейне укреплялся добавочный щиток из кожи на металлическом каркасе, чтобы предохранить седоков от снега, летящего из под копыт пристяжной.

Фонарей на городских санях не ставили, ноги седоков укрывались полостью — квадратным фартуком, сделанным из медвежьей шкуры (у частных владельцев и у лихачей) или из синего сукна с черной или синей бархатной окантовкой — у извозчиков. Полость имела две петли и кожи или сукна, при помощи которых она пристегивалась к сиденью; петли иногда оканчивались кистями.

Лошадей, запряженных в сани, покрывали сетчатой попоной обычно синего цвета. Это считалось большим шиком. Сетка прикрывала лошадей при беге, а на стоянке их накрывали теплой суконной однотонной или клетчатой попоной. При сильных морозах на лошадей надевали особые попоны, облегающие все туловище. Эти попоны имели застежки на груди и по брюху. Сбруя надевалась поверх таких попон. Попоны этого типа всегда были одноцветные.

Разновидностью городских саней были беговые сани без козел, или, как их еще называли, козырьки, рассчитанные на одного человека. Правил ими сам седок. Для устойчивости такие сани имели полозья значительно длиннее кузова. Запрягались они одной лошадью.

Кареты были единственным видом колесных экипажей, в которых ездили и зимой. При глу-

боком снеге с кареты снимали колеса и вместо них на оси надевали полозки. Каждый полозок представлял собой ступицу колеса с четырьмя спицами, которые играли роль копыльев; на них укреплялся короткий полоз. Карета ехала, таким образом, на четырех полозках.

Чухонские сани (в старину их называли «пошевни», или «обшевни»,— от глагола «обшить») в столичных городах не были распространены. Ездили на них в провинции и в селах. По конструкции они отличались от городских саней тем, что имели деревянные длинные полозья, окованные железной полосой, высокую спинку, окрашенную масляной краской. На спинке иногда рисовали букеты или растительный орнамент. Иногда спинку сзади обивали ковром. Копылья на санях этого типа бывали как из железа, так и из дерева и выше, чем на городских санях. Внутри сани обивались (обшивались) для тепла плотной материей на вате. Обшивку иногда делали стеганой. Сани эти были шире городских и с более широкими козлами. Передний щиток — изогнутый, как на городских санях, или прямой, украшенный по верху причудливой ажурной железной оковкой.

Отличительной чертой этих саней были отводы, поддерживающие сани на ухабах, они же отбрасывали (отводили) снег на узком санном пути. Отводы делали из дерева толщиной примерно с оглоблю, слегка выгнутыми, немного длиннее кузова. Отводы шли по бокам саней и укреплялись на некотором расстоянии от них к переднему щитку, а другим концом — к наружным бокам заднего сиденья — так, чтобы передняя часть отвода была бы выше задней. Пространство между отводом и кузовом саней иногда зашивали брезентом или кожей. В сани этого типа запрягали одну лошадь, пару (пристяжку) и тройку.

Существовал еще один тип запряжки — гусем, когда пристяжная лошадь была припряжена не с боку, а впереди коренника. Так ездили по проселочным дорогам, занесенным снегом, когда пристяжная не могла уместиться на утоптанной дороге. Постромки пристяжной крепились к вальку, в свою очередь прикрепленному к хомуту или оглоблям коренника. Ездили в таких запряжках как с круглой одноцветной дугой, так и с дугой прямоугольного плоского сечения, ярко расписанной цветами и орнаментом.

Ковровые сани (их также называли «троечные») имели такую же конструкцию. Обычно они были большего размера, с очень высокой спинкой, обитой русским ковром (красно-зеленые цветы на черном фоне); внутри они тоже часто обивались ковром. И пространство между санями и отводами затягивалось ковром. Иногда ковровые сани имели два сиденья — друг против друга либо как бы вторые козлы для седока. Запрягали такие сани парой с пристяжкой, а чаще всего тройкой. Щитки от снега были на них очень высокие, кожаные или из ковра на металлическом каркасе. Поверх щитков иногда ставили электрические или карбидные фонари. Лихачи-троечники устанавливали фонари также в торцах оглобель. Ковровые сани не были обычным средством передвижения, а служили для катания на масленицу, поездок большими компаниями в загородные рестораны или в гости — из одного имения в другое.

При запряжке тройкой на пристяжных надевали кожаные ошейники с бубенцами.

Помещики и купцы, которым много приходилось ездить зимой по заснеженным степям на далекие расстояния, пользовались крытыми санями, очень распространенными в XIX веке, когда железных дорог было мало или не было совсем. В XX веке такие сани, хотя и существовали, были уже анахронизмом. Крытые сани имелись двух типов. Первый назывался возком. Жесткий деревянный каркас возка обшивался сначала войлоком, а потом кожей — по стенам и крыше. Возок имел две двери с маленькими оконцами и своим видом напоминал старинные русские кареты XVII века. Кучер сидел под крышей. Ходовой частью возка были обычные крестьянские сани — розвальни или обшевни. Внутри возок имел два сиденья — друг против друга. Еще был вид саней, который назывался кибиткой (или болочек). Они представляли собой обшевни или розвальни с укрепленными на них полукруглыми обручами. Сверху они были покрыты толстым войлоком, кошмой. Спереди кибитка была открыта. В степных районах Сибири в кибитках возили почту. Запрягались эти крытые сани парой лошадей (с пристяжкой), но чаще тройкой. Ездили на них и гусем.

Главное отличие английской упряжи от русской состояло в том, что английская одиночная упряжь не имела дуги (соответсвенно и гужей). Тяга осуществлялась не оглоблями, а постромками, приделанными к хомуту. Оглобли, служившие в русской упряжи как для тяги, так и для поворота экипажа, в английской служили только для поворота. Поэтому крепились они непосредственно к поворотному кругу, а не к осям, и были лишены тяжей.

Хомут английской упряжи тоже был другой формы: значительно уже, без супони, то есть глухой. Надевали его на лошадь, повернув низом вверх, а уже на шее поворачивали: иначе его нельзя было надеть.

Хомуты имели определенные номера (размеры) в соответствии с объемом шеи лошади. Они были черного или желто-коричневого цвета, иногда из лакированной кожи, без блях и украшений. Вокруг хомута шла узкая металлическая

оковка (полоски). К ней крепились по бокам ушки для поводьев и вожжей, а также пряжка или карабин для пристежки постромок и шлеи.

Шлея была очень простой конструкции — широкий ремень, идущий продольно по спине лошади от хомута до хвоста. К хомуту шлея пристегивалась специальной пряжкой, а хвост лошади пропускался в круглую петлю, которой заканчивалась шлея. Иногда шлея крепилась не к хомуту, а только к седелке. От шлеи по бокам лошади шли два ремня с петлей, через которую пропускали постромки.

Встречались шлеи и другого типа: с двумя-тремя ремнями по крупу, один из которых поддерживал постромки, а к остальным приделывался ремень, опоясывающий заднюю часть крупа лошади.

Важную роль в английской упряжи играла седелка. Она не делилась (как в русской запряжке) на собственно седелку и подпругу, а представляла с подпругой единое целое — своеобразный кожаный пояс, охватывающий туловище лошади, расширяющийся к спине и сужающийся под брюхом.

На седелке укреплялись два металлических ушка (сквозь них пропускались вожжи) и крючок, за который зацеплялись поводья уздечки. На подпруге, или, вернее, там, где в русской упряжи седелка переходила в подпругу, находились специальные ремни с пряжкой, которыми к седелке прикреплялись оглобли за имеющуюся на них скобу (как уже было сказано, оглобли крепились только к седелке, а не к хомуту). Оглобли имели выгнутый профиль, напоминающий контур лиры. К низу седелки, под брюхом лошади, крепился ремень, идущий от хомута через передние ноги лошади и предохраняющий седелку от сдвига назад при тяговом усилии и при поворотах.

Английская уздечка (оголовье) тоже отличалась от русской. Наглазники (шоры) ограничивали боковое зрение лошади, чтобы она меньше пугалась и нервничала. На наглазниках была аппликативная металлическая корона или монограмма.

Уздечка изготовлялась из черных или коричневых ремней. Налобник (горизонтальный ремень на лбу лошади), соединяющий обе стороны уздечки, иногда был из кожи другого цвета (белой или в полоску). Он соединялся с боковинами уздечки двумя металлическими круглыми бляхами. На бляхах часто красовалась корона или монограмма. От середины налобника до уровня нижней кромки наглазников спускался кожаный язычок, имевший чисто декоративное значение. На нем также помещали металлическую корону или монограмму.

Английская уздечка обычно имела нахрапник, но встречались уздечки и без него. Иногда нахрапник обвивал не только нос (храп) лошади, но и проходил вкруговую под подбородок. Удила английской уздечки напоминали кавалерийские. Они имели мундштуки, то есть дополнительную подъемную распорку под нёбо лошади, раздирающую ей рот при сопротивлении вожжам. Верхний конец мундштука крепился к удилам, а к нижнему крепились вожжи. Для слабоуздых лошадей (то есть имеющих нежный рот в отличие от тугоуздых) между наружной частью мундштука и удилами помещали резиновые круглые прокладки, защищающие уголки рта лошади (кружки эти употребляли иногда и на русских уздечках).

Наружные части мундштука соединялись под подбородком лошади особой цепочкой со срезанными плоскими звеньями. Цепочка так и называлась — мундштучная.

Непосредственно к удилам крепились поводья, которые затем пропускались в специальные петли, спускающиеся сверху уздечки, а затем закреплялись к крючку седелки. Иногда поводья пропускались в кольца на хомуте. Это заставляло лошадь держать шею согнутой, или, как это называлось, «быть в сборе».

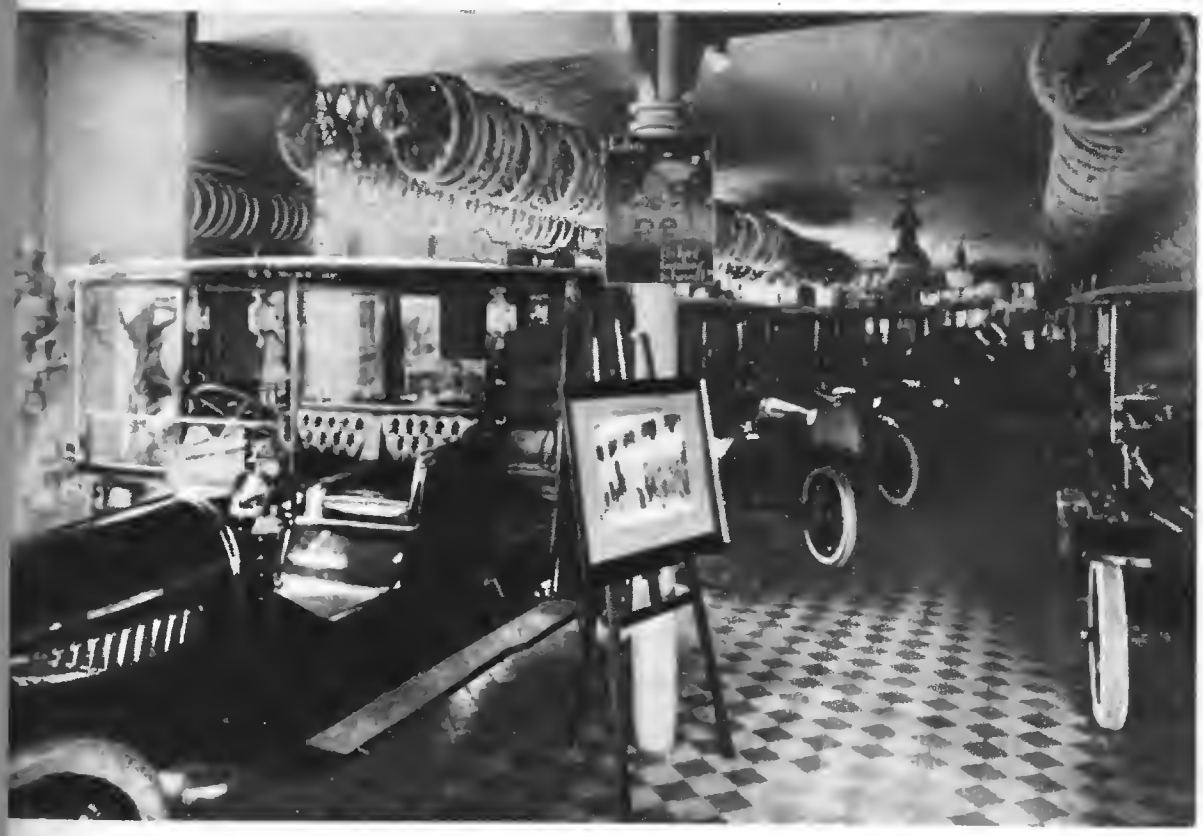
Вожжи в английской упряжи были ременные, в цвет всей сбруи, обязательно с петлями для рук. При езде в одиночной запряжке особым шиком считалось держать вожжи только в одной левой руке, как поводья при езде верхом. В пра-

88. Извозчики на Морской улице. Петроград
89, 90. Торговое помещение фирмы «Н. В. Соколов и К°». Петербург. 1912 г.
91. Автомобиль фирмы «Бенц» на IV Международной автомобильной выставке
92. Почтовый автомобиль. 1912 г.
93. Легковой автомобиль. 1912 г.
94, 95. Мотоцикл «Индиан». 1912 г.
96. Купеческие сани. 1905 г.
97. Ландо
98. Рекламный фургон
99. Водовоз
100. Повозка с молочницами
101. Мороженщик
102. Фасад здания Финляндского вокзала. Петербург
103. Спальный вагон Николаевской железной дороги. Петербург
104. Вагон-ресторан Сибирского экспресса
105. Салон-вагон Николаевской железной дороги
106. Вагон-холодильник
107. Поезд-баня. 1914 г.
108. Вокзал станции Петергоф. 1899 г.
109. Вокзал станции Любань Николаевской ж. д. 1844—1851 гг.

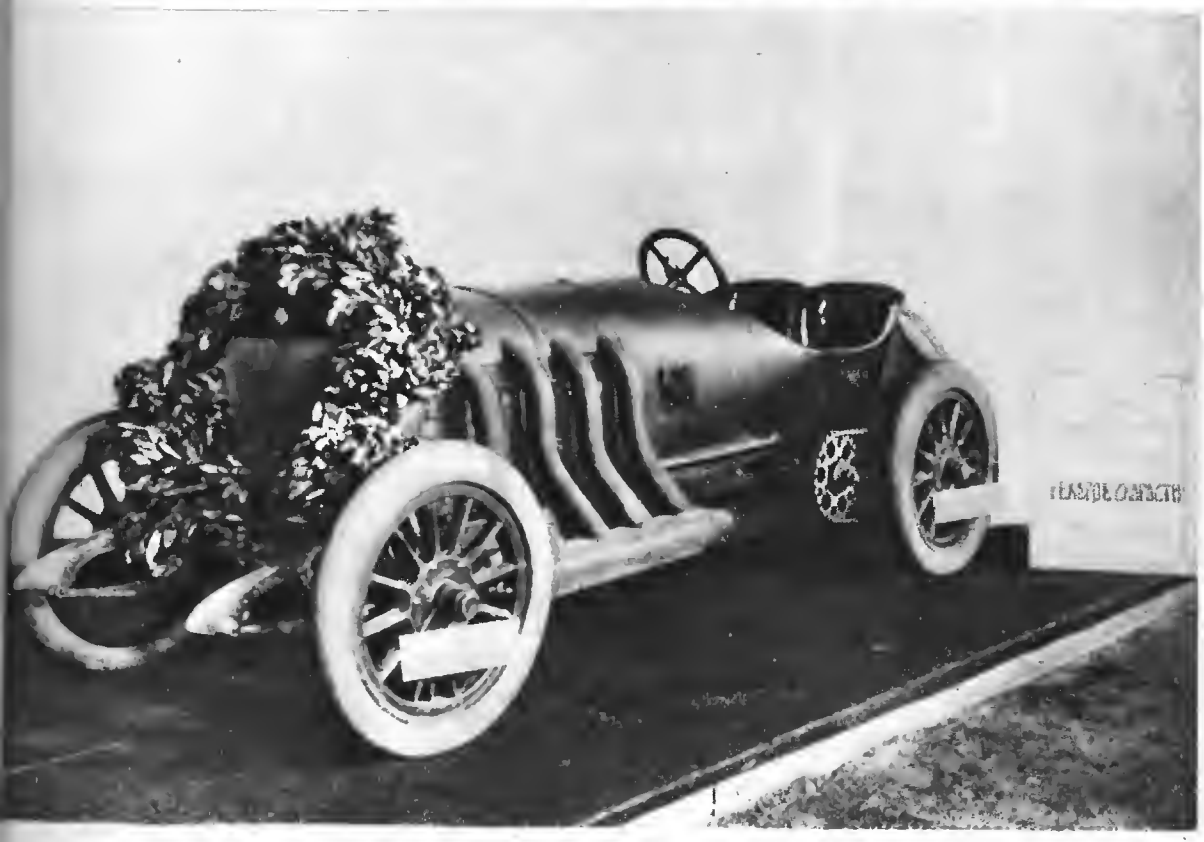
88

„NEW-YORK“
„ПОБѢДА“
СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
VELOCIPEDES PREMIÈRES MARQUES ACCESSOIRES

89



90



91

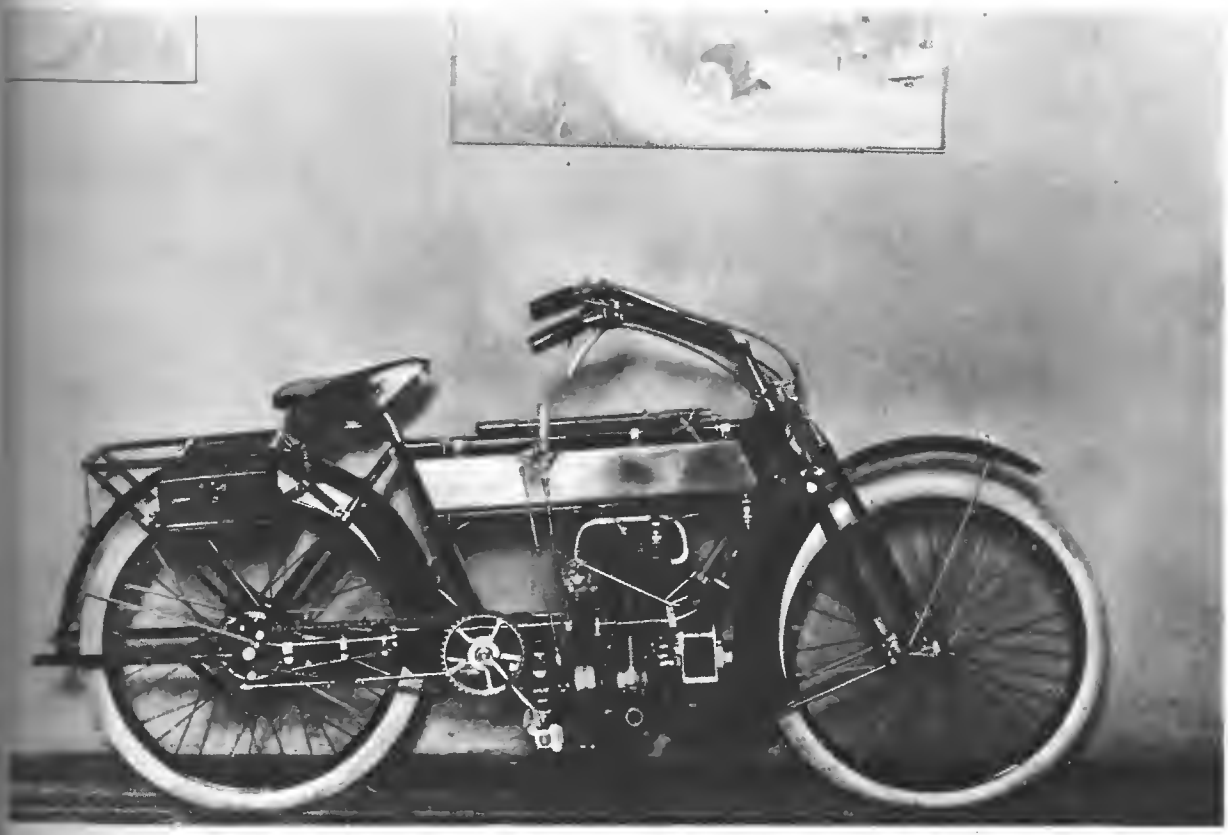
92

ТОРГОВЫЙ ДОМ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА
ЕЖЕДНЕВНО.
ОПЕЛЬ

93

ТОРГОВЫЙ ДОМ
„ПОБѢДА"
АВТОМОБИЛИ
АРГАЙЛЬ
ТОРГОВЫЙ ДОМ
„ПОБѢДА"
МОТОЦИКЛЕТЫ
ИНДІАНЪ
ВЕЛОСИПЕДЫ

94

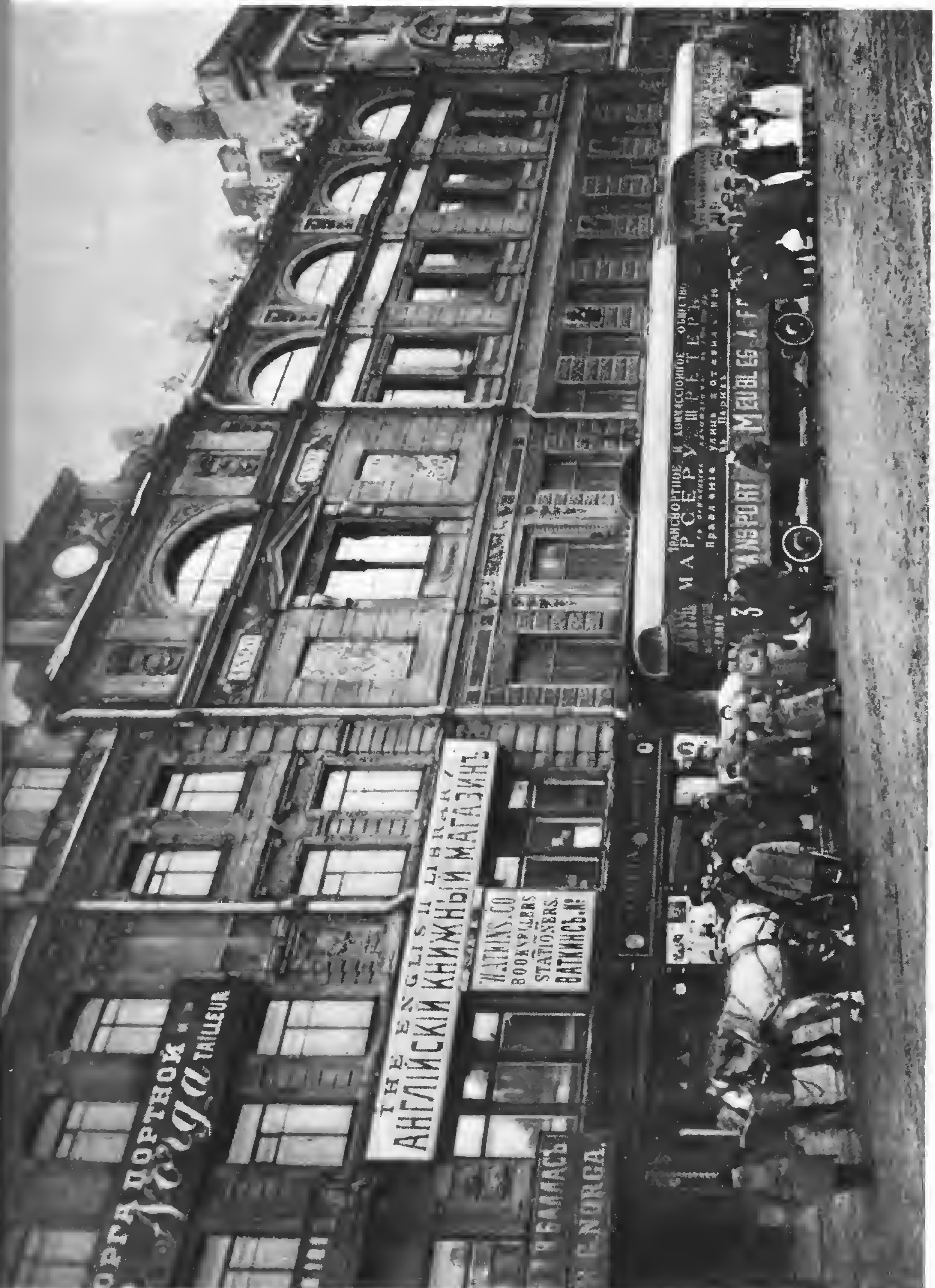


95

Indian
МОТОЦИКЛЕТЪ
„ИНДІАНЪ"
ПОРУЧИКА ГОЛУБЯТНИКОВА
ВТОРОЙ ПРИЗЪ
въ 36 часовъ

96

97


THE ENGLISH LIBRARY
АНГЛИЙСКIЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
BOOKSELLERS
STATIONERS
ПОРТНОЙ
TAILLEUR
ТРАНСПОРТНОЕ И КОММИССIОННОЕ ОБЩЕСТВО
MEUBLES

98

99

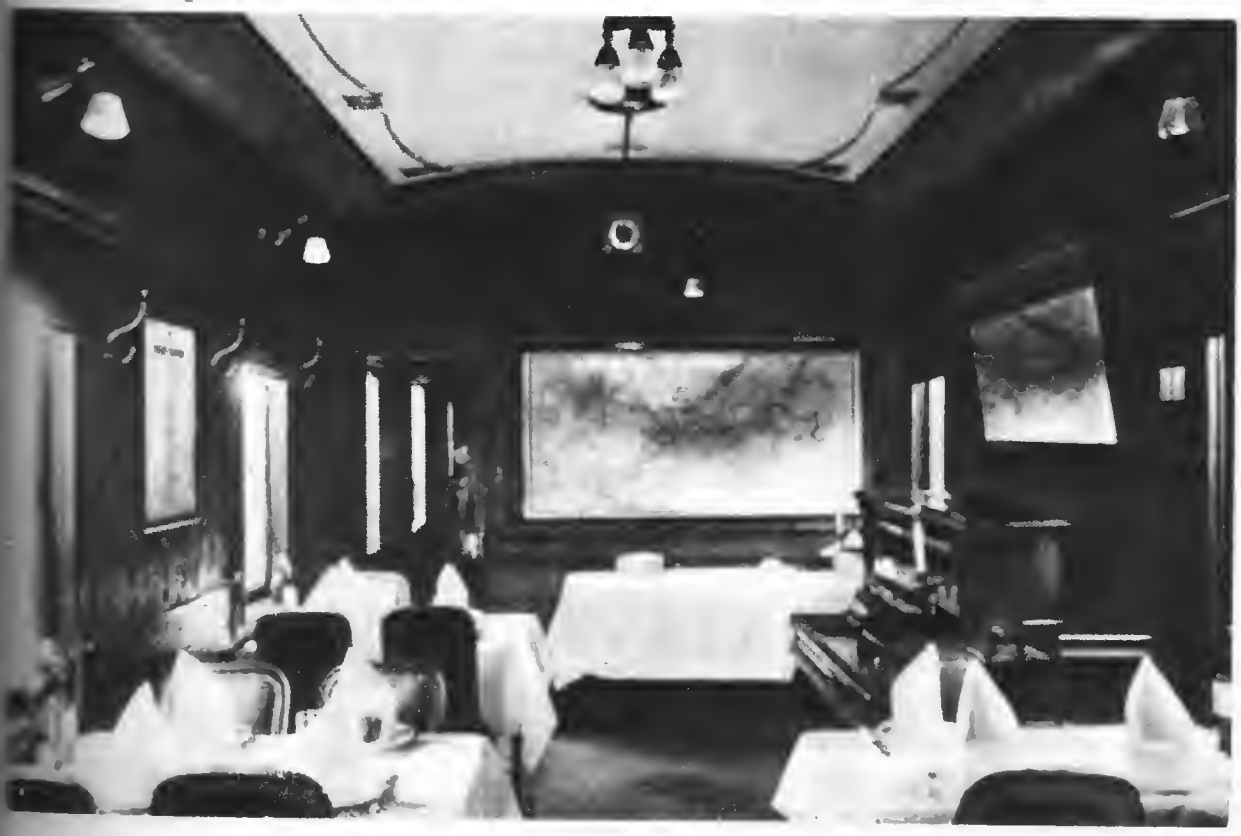
100

101

102

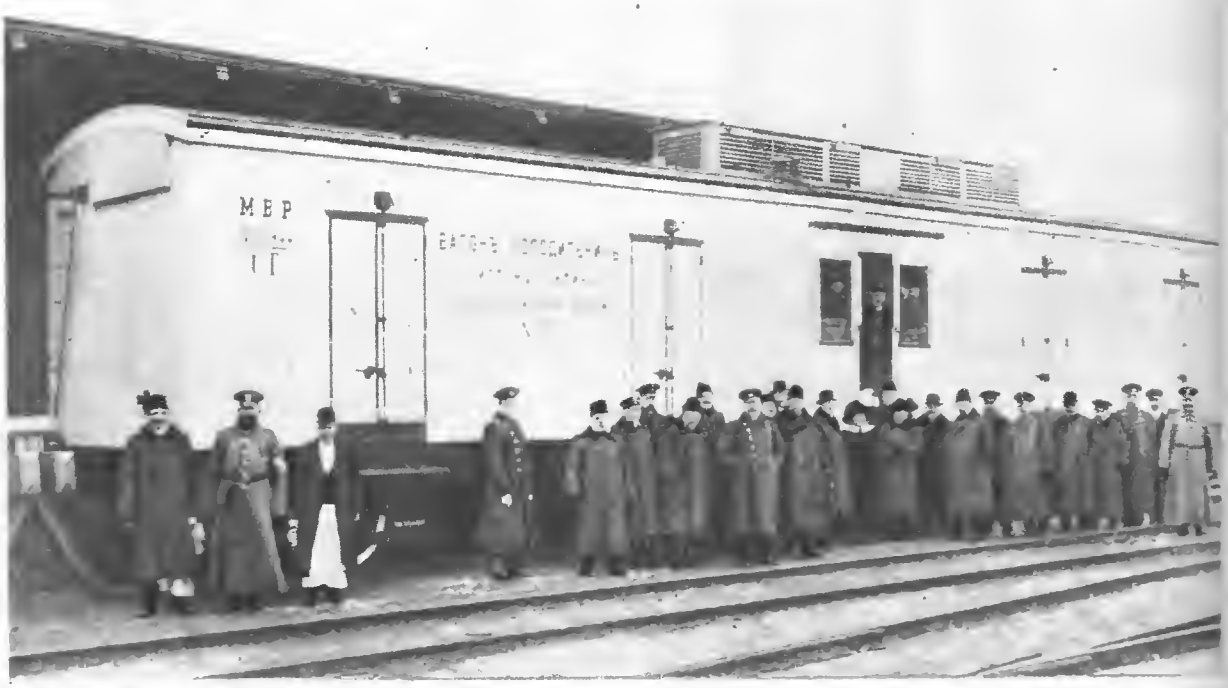
103

104



105

106



107

108

109

вой руке держали хлыст, или бич, бывший неотъемлемой частью английской упряжки (в отличие от русской упряжки, при которой езда с кнутом в руках считалась почти неприличной, и даже извозчики этот кнут держали спрятанным). Хлыст напоминал своим видом цирковой шамберьер, с которым выступают дрессировщики лошадей. Кнутовище делали из камыша или китового уса, сплетенного ремешками; оно переходило в узкую, тоже плетенную из ремня мягкую часть, значительно более короткую, чем у шамберьера. Иногда хлыст состоял из одного только кнутовища, оканчивавшегося цветной кисточкой. Хлыст обычно держали в правой руке, иногда устанавливали в специальное гнездо на переднем щитке или в ногах с правой стороны.

Парная английская упряжь при запряжке в дышло в основном была схожа с ординарной. При парной запряжке встречались вожжи любопытной конструкции: от уздечки шли две вожжи, которые у седелки соединялись в одну; таким образом, кучер держал в руках только две вожжи вместо обычных четырех. Постромки крепились не к вальку, а прямо к экипажу, за имеющиеся на нем специальные крепления, схожие с большим болтом.

Хомуты крепились к дышлу обычными ремнями, иногда цепями.

Английская упряжь и экипажи были распространены в основном в Петербурге, пользовались ими еще в крупных помещичьих имениях. Наиболее распространенными экипажами под эту упряжь являлись коляски, ландо, кареты, кабриолеты. Разнообразные двухколесные экипажи, столь характерные для английской запряжки, применялись главным образом в имениях.

Кареты, как одиночные, так и парные, а также ландо в общем не отличались от применяемых в русской запряжке, но чаще имели дутые (пневматические) шины и более яркую окраску колес — красную, желтую.

Кузова колясок (пролеток) типа «виктория» бывали и черными, и из натурального полированного дерева, и оплетенными соломкой. При светлых кузовах сбруя надевалась желтая или коричневая. Ездили в таких экипажах преимущественно летом.

Английские экипажи часто были снабжены ручным тормозом, рукоятка которого помещалась с правой стороны козел. Изготовлялись экипажи в России; лучшей каретной фабрикой считалась фабрика «Брейтигам» в Петербурге, но часто встречались экипажи, выписанные и из-за границы. Оттуда привозили малораспространенные в России экипажи без козел или с козлами сзади, а также двухколесные.

Сани английской запряжки значительно отличались своим видом от русских. Они были немного выше подняты от земли и имели подножку, как пролетки. Похожими на пролетку делал их и кузов с высокой спинкой и боковинами. Копыла и полозья были шире кузова, окрашены в красный или желтый цвет. Сани не имели козел или же их выносили за кузов. В обиходе сани этого типа назывались паучком. Полость на них обычно бывала из волчьего меха. Сам кузов обтягивали лакированной кожей или делали из палисандрового дерева (ореха, красного дерева). Внутри сани обивали цветной стеганой кожей. На переднем щитке часто устанавливали экипажные фонари. Запрягались такие сани как парой, так и одиночкой.

Лошадям, запряженным в английскую сбрую, стригли гриву и челку. Хвост подстригали или чаще купировали, то есть подрубали совсем, как некоторым породам собак. (Если лошадь, «обработанную» для английской запряжки, закладывали в русскую, ей подвязывали фальшивый хвост, а иногда и гриву.) Передние ноги лошадей бинтовали белыми или цветными бинтами — так, как это делают и посейчас с беговыми или цирковыми лошадьми. Зимой на лошадей иногда надевали под сбрую плотно облегающие туловище клетчатые или однотонные попоны. Летом для предотвращения солнечного удара на голову водружали соломенные шляпы. Шляпы имели небольшие поля, очень высокую тулью и держались на ушах, для которых в шляпе проделывались специальные отверстия.

Ломовая русская упряжь была схожа с легковой, но значительно грубее. Хомуты делали более массивные, ремни уздечек и шлеи толще и шире, седелки гораздо крупнее. Черного цвета упряжь обильно украшалась бляхами и кожаными карточками. Дуга плоского профиля, очень широкая, обычно разрисовывалась цветами и орнаментом. На ней писали фамилию владельца лошади или название фирмы, которой лошадь принадлежала. К дуге, чуть выше гужей, прибивался синий номер с черными цифрами. Характерной чертой ломовой упряжи был ошейник из кожи, украшенный медными бляхами с кольцом для привязи лошади.

Ломовая упряжь была трех типов: одиночная, парная (для запряжки в дышло) и троечная.

При троечной упряжи пристяжные обычно имели не хомуты, а лямки. На тройках перевозили очень тяжелые грузы, станки, паровые котлы. Иногда к основной троечной запряжке припрягали впереди дополнительно одну-две тройки, каждую со своим полком. Полок представлял собой тяжелую платформу из дубовых досок, окованных по углам железом, с железными скобами для крепления грузов, с железными тяжами. Его колеса были массивными, с широкими ступицами и спицами; иногда спицы были металлическими, и пространство между ними тоже

было заполнено металлом, но более тонким, чем спицы. Из-за железной оковки колес ломовые полки производили много шуму.

Литая резина на ободах встречалась очень редко. Полки имели рессоры чаще всего только сзади. Рессоры шли параллельно колесам, а также по задней оси (две полурессоры). Колеса и рессоры выкрашивали в яркие цвета (красный, желтый, синий, зеленый), а верх полка обычно оставался некрашеным. В Петербурге полки на ломовой упряжи имели передние маленькие, а задние очень большие колеса, в Москве разница диаметров колес у них была меньшей. Иногда на полке на железных кронштейнах укреплялись козлы, но чаще всего ломовой извозчик сидел либо на облучке, свесив ноги, либо на том грузе, который вез.

Помимо полка (универсальной грузовой повозки) существовали различные крытые фургоны для перевозки специализированных грузов (например, огромные длинные фургоны для перевозки мебели или менее крупные — для перевозки хлеба, продуктов, промышленных изделий). Все эти крытые фургоны были окрашены масляной краской, на них были написаны наименование фирмы, а также названия перевозимых предметов.

Все крытые фургоны имели козлы, а над ними крышу или навес. Запрягались они парой лошадей в дышло или одиночкой. Фирменный транспорт часто имел английскую сбрую, того же типа, что и легковая, но грубее.

Ломовые лошади были очень крупными, с толстыми короткими шеями, с большими головами, с раздвоенными крупами, с длинными волосами на ногах ниже колен — будто брюки-клеш. Гривы и хвосты очень густые и длинные. Гривы иногда заплетали в косы. Наиболее распространенной породой лошадей-тяжеловозов были лошади, разводившиеся на конном заводе, расположенном на берегу реки Битюг в Воронежской губернии. Битюги своим видом напоминали коней былинных богатырей. Кроме битюгов применялись английские клайдесдали (с особо мохнатыми ногами), бельгийские арденны и немецкие шарнхорсты. Все эти породы разводили и в России.

Зимой ломовые извозчики ездили в санях с такой же платформой, как у полка, только укрепленной на полозьях при помощи высоких металлических копылов. Копыла и полозья окрашивались в яркие цвета. Иногда полок снимался с колес, а вместо них ставились ступицы с несколькими спицами (без обода), игравшими роль копылов для четырех коротких полозьев.

Особой разновидностью английской упряжи была шорная, или, как ее еще называли, американская. В шорной упряжи вместо хомута употреблялась лямка. Шлея была схожа с русской, но по хребту лошади начиналась только от седелки. Боковые же рамки шлеи были как бы продолжением лямки. Седелка была того же типа, как в английской упряжи и так же крепились к ней оглобли. Постромки, идущие от лямки, крепились к оглоблям у задних ног лошади, а не к экипажу, как в английской упряжи.

Уздечки у шорной упряжи были того же типа, как и в английской, но ездили и с уздечкой без наглазников и нахрапника. Специфической чертой такой уздечки было наличие обер-чеки. Так назывался ремень, идущий от верха уздечки к седелке и заставляющий лошадь держать шею прямо.

В общих чертах шорная упряжь напоминала упряжь для беговых лошадей. Она была как одиночная, так и парная. В России более распространенной была одиночная. Ездили в ней преимущественно в санной запряжке. Сани употреблялись такого же типа, как и при английской упряжи.

Шорная упряжь применялась в санных запряжках и в легких открытых экипажах — кабриолетах, шарабанах. При запряжке в коляски и кареты ее использовали очень редко, чаще использовали в различного рода фирменных фургонах грузового и полугрузового типов.

Лошадям, запрягаемым в американскую сбрую, стригли челку и гриву, но оставляли длинный хвост.

Крестьянская упряжь резко отличалась от городской своим бедным и примитивным видом, а также отсутствием металлических украшений.

Хомут часто бывал с некрашеными клешами (деревянная основа хомута), кожа, которой он обтягивался, была грубой. Гужи и супонь изготовлялись из некрашеной сыромятной кожи, бывали и веревочные, из пеньки. Шлея без украшений; зачастую ездили вообще без шлеи. Седелка была грубой, на толстом войлоке. Подпруга брезентовая или сплетенная из тонких веревок. Чересседельный ремень часто заменялся толстой веревкой. Уздечка была из сыромятной кожи, порой неокрашенной; но обязательно имелся нахрапник. Часто вместо уздечки ездили с недоуздком — с замороженными крестьянскими лошаденками легко было управиться. Простые веревки в палец толщиной заменяли вожжи. Дуга часто была неокрашенная.

Бедные крестьяне использовали эту упряжь для пахоты, боронования, для запряжки лошадей в телегу и в сани. Крестьяне позажиточней имели для телеги более исправную упряжь, схожую с упражью для ломовых лошадей (но скромнее), украшенную бляхами и гвоздиками. Основным видом колесной крестьянской повозки была телега. Конструкция телеги вырабатывалась веками и, несмотря на свою кажущуюся примитивность, была очень продуманной с уче-

том российского бездорожья и разнообразия грузов, которые в сельском хозяйстве могли перевозиться.

Телега легко приспосабливалась для перевозки любого груза. Если, к примеру, нужно было перевозить мешки с зерном или снопы, то на нее ставили высокие борта, напоминающие приставные лестницы. Эти борта назывались грядками. При перевозке бревен грядки снимались. У телеги разъединялись передние и задние оси с колесами. Задняя ось привязывалась к перевозимым бревнам, а именуемая дрогами жердь, соединяющая передние колеса с задними, либо удлинялась по длине бревен, либо привязывалась снизу и бревнам. Телега, разделенная таким образом, называлась дрогами или роспусками. Иногда делали не одну дрогу, а две. Для поездок и перевозки мелких грузов на ходовую часть телеги ставился кузов, или, как его еще называли, ящик. Задняя стенка кузова иногда украшалась резьбой или росписью.

Телеги в разных губерниях отличались внешне, размерами колес и незначительными конструктивными деталями.

В зажиточных крестьянских хозяйствах существовали одновременно разные типы телег, приспособленные для какого-либо однотипного применения, не требующего трансформации. Для поездок были облегченные телеги с кузовами, иногда даже с рессорами или полурессорами на задних осях. В телегу впрягалась одна лошадь, в необходимых случаях припрягалась пристяжная. Запряжка парой лошадей в дышло применялась только на юге.

Кроме четырехколесной телеги существовали в некоторых губерниях (в частности, Петербургской) телеги двухколесные. Их называли беда. Употреблялись они для поездок по болотистым и песчаным дорогам. При запряжке в беду седок сидел не в самой телеге, а на спине лошади.

Существовал также тип бесколесной повозки — волокуши. Это была пара длинных жердей, служивших одновременно оглоблями и повозкой, для чего задние их концы соединялись досками. На бесколесных повозках вывозили волоком (отсюда и название) срубленные деревья из леса, где нельзя было проехать на колесах, а также сено целыми копнами с болотистой земли.

Крестьянские сани сохранили до XX века свою древнюю конструкцию, дошедшую без изменений с XVII века. (Образцом могут служить сани, на которых везли в ссылку боярыню Морозову на известной картине В. И. Сурикова.) Характерной их чертой были очень толстые и широкие полозья (иногда даже без железных оковок), деревянные копылья. Сани без отводов назывались дровнями, с отводами — розвальнями. Пространство между санями и отводами обычно заплеталось веревками. Для перевозки бревен под их концы привязывались дополнительно маленькие сани, похожие на дровни, но без передка.

II. Городская мода

Мужской городской костюм в России в период 1905—1917 годов не имел каких-либо существенных отличий от европейского.

Если женская мода находилась под влиянием Парижа, то мужская зависела от Лондона и Вены. Законодателем мужской моды с последней четверти XIX века был английский король Эдуард VII (ранее принц Уэллльский). Это он после сытного обеда расстегнул нижнюю пуговицу жилета, которую так и не застегивают по сей день. Во время дождя он загнул края штанин, после чего появились на брюках манжеты. Вклад этого монарха в области моды был куда более значительным, чем в области политики. Благодаря ему Лондон считался столицей мужской моды. Что касается Вены, то ее влияние было обусловлено мощной швейной промышленностью Австрии, экспортировавшей мужские костюмы во все страны, в том числе и в Россию.

Менее обеспеченные слои населения Российской империи одевались в так называемых «Домах готового платья», где на вывесках наряду с фамилией владельца фирмы обычно было написано «Венский шик».

Русские портные ездили совершенствоваться в Лондон и Вену. В их мастерских в рамках под стеклом висели дипломы об окончании портновских академий.

Аристократия и крупная буржуазия шили костюмы либо за границей, либо у многочисленных иностранных портных, работавших в Петербурге и в Москве.

Основную массу костюмов (особенно в провинции) изготовляли портные-кустари по модным журналам, издаваемым в том же Лондоне или Вене.

Все эти факторы и обусловили некую интернационализацию мужской моды. Заказчики обычно шили у постоянного портного, который зачастую имел у себя в мастерской манекен, специально сделанный по фигуре заказчика, что давало возможность шить без примерки и обслуживать иногородних заказчиков. У портного же имелся ассортимент материй как кусками, так и в образцах, в виде каталогов английских, русских и лодзинских фирм.

В крупных портновских мастерских хозяин одновременно был и закройщиком (иногда он делал только примерку), а шили наемные мастера, причем у иностранных портных, работавших в России, мастера тоже были русские. Следует отметить, что качество портновской работы в России было очень высоким, а русские военные портные считались самыми лучшими в Европе, и иностранные военные часто заказывали мундиры в России.

Помимо портных-универсалов, шивших все виды и типы костюмов, были портные, специализировавшиеся на том или ином типе костюмов: портные военные, портные, шившие формы чиновников различных ведомств, костюмы духовенства, и гражданские портные, шившие обычные костюмы. Среди гражданских портных имелась своя дифференциация. Особо выделялись портные, которые шили только фраки, визитки, сюртуки и смокинги, то есть выходную, не каждодневную одежду. Специалисты самой высокой квалификации, они обслуживали буржуазию и верхушку интеллигенции.

Преобладающие цвета мужских костюмов — темные: черный, синий, маренго, темно-серый, реже коричневый. Выходные костюмы (фраки, визитки, смокинги) шили только черные. Фактура материалов была главным образом гладкая или с небольшой выделкой (шевиоты, бостоны).

Полосатые материалы (для костюмов и визиточных брюк) имели нерезкую расцветку полос, обычно светлее или темнее основного фона материи. Клетчатые материалы не имели широкого распространения. Клетка была небольшая и не резкая по расцветке. В 1914—1915 годах стали появляться материалы «в елочку» как для костюмов, так и для пальто.

Общим для всех типов костюмов были покатые плечи; плечевой шов шел не по верху плеча, а спускался на спину. Отвороты (реверы) имели умеренную ширину. Воротник был высокий, то есть линия пришива воротника к отворотам была отнесена довольно высоко.

Все виды костюмов шили приталенными — кроей обрисовывал талию. Пиджаки, как двубортные, так и однобортные, были удлиненными, сзади — разрез по шву. Брюки неширокие — 22—23 *см* внизу — носили на подтяжках. Манжеты на брюках делали редко, в основном на пиджачных костюмах. При всех костюмах носили жилеты либо из того же материала, что и костюмы, либо штучные, изготовленные из другого материала. Штучные жилеты носили обычно с сюртуками и визитками.

С 1912 по 1917 год мужской традиционный костюм не подвергался, в основном изменениям, но война вызвала к жизни и новые типы муж-

ского гражданского костюма: френчи и тужурки, являвшие собой разновидность военного костюма и прямо подражавшие ему. Особенно сильно это влияние проявлялось в отношении головных уборов и обуви, а также в изменении окраски тканей (хаки, различные оттенки серого и коричневого вошли в широкий обиход). При пиджачных костюмах и фраках стали носить бриджи и галифе с высокими сапогами или ботинками и крагами.

Фрак

С начала XIX века традиционной парадной одеждой был фрак, сохранившийся с небольшими изменениями и до наших дней. Во фраках являлись на торжественные приемы и церемонии. Во фраках венчались. Во фраках ходили в партер и ложи императорских театров, на балы и на банкеты; как сказал некий острослов, фрак был мундиром для человека, не имеющего мундира. Но это не совсем точно, так как фрак был мундиром и для имеющего таковой, но не желающего по каким-либо причинам его надеть. Функциональное сходство фрака с мундиром заключалось еще и в том, что при фраке носили ордена (конечно, в особо торжественных случаях).

Нашейные ордена надевались в сочетании с галстуком; при фраке же всегда носили бантик-«бабочку». Галстук был, как правило, белым, только старики иногда носили черный, как это было принято в XIX веке. Обычно ордена и медали прикрепляли под левый лацкан. Были в обиходе специальные, так называемые фрачные ордена, представляющие уменьшенную копию настоящих. Эти ордена носились поверх левого лацкана фрака и крепились на специальную цепочку. Если носитель фрака имел 1-ю степень какого-либо ордена — то есть звезду, то она надевалась с левой или правой стороны, в зависимости от правила ношения того или иного ордена. Орденская лента надевалась под фрак на жилет через правое или левое плечо, также в зависимости от правила ношения ордена. На фраке носили и значки об окончании университета или института. Значки эти носили в петле правого лацкана. Для фраков значки делались уменьшенными, по сравнению с носимыми на мундире. На балах в петлю левого лацкана вдевали бутоньерку из цветов, обязательно белых (обычно это были астры или орхидеи); при наличии орденов бутоньерку не носили.

Фраки шили из черного крепа или тонкого кастора черного цвета; из этого же материала шились брюки, имеющие на боковом шве ординарный или двойной шелковый лампас из специальной репсовой ленты. Брюки без манжет имели «скошенный следок», то есть спереди штанина была короче чем сзади.

Фрак, как правило, имел матовые шелковые отвороты (лацканы); шелк закрывал их либо полностью, либо до половины петли на лацкане. Старики носили фраки и без шелка на лацканах. Такие фраки были отрезными не только сзади, но и спереди. Карман для носового платка был слева, но носили фраки и без кармана. Основные карманы у фрака были скрыты сзади внутри фалд. Фалды в период 1912—1917 годов были значительно короче, чем носят теперь. Примерная длина была до колена или немного ниже. Фрак был двубортным, на три-четыре пуговицы с каждой стороны, но никогда не застегивался. Пуговицы были басонные — деревянные, обтянутые специальным шелком, плетенным резными узорами. На рукавах пришивали пуговицы меньшего размера. Сзади на талии две пуговицы такого же размера, как спереди.

Линия стыка лацканов с воротником горизонтальная либо чуть поднятая вверх. Фраки обязательно имели отрезную спинку. Перед был как отрезным, так и цельным. При отрезном переде фрак еще имел обычно и отрезные обшлага.

Фрачные жилеты делались из белого шелкового пике в рубчик или в рисунок. Они могли быть однобортными или двубортными, но обязательно с лацканами. Лацканы чаще всего были шалевые (т. е. воротник и лацканы составляли одно целое). Жилет непременно имел нижние карманы, а иногда и верхние. Пуговицы на жилете были белые костяные либо перламутровые (или фарфоровые) и пришивались за ушко. Встречались также черные фрачные жилеты, и не только у лакеев. Черные жилеты носили либо старики, либо их надевали на похороны. Жилеты шились из того же материала, что и фрак, а пуговицы на нем были такие же по размеру и фактуре, как на рукавах фрака. Под вырез жилета подстегивалась полоска из белого пике так, что ее еле было видно.

На похороны можно было надеть и белый жилет, но тогда он должен был быть окаймлен по наружному краю лацканов черным шнуром и иметь черные пуговицы; платок в карманчике тоже был с черной каймой.

Под фрак надевали фрачную крахмальную рубашку из тонкого голландского полотна, грудь рубашки — из двойного материала либо из пике. Рубашка застегивалась при помощи ленточки с нашитыми на нее перламутровыми пуговицами, украшенными посредине настоящими или фальшивыми бриллиантами, жемчугом или цветными камнями. Пуговицы также могли быть и без камней. К рубашке пристегивался стоячий крахмальный воротничок, обычно со слегка отогнутыми уголками (тот фасон называли «аль-

ерт» — в честь принца Альберта, мужа английской королевы Виктории и отца Эдуарда VII).

На фрачной рубашке манжеты были пришиты рукавам и застегивались на запонки — золотые и серебряные, украшенные бриллиантами либо жемчугом. Запонки с цветными камнями считались дурным тоном.

Головным убором при фраке служил цилиндр из велюра или так называемого панцилиндра (специального сорта панбархата). Носили также цилиндры-шапокляки из шелка, которые при помощи специального механизма складывались при нажиме в гармошку и так же молниеносно распрямлялись. Надевали их главным образом на балы, так как шапокляки удобно было держать под мышкой.

При фраке носили белые лайковые или замшевые перчатки, застегивающиеся на одну или две перламутровые пуговицы (не кнопки). На похороны надевали перчатки с тремя черными полосками на наружной стороне перчаток и с черными пуговицами.

Обувь при фраке была черная, лаковая или замшевая. Это могли быть туфли-«лодочки», открытые и украшенные репсовым бантом, или ботинки на шнуровке, либо штиблеты. В годы войны стали носить и полуботинки с белыми фетровыми гетрами, но это не имело широкого распространения. Гетры носили главным образом актеры, конферансье, эстрадники или франты не очень высокого пошиба.

Верхней одеждой при фраке служила фрачная накидка (пелерина) из того же материала, что и фрак, с шелковыми отворотами или пальто на скрытой застежке и тоже с шелковыми отворотами. В 1915—1916 годах появились накидки на белой атласной подкладке. При накидке и пальто носили специальные фрачные матерчатые или вязаные шарфы и кашне из белого шелка. Шарф обматывался вокруг шеи так, чтобы спереди и сзади висели концы, украшенные бахромой. Появились и полосатые черно-белые шарфы и кашне.

На улице в руках человека, одетого во фрак, обычно была тонкая трость из черного дерева с прямым набалдашником из слоновой кости или серебра. Палки с загнутыми набалдашниками при фраке не носили.

Для ряда профессий фрак служил, так сказать, производственным костюмом. Как и в наши дни, во фраках выступали дирижеры, музыканты, певцы, конферансье. Фраки носили также официанты в первоклассных ресторанах. Лакеи носили фрак с черным бантиком и черным жилетом. Лацканы фрака были у них без шелка, а брюки без лампасов.

Люди небогатого достатка фраков себе не шили, а в случае надобности брали напрокат у портных либо в специальных складах проката костюмов. Фрак с чужого плеча сразу выдавал общественное или имущественное положение носящего его человека.

Сюртук

Как род одежды сюртук появился в конце XVIII — начале XIX века и сначала был верхней одеждой *. Применялся он первоначально главным образом при верховой езде. С первой четверти XIX века наряду с фраком сюртук стал наиболее распространенным видом одежды. Сначала сюртуки были цветные. Черные сюртуки вошли в моду в эпоху Реставрации во Франции, их стали носить как форму отставные наполеоновские офицеры.

В начале XX века, до 1917 года, сюртуки были преимущественно черные (синие сюртуки носили иногда только купцы).

Шились сюртуки из тех же материалов, что и фраки (креп и кастор), с отрезной талией спереди и сзади. Сюртуки были только двубортными с пуговицами, как на фраке, басонными, обтянутыми шелком (три-четыре по борту). Карманов спереди сюртук не имел, боковых карманов тоже. Как и во фраке, карманы были внутри фалд. Сзади на линии талии, по бокам разреза, были нашиты две пуговицы. Лацканы сюртуков обтягивались шелком, целиком или наполовину. Носили сюртуки и без шелка (главным образом купцы). Иногда по борту, обшлагам и разрезу сюртук обшивался шелковой тесьмой. Брюки шились из того же материала, что и сюртук, без лампасов и манжет и имели «скошенный следок». С начала XX века все большее распространение получали полосатые брюки визиточные; обычно они были в серо-черную полоску.

Жилеты к сюртуку шили из того же материала; могли быть однобортными либо двубортными, с вырезом гораздо более высоким, чем на фрачном жилете, с небольшими и не шалевыми лацканами либо вовсе без них.

Гораздо более распространены были штучные жилеты разнообразных фактур и расцветок, суконные, бархатные, шелковые, гладкие и с вытканным или вышитым рисунком (цветы, точки, квадраты и т. д.).

Сюртук носили с крахмальным бельем, но не обязательно с фрачной рубашкой, а чаще с пристяжной манишкой (гаврилкой). Воротничок мог быть стоячим, стояче-отложным и просто отложным. Столь же разнообразны были окраска и фасон галстуков. Сюртук носили и с бантиками, черными или цветными (при штучном жилете с обычными галстуками, самовязами или рега-

* Surtout — в переводе с французского «сверх всего».

тами), а также с пластронами — галстуками, которые расстегивались сзади, как регата, а спереди имели недлинные широкие концы, сшитые крест-накрест или заколотые специальными булавками, обычно с головкой из настоящего или искусственного жемчуга. Булавки носили и при самовязах, вкалывая их в узел галстука или ниже.

С сюртуком обувь носили только черную: ботинки на шнуровке либо штиблеты. Туфли и полуботинки с сюртуком не носили. Из головных уборов с сюртуком принято было одевать цилиндры, котелки, фетровые шляпы и даже форменные фуражки, летом — соломенные шляпы (панамы или канотье).

Визитка

Выходным костюмом являлась также визитка. В отличие от фрака и сюртука, визитка всегда была однобортной, имела отрезную талию и закругленные фалды. Застегивалась на одну, две и, реже, на три пуговицы. Лацканы были «открытые», как на однобортном пиджаке, не обтянутые шелком, пуговицы — басонные. Верхний карман обычно с застежкой на одну или две пуговицы.

Визитки шили из крепа или кастора черного цвета, иногда маренго. За границей были распространены визитки светло-серого цвета, но в России их носили крайне редко.

Иногда визитки обшивались по борту и обшлагам шелковой тесьмой (по моде XX века). Носили такие визитки преимущественно пожилые люди. Еще реже встречались визитки из черного бархата.

Брюки к визитке надевали либо черные, либо, чаще, полосатые — в серо-черную полосу (визиточные).

Жилеты к визитке приняты были как двубортные, так и однобортные, черные, цветные (штучные) и даже белые.

Обувь к визитке надевалась только черная или лаковая (ботинки, полуботинки). Модны были лаковые ботинки с серым и бежевым замшевым верхом, обычно в тон жилета. На полуботинки (лаковые) часто надевали фетровые гетры.

В тон жилета одевались и крахмальные воротнички. Чаще всего при визитке носили воротнички стоячие отложные либо воротнички «альберт».

Галстук надевался только самовяз или пластрон, черного или неярких цветов. Бантики к визитке не носили. Черные бантики к визитке были только у дворецких и метрдотелей в ресторанах. В галстук вкалывали булавку из бриллиантов или жемчуга. Булавка втыкалась ниже узла либо в узел галстука (последнее считалось дурным тоном). На обшлагах визитки пришивались две-три маленькие пуговички.

В отличие от фрака, надеваемого преимущественно вечером, визитка была дневной одеждой. Ее носили на работу в банках, частных фирмах, магазинах. В визитке ходили профессора, врачи, адвокаты (но не на выступления в суде, где полагался фрак). Визитку можно было надевать под любое пальто и носить с любым головным убором. Было у нее и еще одно применение: ее носили как костюм для верховой езды. В этих случаях к визитке надевались серые бриджи в мелкую клетку; часто они были с леями (нашитой сзади с внутренней стороны бриджей кожей или замшей). Обувью тогда служили черные высокие сапоги или ботинки с крагами, а галстуком — пластрон, заколотый булавкой в виде подковы или лошадиной головы. Носили и белые кашне, завязанные узлом и заколотые булавкой. Головным убором служил котелок либо клетчатая кепка.

Смокинг и вестон

Перед первой мировой войной стал входить в моду как заменитель фрака смокинг. Он шился также из крепа или кастора. Был двубортным, с застежкой на одну либо на две басонные пуговицы. Лацканы смокинга большей частью были шалевые, крытые специальным матовым шелком. Брюки обычно шили из того же материала, из какого были смокинг и жилет; последний был фрачного покроя, с шелковой тесьмой, как на фраках. Иногда летом смокинг носили с белым пикейным фрачным жилетом, иногда с поясом-жилетом.

К смокингу полагалась крахмальная рубашка с черными пуговичками. Галстук к смокингу не надевали, а носили бантик черного цвета.

Головной убор мог быть любой, вплоть до соломенного канотье.

Своеобразной разновидностью смокинга являлся вестон. Родиной его, как и смокинга, была Англия. Вестон представлял собой черный однобортный пиджак из крепа, кастора, а иногда и черного бархата, обшитый тесьмой по борту и обшлагам. Лацканы его были без шелка. К вестону полагались полосатые визиточные брюки и черный или цветной (обычно двубортный) жилет, также обшитый тесьмой.

К вестону, как и к смокингу, надевали черную или лаковую обувь.

Вестон носили преимущественно пожилые люди, занимающие высокое положение в обществе: государственные деятели, крупные промышленники и финансисты, дипломаты. В частности, вестон был излюбленной одеждой Ллойд-Джорджа и миллиардера Пирпонта Моргана.

Пиджачные костюмы

Основным типом мужской одежды, как и теперь, был пиджачный костюм. Буржуазия и лица свободных профессий носили его как повседневную одежду, рабочие — как выходную.

Пиджачный костюм состоял из пиджака, брюк и обязательно жилета.

Пиджаки носили двубортные и однобортные. Двубортные пиджачные костюмы были преимущественно темные (черные, синие или темные в светлую полоску). Материалом служили креп, бостон, шевиот, реже трико. Однобортные пиджаки носили как темные, так и светлые.

Пиджаки были удлиненные, с довольно широкими лацканами. Рукава делали короче, с учетом, чтобы крахмальные манжеты выступали на 2—3 *см* из-под рукава.

Двубортные пиджаки застегивались на три, а иногда и на четыре пуговицы (на четыре пуговицы носили главным образом рабочие, приказчики, мелкие торговцы — это была уже устаревшая к периоду 1914—1917 годов мода). Ряды пуговиц были расположены довольно близко друг от друга и строго вертикально. На двубортных пиджаках (особенно с застежкой на четыре пуговицы) зачастую не было верхнего кармана.

Двубортные пиджаки обычно имели сзади разрез (шлицу), он давал возможность не мять пиджак при сидении.

Однобортные костюмы шились из того же материала, что и двубортные, но чаще из трико. Рисунок материала был в полоску, «в елочку» и очень мелкую клетку (преимущественно на летних костюмах). Застегивались однобортные костюмы на две или три пуговицы. Однобортые костюмы обычно имели верхний карман. Пуговицы на рукавах соответствовали по количеству пуговицам застежки. Однобортные костюмы шились с разрезом и без разреза сзади.

Брюки к пиджачному костюму носили неширокие (20—22 *см* внизу, длинные, так что они ламывались на обуви. Обшлага на брюках делали редко, причем преимущественно при однобортном пиджаке; стрелка (заутюженная складка на брюках) тоже не была распространена. Рабочие, которые обычно носили брюки в сапоги, не гладили их вообще.

Жилеты к пиджачным костюмам были однобортные и двубортные. При двубортных пиджаках носили однобортные жилеты, обычно на пять-шесть пуговиц; рабочие часто носили более глухие жилеты с застежкой на восемь пуговиц. Однобортные жилеты были с лацканами и без лацканов. Лацканы чаще носили при глухих жилетах, обычно лацканы жилета были пристрочены и не отделялись от жилета.

При однобортных пиджаках носили жилеты однобортные и на пять-шесть пуговиц и двубортные на четыре-пять пуговиц. Двубортные жилеты, как правило, имели лацканы пиджачного кроя либо шалевые. Следует заметить, что однобортные пиджаки носили, не застегивая на пуговицы, и поэтому жилет был хорошо виден. Иногда жилет носили из другого, чем весь костюм, материала (главным образом летом). Летом при однобортных пиджаках иногда носили пояс-жилет, представляющий собой широкий пояс из того же материала, что и костюм, или из белого пике, застегнутый на три-четыре пуговицы. Рабочие носили пояса из широкой тесьмы, застегивающиеся на одну-две пряжки (или нашитые ремешки), с кожаным кармашком для часов с левой стороны.

Галстуки

Основными фасонами галстуков были самовязы, регаты, бантики и пластроны.

Одноцветные (черные, белые, цветные); преимущественно неярких тонов или в мелкий рисунок (цветы, полоски, клеточки, крапинки, горошины), они изготовлялись из плотного натурального шелка или атласа. Самовязы и пластроны иногда делали из тонкой парчи.

Самовязы носили с костюмом, сюртуком и визиткой, завязывая их широким узлом. Верхний и нижний концы галстука скалывали специальной булавкой с головкой из жемчужины или драгоценного камня. Самовязы того времени были более короткими, чем современные галстуки, так как их обычно заправляли под жилет. В начале века носили узенькие самовязы, а с 1910 года вошли в моду широкие.

В 1916—1917 годах появился новый тип самовяза — узкий, более длинный, с поперечными цветными полосами, изготовленный из шелкового трикотажа. Этот тип галстука сохранился до середины 30-х годов.

Такие вязаные галстуки носили в эпоху революции, гражданской войны и первых пятилеток не только с костюмами, но и с толстовками, скрепляя концы галстука специальными горизонтальными металлическими зажимами.

Самовязы были сравнительно мало распространены. Значительно чаще встречались регаты — галстуки, внешне похожие на самовязы, но с готовым фабричным раз и навсегда завязанным узлом.

От современных регат старые отличались тем, что имели два конца, как на самовязах, причем эти концы были пришиты один к другому. Этому обстоятельству регаты и обязаны своим названием. Регатой назывались и называются состязания парусных спортивных судов. Чтобы во время состязаний концы галстуков не трепались по ветру, мешая яхтсменам, один из них в по-

следней четверти XIX века скрепил концы галстука вместе и приколол их к рубашке. Когда настала пора снять галстук, пришлось разрезать его сзади, а чтобы снова надеть, изобретательный спортсмен пришил к одному из разрезанных концов пуговичку, а к другому петельку. Идея привилась. Такие галстуки стали носить не только яхтсмены. Конструкция их усовершенствовалась. Вместо пуговички и петельки появились застежки в виде пряжки с зубчиками, позволяющими регулировать охват шеи, затем появилась подвижная пряжка, сдвигая которую можно было расширить или уменьшить охват шеи в зависимости от размера воротничка. Потом появились регаты для отложных воротничков с короткими жесткими концами, которые закладывались под загиб воротничка, а к узлу регаты с внутренней стороны пришивалась металлическая подковообразная (концами кверху) пряжка, которую закрепляли за запонку воротничка. Такая регата была безразмерная и годилась на любую шею.

Представители аристократии регат не носили. Зато у чиновников, купцов, приказчиков регаты совершенно вытеснили самовязы, потому что всегда сохраняли форму узла и их можно было быстро надеть и снять. Рабочие в торжественных случаях тоже надевали регату.

Гораздо большее распространение, чем сейчас, имели бантики-«бабочки». Их носили с фраком, вицмундиром, форменным и гражданским сюртуком, смокингом и (реже) с костюмом.

Верхняя мужская одежда

Основным типом мужской зимней верхней одежды были шубы на меху или на вате. Шубы были длинные, двубортные, крытые черным кастором или сукном. Иногда верх ее был цвета маренго или темно-синим. Сзади на шубе обычно имелся разрез.

Воротники шуб были шалевые, отложные, а также с меховыми отворотами, лацканами. Чаще всего на воротники ставили черный каракуль, выдру под котик, енота, бобра. Бобер был двух сортов: «польский» (речной) бобер и камчатский с проседью (самый дорогой). Иногда на шубах делали меховые манжеты из того же меха, что воротник.

Наиболее распространенными мехами были рыжая лиса, хорек, енот, кенгуру, лира, белка, выдра под котик, нутрия.

Меховые шубы часто не имели прорезных петель, а застегивались на петли, сделанные из шкурки и пришитые под борт, или на язычки из материи с прорезанными в них петлями. Пуговицы при таких петлях могли быть обычные (большого размера) и в виде палочек, обшитых басонным шнурком. Делали застежки и на басонных пуговицах, так же как на сюртуках и фраках, но большого размера.

Шубы носили как с меховыми шапками, так и с котелками, цилиндрами, шляпами и картузами. Шубы на лире, кенгуру и котике носили люди среднего возраста и молодые. Шубы на лисе, хорьке, еноте носили люди пожилые. Шубы на ватине фасоном не отличались от шуб на меху, но имели обычно прорезные петли.

В провинции были в ходу шубы на медвежьем или волчьем меху. Эти шубы служили для дальних поездок на лошадях, заменяя тулупы. В них пешком не ходили, так как они были очень тяжелые и длиной до пят.

К другим видам верхней одежды относились: дохи, бекеши, романовские шубы, поддевки на меху, полушубки.

Дохи шились чаще всего из жеребячьих или телячьих шкур мехом наружу. Внутри они были на вате либо на меху. Имели шалевые воротники. Были очень длинные, ходили в них редко, главным образом в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке. В средней полосе России дохи употреблялись для поездок. Часто надевали их сверх обычной шубы, в таком случае носили их не застегнутыми, а только запахнутыми. Реже встречались дохи из волчьего меха. В Сибири и на Дальнем Востоке были дохи и из собачьих шкур, обычно снаружи и изнутри.

Так называемые романовские шубы и полушубки изготовлялись из шкур овец романовской породы. Это были овцы с очень густой и не очень волнистой шерстью, несколько напоминающей современную цигейку. Шубы шились нагольными, то есть их не покрывали сверху материалом. Мездру дубили особым способом, так что она становилась очень мягкой, и окрашивали в черный или коричневый цвета. Шуба имела фасон поддевки, с отрезной талией, спинка была гусарская — из трех частей. Спинка ниже талии была на сборках. Застежку делали как на левую так и на правую сторону, на крючках. Обычно романовская шуба имела отложной воротник, но иногда ее делали и с воротником стойкой. По борту, краям рукавов и карманов нашивали полосы меха того же цвета и качества, как на воротнике.

Характерной чертой романовской шубы было тиснение по борту, краям карманов (всегда прорезных — косых или вертикальных), а иногда и по краю обшлага. По вытесненному рисунку делали еще и вышивку шерстью, в один или два цвета.

Романовский полушубок имел такую же фактуру и цвет, как шуба, но опушку делали еще и по подолу и разрезу сзади; такими же бывали еще верхние прорезные карманы. По борту, который застегивали, опушку делали до низу, а

второму борту только до талии. Полушубок л со стоячим воротником, также отделанным хом.

Романовские шубы и полушубки были рас-остранены главным образом в провинции. Жи-ли столицы их надевали, отправляясь на зим-ю охоту.

Во время мировой войны романовские шубы полушубки получили большое распростране-е, как удобная и теплая одежда для фронтовых рицеров, военных врачей, сестер милосердия различных сотрудников земского и городского юзов, созданных первоначально для обслужи-ния фронта медикаментами, врачебной по-ощью.

Бекеша представляла собой длинное паль-, кроем напоминающее сюртук, но с боковой стежкой на крючках, как на поддевке или ро-ановской шубе. Обычно она была на меху (ов-на или кенгуру), имела отложной меховой ротник — каракуль или кенгуру, но иногда ыла с воротником стойкой. Карманы были верх-е и нижние, прорезанные вертикально. Сзади екеши был разрез до талии, украшенный двумя уговицами. Бекеша была крыта сукном или га-ардином, чаще всего серого или коричневого вета. Во время войны бекешу стали носить ронтовые офицеры. Их бекеши были из сукна вета хаки или просто из солдатского шинельно-сукна, воротник был из серого каракуля или кенгуру. Посередине груди был нашит боль-ой карман с клапаном. Иногда этот карман ыл прорезной и имел только нашитый клапан. бшлага офицерской бекеши делались того же асона как на пехотной шинели, но чаще были ришиты клапаны, застегивающиеся на одну или ве пуговицы.

Бекеша обычно не имела меховой отделки по борту, карманам и разрезу, но иногда все же е делали.

Схожей с бекешей зимней одеждой являлись ддевки. Синие и черные поддевки на лисьем еху, с отложным или стоячим воротником, лю-ли носить купцы, главным образом в провин-ии. Поддевки имели оторочку по краям рука-в, по борту и карманам. Карманы у нее были лько нижние, вертикально или косо проре-ные.

Во время войны поддевки, как и бекеши, ста-носить офицеры. Офицерские поддевки ши-сь из сукна или габардина цвета хаки. Также ели карман на груди и, по сути дела, отлича-сь от бекеш только тем, что сзади имели склад-, в то время как бекеша сзади была гладкая, складок не имела, но зато имела разрез. Инте-сно, что бекеша, как удобная форма зимней жды, вновь возродилась в Советской Армии оды Великой Отечественной войны, как зимняя строевая форма полковников и генералов. Была она только без меховой опушки и нагрудного кармана.

В обиходе была и короткая зимняя одежда; различные куртки на меху или на вате с отложным меховым воротником или с воротником-стойкой и с отделкой мехом по борту, карманам и обшлагам. Употреблялись они для спорта (коньки, конный спорт, охота). Носили их либо с высокими сапогами, валенками, бурками, либо с шерстяными чулками.

Фасоны курток были весьма разнообразны. Прямые и с подрезной талией, на пуговицах и крючках, длинные — до колена, и совсем короткие, как пиджаки, с прямыми карманами, вертикальными или косыми. Часто на куртках были и верхние карманы, как прямые, так и вертикальные. Спинки были гладкие и с пристегивающимися на две пуговицы хлястиками. Делали хлястики и вшитые в боковые швы, а также настроченные прямо на спину. Реже встречались куртки с поясами. Пояса характерны были для

110. Участники совещания губернаторов. Петербург. 1911 г.

111. Приглашенные на обед к врачу Императорского клинического института. Петербург. 1913 г.

112. Приглашенные на учение пожарных. Петербург

113. В канцелярии конторы торгового дома «Шведский шарикоподшипник». Петроград. 1916 г.

114. Представители фирм на испытании новых систем огнетушителей. Петербург. 1909 г.

115. Гулянье в Летнем саду. Петербург. 9 мая 1911 г.

116. Гулянье в Летнем саду. Петербург. 9 мая 1911 г.

117. Гулянье в Екатерингофском парке. Петербург. 1 мая 1911 г.

118. Гулянье в Екатерингофском парке. Петербург. 1 мая 1911 г.

119. Группа членов Петербургской артели уличных продавцов. Петербург. 1913 г.

120. Служащие товарищества «И. Вахрамеев и К°» и управляющий с супругой отмечают юбилей своей фирмы. Петроград. 1915 г.

121. Декан юридического факультета Петербургского университета

122. Петербургский чиновник с женой

123. Сотрудник Российского транспортного общества. Петербург

124. Представитель петербургской буржуазии

125. Гласный петербургской городской думы. 1915 г.

126—130. Представители петербургской буржуазии

110

112

113

115

117

118

119

120

121

122

123
124

125
126

127
128

129
130

курток, имеющих спереди и на спине по две бантовых складки. Пояс пропускался через прорезы в складках. Куртки с гусарской спинкой хлястиков и поясов не имели.

Во время мировой войны начали шить куртки из солдатского сукна. На них делали накладные карманы с клапанами и бантовыми складками, сзади обычно был хлястик — на пуговицах или вшитый. По сути дела, это был длинный френч, который использовался как верхняя одежда. Этот тип курток был очень распространен во времена гражданской войны и продержался до конца 20-х годов. Обшлага таких курток-френчей были или шинельного типа или с язычком, вшитым с одной стороны в шов, а с другой — пристегнутым на пуговицу.

Костюмный реквизит

Определение «костюмный реквизит» включает в себя различные предметы, которые не служат частями одежды, но которые постоянно носят при себе (например, очки, палки, бумажники, часы и т. д.).

Очки, пенсне, лорнеты, монокли, бинокли. Наиболее распространенным типом очков в дореволюционное время были овальные очки в тонкой металлической оправе (стальной, вороненой, серебряной и золотой), с такими же тонкими, как и сама оправа, оглобельками. Носили очки и в черепаховой оправе.

Круглые стекла встречались редко и были значительно меньше диаметром, чем в современных очках. Круглые очки обычно были в тонкой черепаховой оправе. Оглобельки таких очков бывали и металлическими. Носили круглые очки и в металлической оправе. Так как металлические оправы были очень тонкими, а упоров на переносице, как на современных очках, тогда не делали, то зачастую дужку очков заматывали нитками, чтобы она не врезалась в переносицу. Заматывали нитками и крючки оглобелек, чтобы они не резали за ушами. На металлических оправах бывали дужки одинарные и двойные, соприкасающиеся друг с другом наиболее выпуклой стороной дуги.

Большое распространение имели тогда пенсне — очки, держащиеся на переносице посредством зажима. Стекла у них чаще всего были овальной формы, но встречались и серповидные (для чтения дальнозоркими). Реже их делали со стеклами прямоугольной формы (углы у таких стекол были срезаны).

Оправа пенсне была такой же, как у очков. Но делали пенсне и вовсе без оправы, однако большого распространения они не имели. В дужки пенсне вставлялась пружина, сжимавшая переносицу, либо дужка сама растягивалась при надевании пенсне и сжимала переносицу. В дужки иногда вставляли пробковую или резиновую прокладку, чтобы уменьшить трение переносицы. На одном стекле пенсне обычно имелась петелька, в которую вдевался тонкий шелковый шнурок, оканчивающийся металлическим крючком; при помощи его пенсне прикреплялось либо к лацкану пиджака (сюртука), либо зацеплялось за ухо. Были пенсне (обычно золотые), где вместо шнура употреблялась тонкая цепочка.

В первой половине XIX века распространены были лорнеты. Лорнет представлял собой очки на ручке. Чаще всего ручка была черепаховой, и такая же оправа. Ручка имела в середине пропил, куда очки уходили на манер того, как уходит в рукоятку перочинный ножик. Встречались и оправы лорнетов из слоновой кости и перламутровые. Иногда даже украшенные драгоценными камнями и монограммами. Ручка лорнета имела всегда кольцо из металла, при помощи которого лорнет прикреплялся к тонкой цепочке, висящей на шее. Были лорнеты и в металлической оправе (обычно золотой), ручка у этих лорнетов была тонкая, круглая, а сам лорнет при складывании не уходил целиком в ручку, а только ею зажимался. Среди лорнетов этого типа встречались и такие, у которых складывались стекла одно на другое.

Лорнеты носили как пожилые, так и молодые женщины из зажиточных слоев населения. Мужчины почти никогда не прибегали к лорнетам.

Монокль получил распространение в XIX веке вначале как оптический прибор для людей с разной силой зрения в глазах (то есть близоруких или дальнозорких на один глаз) или страдающих астигматизмом, а также служил лупой при необходимости рассматривать мелкий текст или предмет.

В XX веке монокль потерял функциональное назначение и стал атрибутом великосветских щеголей, которые зачастую носили монокль из простого стекла, не увеличивающего и не уменьшающего. Монокли были круглые, иногда имели слегка яйцеобразный контур. Их носили в оправе и без оправы. Монокли в оправе прикреплялись к шнурку (на цепочке моноклей не носили). Шнурок монокля был сплетен из волос. Монокль держался в глазнице без какого-либо приспособления. Носители монокля даже достигли такого совершенства, что подбрасывали монокль и ловили его в глазницу без помощи рук. Так как при ношении монокля бровь поднималась кверху, а глаз сощуривался, то лицо носителя монокля получало удивленно-презрительное выражение.

В период первой мировой войны монокли перестали носить, так как они были характерным

отличием германского (главным образом, прусского) офицерства.

Очки носили в футлярах овальной формы с закругленными концами. Они были картонные, оклеенные бумагой или гранитолем (для дешевых очков) и из цельной толстой кожи (для дорогих очков), изнутри обтянутые замшей. Цвет футляров был черный, коричневый или вишнево-красный.

Футляры пенсне были мягкие, открытые, преимущественно кожаные, внутри обтянутые замшей. Лорнеты и монокли в футлярах не носили.

Театральные бинокли отличались большим разнообразием форм и размеров, а также и материалом отделки корпусов. Мужчины ходили в театр с сравнительно большими биноклями, обтянутыми черной кожей. Иногда носили бинокли, укрепленные на оглобельках, как очки. Эти бинокли были меньшего размера, часто имели отделку из черепахи.

Женские бинокли отличались богатством отделки, были из слоновой кости, перламутра, черепахи. Встречались бинокли и с серебряными или золотыми корпусами. Часто женские бинокли имели ручку, как лорнет, также богато отделанную.

Мужские театральные бинокли обычно были заключены в черные кожаные футляры, которые носили за ручку.

Дамские бинокли имели футляры из сафьяна, замши или цветной кожи. Футляр был мягким, только донышко и крышка были твердыми.

Портфели, бумажники, кошельки, портмоне, монетницы, зубочистки. Портфели не имели в то время столь широкого распространения, как сейчас. С ними ходили главным образом адвокаты, банковские и биржевые служащие и иногда чиновники. Военные, учащиеся высших и средних учебных заведений с портфелями не ходили. Студенты носили книги и тетради, перехваченные специальным ремешком, а учащиеся средних школ носили на плечах ранцы.

Портфели тогда не имели ручек, и поэтому их носили под мышкой. Делали портфели из черной или темно-зеленой кожи, коричневые портфели встречались редко. Кожа была гладкая или так называемая шагреневая (в зернах). Иногда на портфелях было тиснение в виде рамок. Делали портфели и из сафьяна (баранья кожа очень мягкой фактуры) и из настоящей крокодиловой кожи или ее имитации. К портфелям прикреплялись монограммы их владельцев (серебряные, золотые, никелированные). Замок обычно был один, никелированный или медный, закрывающийся на ключик. На нижних уголках портфеля часто были укреплены металлические уголки. Подкладка портфелей делалась из муарового шелка.

Портфели банковских служащих и чиновников были большего размера и преимущественно черного цвета. На крышке портфеля было вытеснено название банка или министерства (полностью или только начальные буквы).

Бумажники делали значительно большего размера, чем сейчас. Это понятно, потому что царские бумажные деньги были значительно больше современных, и размер бумажника был поэтому равен согнутой пополам крупной ассигнации в 100 и 500 рублей. Бумажники делали из шагреневой либо крокодиловой кожи, чаще всего черные или темно-зеленые. В них имелись отделения для визитных карточек и почтовых марок. Бумажники украшались монограммами и были либо без застежек, либо застегивались при помощи кожаного язычка, продеваемого в кожаную же петельку. Иногда делали бумажники, вмещающие записную книжку и с петельками для карандаша. Встречались бумажники, запирающиеся на ключик.

Кошельки были самых всевозможных размеров, сортов и цвета, но почти всегда однотипные по конструкции. К металлическому каркасу с застежкой из двух шариков приделывался кожаный мешочек. В больших кошельках имелось специальное отделение с собственным металлическим каркасом, закрывающимся при помощи шариков либо скобочки. В этом отделении держали золотые деньги или крупные ассигнации.

Дамские кошельки имели такую же конструкцию, но отличались меньшим размером. Часто их делали из замши либо сафьяна. Были также дамские кошельки, сделанные из серебряных или вороненых колечек и имеющие ручку из цепочки. Такие кошельки одновременно исполняли роль сумочек.

Портмоне делали из различной кожи, сафьяна, замши. Застегивались они сбоку на медный или никелированный замок; иногда запирались ключиком. Внутри были обтянуты тонкой кожей или замшей и имели специальное отделение — встроенный внутрь кошелечек для звонкой монеты.

Дамские портмоне были меньшего размера и делались из сафьяна или замши.

Монетницы были главным образом рассчитаны на золотые монеты достоинством в 5 рублей, 7 рублей 50 копеек (полуимпериал), 10 рублей, 15 рублей (империал). Золотые деньги были изъяты из обращения с начала войны 1914 года.

Делали монетницы в виде фигурок животных (особенно часто встречались фигурки свинок). Фигурка раскрывалась на две половинки, на одной были гнезда с пружинками для вкладывания монет. Порой монетницы представляли собой просто ряд соединенных друг с другом цилиндриков и лишенных крышки. Изготовляли монетницы чаще всего из серебра, но были и

золотые и никелированные. Небольшие монетницы в виде фигурок иногда носили на часовой цепочке, как брелок (свинки вешались на цепочку за хвостик, в котором было колечко), или в жилетном кармане. Носили монетницы и в специальных карманчиках для денег, которые делались в пиджаках и пальто с правой стороны несколько выше обычного кармана.

Очень часто при себе носили зубочистки, сделанные из перьев. Зубочистки носили в специальных футлярчиках из плетеной разноцветной соломки, а также в круглых металлических футлярчиках. Носили и одну зубочистку, вставленную острой частью в трубочку-держатель. При употреблении зубочистку вынимали и вдевали в футляр-удлинитель.

Портсигары, зажигалки, спичечницы. До революции не было принято носить с собой папиросы в фабричных коробках. Для этого широко использовались портсигары. Портсигары были многообразны по своей форме, объему, отделке и материалу.

Богатые люди имели портсигары из чистого золота, гладкие, с гравированными рисунками (модны были портсигары в «полоску» — одна полоска блестящая, а другая матовая). Распространены были золотые портсигары, имитирующие своей шероховатой поверхностью самородок. Кнопки замка портсигаров делались из драгоценных камней (бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды). Были золотые портсигары, отделанные эмалью (портрет, пейзаж, изображение лошадей или собак).

Изготовлялись также серебряные с рельефными штампованными рисунками на крышке. Распространены были портсигары с изображением женщин с распущенными волосами, собак, делающих стойку, мчащихся троек, всевозможных богатырей и витязей. Были серебряные портсигары, покрытые со всех сторон эмалью, обычно с полосатым рисунком. Встречались портсигары из вороненой стали, гладкие, полированные, без рисунка. Иногда на портсигарах этого типа замки были золотые или серебряные и даже украшенные каким-нибудь красивым полудрагоценным камнем.

Распространены были и деревянные портсигары (из карельской, или волнистой, березы). Донышки и замки этих портсигаров оковывались золотом или серебром. Для деревянных портсигаров характерны были разнообразные монограммы, надписи, автографы, выполненные из серебряной или золотой проволоки. Кроме того, портсигары усеивались многочисленными золотыми и серебряными фигурками животных, насекомых, различными предметами (бутылки, подковы, цветы и т. д.) из золота, серебра, эмали, а иногда и драгоценных камней. В ювелирных магазинах имелся большой выбор таких фигурок. Надписи и монограммы заказывались специально.

Значительно реже встречались портсигары целиком изготовленные из слоновой кости. На крышке этих портсигаров были вырезаны выпуклые изображения цветов или животных. Обычно эти портсигары были японской или китайской работы. Среди портсигаров этого типа были дамские портсигары уменьшенной величины. Дамские портсигары из серебра и золота чаще всего имели цилиндрическую форму (так как носились не в карманах, а в сумках). Раскрывались такие портсигары по длине. На них часто были замки, украшенные камнями.

Делали портсигары и из полудрагоценных (как тогда называли — уральских) камней. Портсигар имел металлический (чаще всего серебряный) каркас, а крышки были из цельной каменной пластинки либо составляли мозаику из разных камней (малахит, агат, орлец, топаз, сердолик и т. п.).

Своеобразным, встречающимся только в России типом портсигаров были так называемые лукутинские лаковые портсигары. Лукутинскими они назывались по фамилии фабриканта этих портсигаров. Портсигары были из папье-маше и покрыты снаружи черным, а внутри красным лаком и разрисованные. На крышке чаще всего изображались тройки, лунные пейзажи, охотничьи сцены. Изготовлялись эти портсигары в селе Федоскино, ставшем впоследствии знаменитым своими миниатюрами.

Самыми дешевыми были портсигары из кожи. Делались они двух типов. Первый представлял собой металлический каркас, обтянутый кожей, темной снаружи и светлой внутри. Второй — шили из толстой кожи со съемной крышкой.

Во время войны такие мягкие портсигары получили большое распространение на фронтах среди офицеров, которые носили их на ремешке через плечо поверх шинели. Офицерские портсигары были коричневого цвета в тон ремням и портупеям.

Зажигалки до первой мировой войны были мало распространены. Существовали зажигалки двух типов. Первый из них даже трудно назвать зажигалкой в теперешнем понимании, да и тогда их называли «вечной спичкой». Они представляли собой небольшой прямоугольник из металла (иногда оформленный в виде записной книжечки). «Обрез» книжечки покрывался особым составом или кремнем. В книжечку наливали бензин. В имеющееся отверстие вкладывалась металлическая «спичка», в расщепленной головке которой находилась ватка. «Спичка» была в виде карандашика. При чиркании ею о кремень возникал огонь. После использования огня «спичку» надо было задуть, а потом вновь вставить в кни-

жечку, где ватка вновь впитывала бензин. Эти зажигалки носили на часовой цепочке, как брелок.

Другой тип зажигалки имел колесико, пружинку, кремень — «камешек», фитиль — все элементы современной зажигалки. Искра получалась от поворота колесика пальцем. Эти зажигалки имели съемную крышку, обычно были очень плоские, так как их носили в жилетном кармане.

Во время войны стали в большом количестве появляться зажигалки, сделанные из ружейных гильз — русских и немецких. В самой гильзе помещался фитиль и резервуар. Колесико, пружинка и кремень помещались в тонкой трубочке, припаянной параллельно гильзе. Фитиль закрывался металлическим (медным или алюминиевым) колпачком, часто прикрепленным цепочкой к гильзе. Этот тип зажигалок оказался очень стойким. Он прошел через гражданскую войну и вновь возродился на фронтах Великой Отечественной войны. В большинстве случаев эти зажигалки были самоделками.

Помимо зажигалок употребляли спичечницы — металлические футляры для спичечных коробок. Спичечницы обычно были серебряные, украшенные чернью или цветной эмалью. Были спичечницы из папье-маше, покрытые лаком и украшенные живописью. Все эти спичечницы были одинаковы по конструкции, в них вставлялась коробка спичек таким образом, что внутренняя часть коробки свободно выдвигалась в обе стороны. По бокам спичечницы были прорези, открывающие ту часть коробки, по которой чиркают спички.

Другим типом спичечниц были круглые, вырезанные из волнистой или карельской березы коробочки, изображающие руку, сжатую в кулак или показывающую кукиш. Спички вынимались из коробки и вкладывались внутрь спичечницы. Зажигались спички о дно спичечницы, в которую вставлялся кусок спичечной коробки, покрытой составом для зажигания.

Часы, цепочки и брелоки. Основным типом часов до войны 1914—1917 годов были карманные часы.

Мужские карманные часы были очень разнообразны по внешнему виду, конструкции и материалу корпусов. Собственно часовой промышленности дореволюционная Россия не имела. Часы либо импортировались, либо собирались из импортных деталей вручную. Наиболее распространенными марками часов были «Павел Буре», «Мозер», «Омега», «Таван-Ватч». Эти и другие фирмы выпускали часы как дешевые, так и самые дорогие. Были фирмы, выпускающие только дорогие часы,— «Лонжин» и «Братья Одекер».

Самыми дешевыми были так называемые цилиндрические часы из штампованных деталей и без камней. Часы на камнях назывались анкерными.

Часы заводились или при помощи заводной головки, как на современных часах, или при помощи ключика. Корпуса часов изготовлялись из золота, серебра и даже платины. Дешевые часы имели корпуса стальные, вороненые, никелированные, томпаковые (особый сплав серебра и олова), а также из так называемого «американского золота» (эти часы сейчас называют анодированными). Были часы из кавказского серебра (с большой примесью).

Карманные часы еще разделялись на закрытые и открытые, то есть имеющие крышку, закрывающую циферблат, и ее не имеющие. Часы, заводящиеся ключиком, имели две задних крышки. Для завода нужно было открывать наружную заднюю крышку, во внутренней крышке было отверстие для ключиков. На этой же крышке были выгравированы названия фирмы, полученные ею медали и номер часов.

Если часы имели так называемый репетир, то есть были с боем, отзванивая часы и четверти, то в крышке были два отверстия для завода. Бой имели только дорогие часы. Для боя на часах нажималась специальная кнопка, и можно было узнать время, не вынимая часы из кармана.

Наружные крышки часов бывали гладкие, с гравированным геометрическим или орнаментальным рисунком, с щитком для монограммы. Были часы и с выпуклым рисунком (барельефом), изображающим женские головки, собак, лошадей, даже пейзажи. Были крышки и с рисунками на эмали. Все это украшательство было только на дорогих золотых и серебряных часах. Часы со стальным и никелированным корпусом были обычно гладкие.

В карманных часах ценилась плоская форма корпуса, как более удобная для ношения. Дорогие часы имели толщину не более серебряного рубля, не считая крышек. Часы носили в левом кармане жилета. Некоторые носили их в верхнем кармане, некоторые в нижнем, укрепленными на цепочке, продетой в пуговичную петлю жилета. Военные носили часы в левом кармане кителя или френча. Цепочки были самого разнообразного фасона. Чем цепочка была тоньше и чем изысканнее была форма звена, тем она считалась элегантнее. Купцы любили носить толстые золотые или серебряные цепочки, подчеркивающие богатство их владельцев. Иногда цепочки были в два ряда или шли от кармана до кармана, но в большинстве случаев цепочки были от застежки жилета до кармана. Помимо цепочек из серебра, золота, платины были и комбинированные цепочки, где чередовались звенья из золота со звеньями из платины; носили часы и

на цепочках из томпака и даже меди, а также цепочках, плетенных из шелка или волос. Были цепочки разного фасона — короткие и широкие. Их не укрепляли в петле жилета, а носили «навыпуск» из кармана жилета или специального часового кармана брюк справа. Эти цепочки повторяли форму цепочек XVIII и начала XIX века. Часто цепочка оканчивалась брелоком. Те, кто вместо жилета носил пояс из широкой резиновой ленты, имели возможность прятать часы в специально пришитый с левой стороны кожаный карманчик с клапаном на кнопке. Рядом с карманчиком прикреплялось, как правило, колечко для цепочки.

Во время первой мировой войны вместо цепочек появились специальные ремешки. Их продевали в петлю левого лацкана пиджака, и носили часы в верхнем кармане. Со временем ремешки почти совершенно вытеснили цепочки и дошли до наших дней.

Золотые и платиновые часы часто носили в замшевом чехольчике. На цепочках висели ключики (если часы ими заводились) и различные безделушки (брелоки) самого разнообразного вида и материалов. Это были бутылочки, фигурки, головы животных. Очень распространены были крохотные слоники из слоновой кости или серебра (считалось, что они приносят счастье), модельки поясных пряжек, сердца. Распространены были комбинации их трех предметов: крест, якорь, сердце — символы веры, надежды, любви. Также были очень в ходу подковы — символ удачи. Были брелоки с миниатюрными фотографиями внутри.

Носили на цепочках и серебряных или золотых свинок (монетницы для золотых монет) и карандашики, как автоматические, так и простые, круглые или плоские в серебряных или золотых футлярах, а также печатки из серебра или камня, миниатюрные перочинные ножики. Носили брелоки в виде медальонов (с волосами «на память» внутри). В общем, перечислить все виды и формы брелоков не представляется возможным, так велико их многообразие.

Существовал еще особый род часов, с маленьким циферблатом, отдельно прикрепленным к нормальному корпусу. Их носили в петлице, продевая циферблат в петлю, как в пуговицу, а корпус помещался под лацканом. Широкого распространения этот тип часов не получил, носить их считалось дурным тоном.

Женские часы по форме и конструкции были схожи с мужскими, но меньшего размера. Носили их на длинной шейной цепочке (иногда в несколько рядов) или на шнурке либо прикрепленными с левой стороны груди на банте из металла или репсовой ленты.

В большинстве случаев женские часики, которые носили на шее, имели закрытый корпус, украшенный рельефными цветами или монограммами. Золотые часики были порой украшены мелкими драгоценными камнями (бриллианты, рубины) или жемчугом. Часики, которые носили на банте, были с открытым циферблатом. В крышке дамских часов внутри помещались фотографии или пряди волос. Заводились дамские часы ключиком или заводной головкой. Боя дамские часики не имели. Также редко они имели секундную стрелку.

На дамских и мужских часах были циферблаты разного цвета и фактур. Дороже часы имели часто золотые циферблаты (стрелки на этих циферблатах были тогда черные или вороненые, того же цвета были цифры), посеребренные, с черными или золотыми стрелками. Самыми распространенными были белые эмалевые циферблаты с золотыми (позолоченными) стрелками и позолоченными или черными цифрами. Реже встречались черные циферблаты с позолоченными стрелками.

Перед мировой войной стали появляться часы со светящимися фосфорными стрелками и цифрами. Обычно у них был черный циферблат, а цифры и стрелки при искусственном свете становились зелеными.

Наручные часы до мировой войны были только дамские, вмонтированные в браслеты.

Во время войны получили большое распространение, сначала у военных, а затем и у гражданского населения. Поначалу это были обыкновенные, открытые (без передней крышки) карманные часы (обычно с плоским корпусом), которые были вставлены в кожаную рамку, укрепленную на ремне так, что из-под этой рамки был виден даже не весь циферблат, а лишь его середина. Затем к часам стали приделывать ушки для ремешков. Для предохранения часового стекла от ударов (небьющихся стекол тогда не было) на него надевалась специальная никелированная решетка. Решетка имела вид колеса со спицами или была в клетку.

В то время почти во всех часовых мастерских висели объявления, что принимаются карманные часы в переделку на ручные. Скоро стали появляться и специально сконструированные наручные часы. Они делались меньшего размера, чем карманные, заводились без ключа, только заводной головкой, и были не только круглые, но и овальные, прямоугольные. Во время войны стали появляться и женские наручные часы.

Наручные часы имели серебряные, золотые и никелированные корпуса. Циферблаты были разных цветов (черные, белые, посеребренные). Боя наручные часы не имели. Многие часы имели светящиеся цифры и стрелки. Наручные часы преимущественно носили молодые люди. Люди пожилые, солидные остались верны карманным часам.

Палки, трости, стеки. Палки и трости были в большом распространении до революции. С ними ходили старики и молодые, фабриканты и рабочие, щеголи и бедняки. Разница между палкой и тростью состояла в том, что палка имела ручку или набалдашник, на которую при ходьбе можно было опираться, а трость имела круглый или цилиндрический набалдашник из слоновой кости, металла (в том числе серебра и золота) и носилась в руках или под мышкой исключительно для щегольства, к тому же трости часто делали из гибкого дерева, не дающего возможности на нее опереться. Само слово трость происходит от слова тростник.

«Богатые» палки делали из черного эбенового дерева, из толстого испанского камыша (эти палки имели золотисто-коричневый цвет и яйцеобразное сечение), из бамбука и манильского камыша (растение, похожее на бамбук, но с более редкими коленами), из можжевельника. Палки из черного дерева и испанского камыша имели набалдашники из слоновой кости, полудрагоценных камней или серебра, самой разнообразной формы — от гладкого крючка до сложных скульптурных композиций, изображающих головы животных (очень распространены были изображения собак и лошадей), обнаженных женских фигур, орнаментальных композиций. «Тело» палки было усеяно серебряными или золотыми монограммами, фигурками животных (очень распространен был мотив змеи, обвивающей палку), кольцами с выгравированными на них памятными для владельца палки датами, автографами из серебряной и золотой проволоки. Ручки палок из можжевельника и вереска загибали крючком или снабжали набалдашником из оленьего рога, они обычно не столь густо бывали украшены монограммами и фигурками. Палки из бамбука и манильского камыша имели загнутую ручку из того же дерева, слегка обожженную или обшитую кожей, а чаще всего — замшей.

Встречались на палках набалдашники с утилитарным назначением. Металлический набалдашник был однозарядным пистолетом или зажигалкой и даже фляжкой для водки.

Палки из испанского камыша часто представляли собой ножны для стилета или шпаги, заключенных внутри палки. Стилет и шпага имели трехгранную форму и являлись вполне грозным оружием.

Трости из испанского камыша тоже бывали со шпагами внутри. Набалдашник служил рукоятью шпаги или стилета.

Существовали еще палки-скамеечки. С ними ходили либо старые люди, либо охотники. Ручка этих палок, раскрываясь, превращалась в скамейку, а сама палка, имеющая острый наконечник, втыкалась в землю. Ствол палки делался из можжевельника, вереска или был металлическим. С такой палкой ходил на прогулки Лев Толстой.

Рабочие, ремесленники, мелкие чиновники довольствовались палкой попроще — из вишневого дерева, вереска или железа, выкрашенной черной эмалью. К дешевым относились также палки, сделанные из стального прута с нанизанными на него короткими цилиндриками из рога. В районах, где были стекольные заводы, имели распространение палки из разноцветного витого стекла.

Древки тростей обычно были тоньше, чем у палок. Набалдашники чаще всего имели круглую или грибообразную форму. Большое распространение имели тонкие трости из черного дерева или испанского камыша с набалдашниками и наконечниками из слоновой кости. Были трости целиком из слоновой кости, украшенные резьбой. При цилиндре и фраке носили трости, а не палки. Чиновники могли ходить с палками, но не в парадной форме. Учащимся с палками ходить не разрешалось, так же как и военным (не считая раненых, а также находящихся в отставке).

Во время первой мировой войны стали в России входить в моду так называемые стеки — тонкие, короткие тросточки с кожаной или замшевой петлей внизу, с набалдашником или ручкой. К ручке была приделана (привязана или продета насквозь) кожаная петля, стобы стек можно было повесить на руку.

Стеки существовали давно как род хлыста при верховой езде. Их употребляли жокеи на скачках и наездники на состязаниях по прыжкам, а также кавалерийские офицеры. Стеком ударяли лошадей по шее (именно для этой цели служила петля на нижнем конце стека).

Стеки делали из бамбука, испанского камыша, китового уса, оплетенного ремешками. Иногда ручки были загнуты, как у палки. Но чаще стеки были с набалдашником из кости, серебра, рога разнообразных форм и рисунков. Офицеры часто ходили со стеками, у которых вместо набалдашника был защелкивающийся крючок (карабин), удобный для подвески стеков к поясу. Интересно, что во время войны со стеками начали ходить все пехотные офицеры, летчики, студенты, даже дети, для которых изготовляли специальные стеки маленького размера.

Зонты. До революции мужские зонты были гораздо более распространены, чем теперь. С зонтами ходили не только во время дождя, но и используя их как палку. Мужские зонты были только черного цвета. Имели всегда дугообразную ручку. Ручки были деревянные, из бамбука или его имитации. Делали ручки и из можжевельника или вереска. Ручки были покрыты ла-

ком и сохраняли естественный цвет дерева. Дешевые мужские зонты делались из хлопчатобумажной ткани (обычно зонты были шелковыми), и ручки на них были металлические, никелированные.

Перед первой мировой войной стали появляться так называемые зонты-палки. Это были зонты из очень дорогого шелка на тонких спицах. Зонтик в закрытом виде прятался в трехчетырехступенчатый футляр из деревянных, имитирующих бамбук, палок, входящих одна в другую (наподобие фотоштатива). Зонтик в футляре выглядел как обычная бамбуковая палка. В случае необходимости вынимался из деревянного футляра, который можно было положить в карман, и превращался в обычный зонт. Зонты этого типа встречались редко и были очень дорогими.

Дамские зонты от мужских отличались меньшими размерами (диаметром) и значительно более высокими ручками. Были также зонтики, напоминающие трости с фигурными набалдашниками из кости, камня и даже серебра, представляющими цветки, головы животных и т. д. Помимо круглых и овальных распространены были металлические ручки в виде вопросительного знака. Материи дамских зонтиков были различных, преимущественно темных тонов, а не исключительно черные, как мужские. Иногда они имели кайму другого цвета. Часто к ручкам приделывались петли из шелкового шнура или тесьмы, и тогда зонт в закрытом виде можно было вешать на руку.

Особенно большим разнообразием отличались летние (противосолнечные) зонты. Их делали из белого и разноцветного шелка, из кружев и из вышивки ришелье. По краям летние зонты отделывались кружевами или оборочками. Ручки белых и кружевных зонтиков иногда делались целиком из слоновой кости. Петли с кистями имелись и на летних зонтиках, иногда же к ним прикреплялись и банты из лент.

На дачах и курортах можно было увидеть также японские или китайские зонтики из разрисованного шелка или бумаги, с бамбуковым каркасом и с бамбуковыми же ручками.

III. Одежда рабочих и мастеров

Рабочий костюм

Производственный костюм, в современном понимании этого слова, в первую очередь связан с требованиями охраны труда, которая капиталистов не интересовала, так как на место выбывшего из-за производственной травмы рабочего всегда находились десятки новых, а платить гроши за увечья было дешевле, чем организовать охрану труда. Поэтому специальной одежды рабочий не имел. Дореволюционный завод или фабрика являли картину пеструю: рабочие одеты были по принципу «кто во что горазд». Это разнообразие определялось в какой-то мере производственными условиями данной отрасли промышленности, а также квалификацией и в конечном итоге мерой материального положения рабочего.

Лучше других одевались старые кадровые рабочие металлообрабатывающей промышленности (особенно в Петербурге и в Москве) и типографские работники. Хуже всех были одеты шахтеры и строительные рабочие, среди которых было много сезонников, приходивших из деревни на заработки в город и сохранявших свой крестьянский костюм, включая лапти и чуни (плетенные из веревок лапти).

Только рабочие пищевой промышленности (хлебопеки, кондитеры) одевались более или менее единообразно — в белые полотняные куртки, такие же штаны и колпаки.

Старые кадровые металлисты иногда работали за станком в полосатой, цветной или темной рубашке с отложным воротничком и при галстуке. Носили они и темные косоворотки; брюки заправляли в сапоги или надевали навыпуск с ботинками. Поверх рубашки обычно носили темный жилет. В пиджаке работали редко; его снимали, приходя на работу. Характерной чертой рабочих (всех без исключения специальностей) в то время была манера носить на работе головной убор. Это могла быть кепка-восьмиклинка, картуз, фуражка-капитанка, черная или темно-синяя, с черной муаровой лентой вокруг околыша, с лакированным козырьком и таким же ремешком. Иногда ремешок заменялся затейливо сплетенным шнурком. Некоторые старые рабочие носили даже черные или темные фетровые шляпы, а также кожаные кепки (часто с ушами, застегнутыми поверх кепки на две кнопки), реже — кожаные фуражки, получившие распространение лишь в период гражданской войны. Зимой носили теплые шапки из черной мерлушки или «под котик». Наиболее распространенные фасоны: «гоголь» (род папахи, ее носили с проломом, как шляпу, или вогнув донышко внутрь), «бадейки» (маленькие круглые шапки с плоским дном). В Петербурге имели широкое распростространение «финки», спереди напоминающие ушанку, с отгибающимся затылком. Финки делались из черной кожи, внутри был мех; наверху красовался помпон из меха. Шапок-ушанок кадровые рабочие не носили: ушанка до революции считалась крестьянским головным убором, а квалифицированные рабочие одевались по-городскому.

Распространены также были шапки, напоминающие современные «москвички» — их также делали из черной смушки или каракуля. Поверх рубашки и жилета надевался передник с нагрудником из кожи (в горячих цехах), клеенки или парусины. Носили металлисты также черные или темные блузы, напоминающие несколько блузу Льва Толстого, длинную, со сборкой на плечах и на спине. Блузу обычно шили из чертовой кожи — плотной хлопчатобумажной ткани с выделкой в рубчик. Из нее же шили и брюки (специально для работы), но чаще донашивали брюки от отслужившего свой век костюма.

При работе на открытом воздухе металлисты надевали короткую куртку с отложным воротником, двубортную, из тонкого сукна или бобрика. Носили также и тужурки с боковой скрытой застежкой и со стоячим, как у кителя, воротником.

Рабочий костюм металлистов дополнял зимой и осенью вязаный шарф серого или коричневого цвета. Кожаные куртки (их тогда называли шведскими) встречались довольно редко. Носили их преимущественно мастера и рабочие-машинисты, обслуживающие паровые машины и электромоторы.

Во время первой мировой войны, когда много кадровых рабочих молодого и среднего возраста были призваны в армию, на металлургических заводах появились рабочие, пришедшие из деревни и одетые, соответственно, по-деревенски: ситцевые рубахи, косоворотки, картузы, хлопчатобумажные штаны, заправленные в высокие сапоги.

Появились также на заводах, особенно на тех, что выпускали снаряды и патроны, женщины. Они работали в своей повседневной одежде — юбках, кофтах, головных платках, передниках.

Производственный костюм рабочих деревообделочных заводов (токари по дереву, столяры, плотники) не отличался от костюма ремесленников. Рабочие носили ситцевые или холщовые рубашки, холщовые же передники с нагрудником, брюки, заправленные в сапоги. Вместо головного убора завязывали вокруг головы тонкий ремешок, чтобы волосы не падали на глаза. В отличие от металлистов, большинство которых отпускали усы и брили бороды, деревообделочники по виду больше напоминали крестьян, носили бороды и даже волосы зачастую стригли в скобку.

Еще более деревенский вид был у строительных рабочих, в основном сезонников. По сути дела, они одевались как крестьяне — в старые, заношенные, латаные и просто рваные вещи, зачастую в лаптях или чунях. Особенно рваной у строителей была спина. Механизации строительных работ тогда не было, весь строительный материал поднимался на этажи строек на человеческих спинах. На спину вешали специальную подушку, набитую тряпьем. Подушка крепилась лямками вокруг плеча (как рюкзак). Кирпичи носили на специальной стойке из реек, называемой «козой». «Коза» зацеплялась деревянным угольником за плечи. Холщовый фартук с нагрудником, обычно рваный и грязный (хотя Валерий Брюсов и писал: «...каменщик, каменщик, в фартуке белом»), холщовые или из бараньей кожи рабочие рукавицы дополняли производственный костюм тогдашнего строителя, возводившего роскошные здания банков, магазинов и особняков при помощи «козы» и тачки, составлявших всю «механизацию» того времени.

Строительные и дорожные рабочие разбивали щебенку вручную: садились на землю, обматывали тряпками ноги до колена и, зажав в них булыжник, разбивали его молотком.

Еще хуже, чем строители, были одеты на работе шахтеры. Начать с того, что никаких охранных касок и респираторов тогда не было. Головным убором служил старый рваный картуз или круглая шапка из солдатского сукна, напоминающая арестантскую. Шахтеры носили длинную, до колен, рубаху из холста или мешковины и брюки навыпуск из того же материала. Иногда вместо рубахи была куртка арестантского кроя с косой скрытой застежкой и стоячим воротником. Вид дореволюционного шахтера увековечил художник Н. А. Касаткин в целой серии картин. Саночники — шахтеры, которые вытаскивали уголь из забоя при помощи специальных санок,— носили широкий кожаный пояс с укрепленной на нем цепью. Саночник становился на четвереньки, цепь проходила у него между ног и зацеплялась за санки; так, на четвереньках, он и тащил груженные углем санки из забоя к подъемнику. Обувью шахтерам служили лапти, чуни или опорки. Из-за духоты в шахтах шахтеры часто работали полуголыми, сняв рубаху. Шахтерские лампочки заправлялись маслом или керосином и имели открытый огонь, что приводило к частым взрывам шахтного газа.

Единственным орудием труда шахтеров было кайло, или обушок,— ручной отбойный молоток на длинной ручке, несколько напоминающий своим видом кирку. Дополняла экипировку шахтера торба — сумка из холста или клеенки, надетая через плечо, в которой шахтер держал свой обед, бутылку с водой, спички, махорку и т. д.

Несколько отличались своим видом от основной массы шахтеров запальщики — те, кто взрывали породу при помощи динамитных патронов. Они часто носили кожаные кепки или фуражки, брезентовые пальто или куртки, а иногда и кожаные куртки. Ходили в сапогах. Снаряжением их являлись кожаные или брезентовые пояса, несколько напоминающие охотничьи, где в специальных гнездах находились динамитные патроны; через плечо надевалась кожаная котомка с бикфордовым шнуром и взрывчаткой. Запальщики спускались в шахту для производства взрывов и не находились в ней в течение всего рабочего дня.

Отличались своим видом от шахтеров— добытчиков угля также крепильщики, устанавливающие крепежные стояки в штреках. Это в основной своей массе были крестьяне-сезонники, пришедшие на заработки из деревни. Они сохраняли и в шахте свой крестьянский костюм: посконные штаны, ситцевые или холщовые рубахи, лапти или чуни с онучами, картузы.

Рабочие текстильной промышленности различались своими костюмами в зависимости от цехов, в которых работали. Рабочие красильных, отделочных и других цехов, где приходилось работать в жаре и в пару, работали в легких хлопчатобумажных штанах и рубашках (без пояса) на голое тело. На ногах носили опорки или обувь на деревянной подошве. Ткачи, работающие в более нормальной температуре и обстановке, одевались чище, в косоворотки или рубашки с отложным воротником; носили жилетки, сапоги или штиблеты. Женщины-ткачихи обычно были одеты в кофты и юбки, головы повязывали платками или косынками. На некоторых фабриках ткачихи были одеты в единообразные халаты из серой хлопчатобумажной плотной ткани.

Рабочие-полиграфисты одевались на работе более по-городскому, чем рабочие других профессий. Они работали без головных уборов, носили наряду с косоворотками рубашки с отложным воротником и даже галстуки. Брюки они носили большей частью навыпуск. Сапоги полиграфисты носили редко, чаще ботинки или штиблеты. Работали они не только в жилетках, но и в пиджаках; часто поверх своей одежды надели длинные блузы из черного или темно-синего сатина или чертовой кожи и нарукавники из тех же материалов.

Описать все виды и разновидности производственного костюма, конечно, не представляется возможным.

Хотелось бы указать еще на некоторые закономерности и наиболее характерные признаки производственного костюма рабочих основных профессий.

Машинисты и кочегары вне зависимости от производства одевались примерно одинаково, так как одинаковой была та обстановка, в которой они работали.

Машинисты, имевшие дело со смазкой двигателей и паром, носили либо кожаные, либо брезентовые куртки, а также кожаные фуражки или кепки, защищающие от машинного масла. Реже они носили кожаные штаны.

Кочегары работали в холщовых или брезентовых штанах, обычно полуголые или в ситцевых рубашках без пояса. На шее каждого из них висел обрывок нитяной или веревочной сетки, о которую вытирали лицо и руки. Кочегары работали или в старой войлочной шляпе без ленты, либо в суконной шапке арестантского покроя, но чаще всего вообще без головного убора. Волосы они подвязывали ремешком. На ногах кочегара были ботинки из грубой кожи на деревянной подошве. На руках березентовые или кожаные рукавицы.

Выходной костюм рабочих

Выходной костюм рабочих также отличался разнообразием. Кадровые рабочие высокой квалификации, особенно работающие в Петербурге и Москве, одевались по-городскому. Носили темные шляпы и котелки наряду с картузами (кепка считалась каждодневным головным убором). Летом носили соломенные шляпы-канотье, панамы и белые картузы. Зимой надевали каракулевые или мерлушковые шапки фасона «гоголь», «бадейки» или напоминающие современные «москвички». Меховые шапки носили как с шубами, обычно с каракулевыми воротниками, так и с демисезонными пальто. Шубы и пальто были двубортные, на четыре или пять пуговиц по борту, черные или темно-синие (реже), без накладных карманов, хлястиков и поясов. Пальто часто имели бархатный воротник. Сзади у пальто и шуб делали разрез. Рукава пальто и шуб накладных обшлагов не имели, лишь иногда был фальшивый обшлаг в виде отстрочки по высоте манжета. Пуговицы на рукавах или отсутствовали, или были нашиты по две-три маленьких пуговички. Пальто и шубы шили длинные. Летних пальто рабочие не носили.

Выходными костюмами были двубортные тройки. Жилеты могли быть двубортными или однобортными, с отворотами и без них, черные или темно-синие (кубовые), однотонные, из шевиота или бостона.

Брюки носили навыпуск с черными ботинками или штиблетами (полуботинки не носили), реже — высокие сапоги из черного хрома или с «гамбургскими передами» (лакированное голенище, головки из матовой кожи). На обувь часто надевали галоши, даже тогда, когда погода этого не требовала.

При костюме часто носили крахмальный воротничок — отложной или стоячий и галстук (регату). Воротник был пристегнут к манишке (крахмальные рубашки и манжеты носили очень редко). Манишки и воротники были белые и цветные — в полоску или клетку. Часто носили

131. Типографский рабочий с семьей
132. Рабочие. Петербург
133. Семья водопроводчика. Петербург
134. Изобретатель несгораемых строительных материалов Ф. Г. Бабаев. Кронштадт
135. Кузнецы. Петербург
136 Две семьи рабочих канатной фабрики в снимаемом ими углу. Петроград
137. В кузнечной мастерской
138. В кустарной мастерской по производству ножниц
139. В кустарной мастерской по производству ножей. Павлово, Горбатовский уезд
140. В мастерской елочных украшений. Петербург. 1913 г.
141. Рабочие формовочного и литейного отделений железнодорожного депо. 1910—1914 гг.
142. В столярной мастерской фабрики гимнастических принадлежностей. Петербург. 1909 г.
143. В винном складе торгового дома «Бр. Шталь». Петербург. 1914 г.
144. В мастерской духовых инструментов фирмы «Юлий Генрих Циммерман». Петербург
145. На Кивдинских угольных копях. 1910—1914 гг.
146. На разборке старого фундамента
147. Каменщики. Петербург

131

132
133

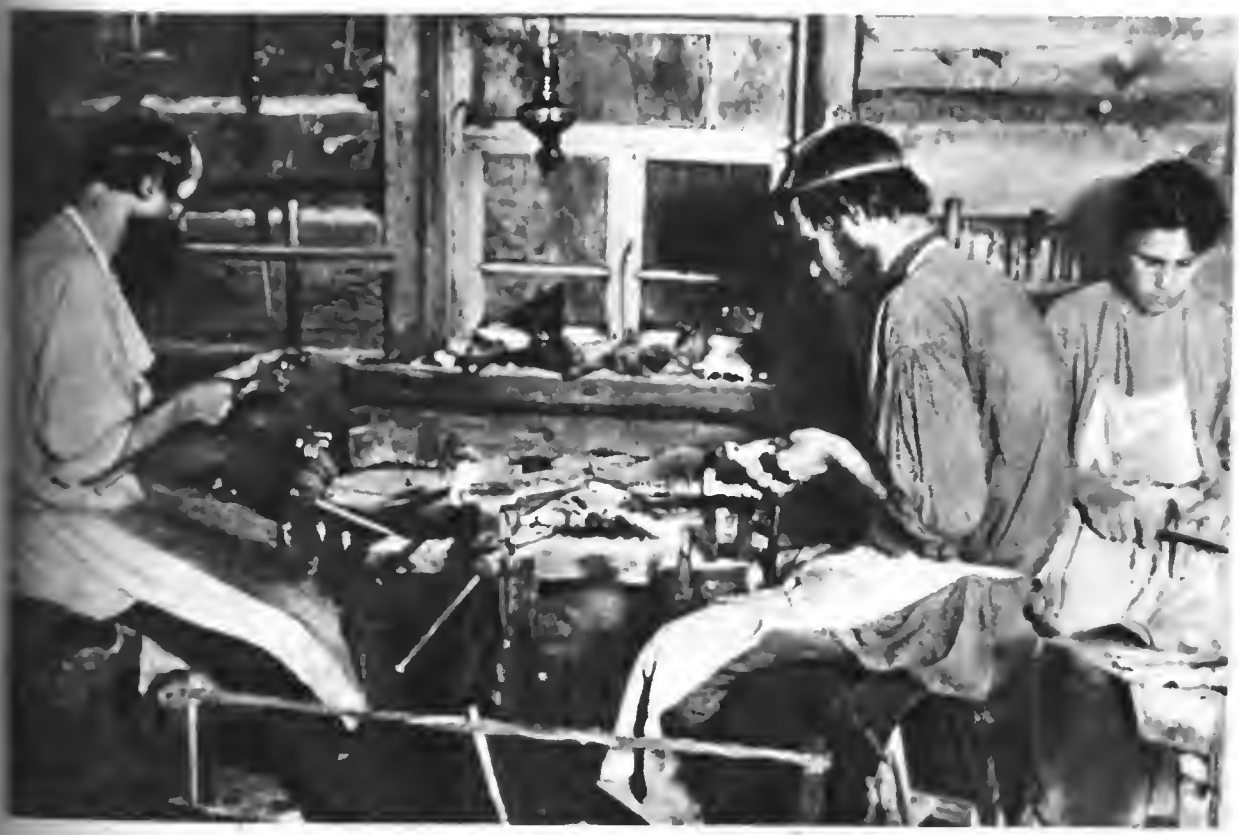
134

135

136

137

138



139

140

141

142

143

144

145
146

147

белый воротник при цветной манишке. Цветные воротники с белой манишкой не надевали. Манишку рабочие называли гаврилкой. Кроме манишки и воротничка носили также зефировые полосатые рубашки с отложным воротником. К ним надевалась та же регата либо шнурочек с двумя бархатными помпонами на концах, который завязывался бантиком.

Распространены были также косоворотки, сшитые из сатина или шелка. Часто по борту, рукавам и подолу рубашки были вышиты затейливые узоры в два-три цвета. Косоворотки носили либо белые, либо «нежных» расцветок (голубые, светло-желтые, розовые). Рубашки и косоворотки надевались как в брюки, так и поверх них. Они подпоясывались шелковым шнурком с двумя кистями на концах или широким эластичным поясом (из специальной резиновой тесьмы, обычно полосатой) с металлическими либо кожаными на пряжках застежками. На поясе с левой стороны был пришит кожаный кармашек для часов и кольцо для укрепления часовой цепочки. Широкий пояс надевали тогда, когда рубашку заправляли в брюки.

Перчатки носили только зимой, преимущественно вязаные, или варежки.

Рабочие «строили», как тогда говорили, выходную одежду очень редко. Иногда в том же самом костюме рабочий венчался, а в старости в этом же костюме его хоронили. Надевали выходную одежду тоже редко: на большие праздники и на семейные или фабричные торжества. Поэтому большинство рабочих были одеты старомодно и накануне 1917 года зачастую ходили в костюмах и пальто, сшитых еще в конце XIX—XX века.

Рабочие провинциальных фабрик и заводов, а также недавно приехавшие на работу в Москву и Петербург летом носили жилетку без пиджака, брюки заправляли в сапоги, являющиеся предметом особого щегольства. Сапоги были хромовые, с многочисленными гармошками (складками) либо с «гамбургскими передами». Еще носили так называемые крюки (сапоги с цельными, а не пришитыми головками). На сапоги в зависимости от погоды надевали галоши. Часто брюки и пиджак были разного цвета и фактуры. Носили также черные плисовые шаровары.

Верхней одеждой служили полупальто типа ульстера, двубортные, из темного сукна, с застежкой на четыре-пять пуговиц по борту.

Пальто городского типа рабочие этих категорий носили редко. Кроме полупальто были распространены также суконные черные или темно-синие поддевки, как длинные ниже колена, так и короткие. Каждодневным головным убором зимой служили ушанки, которые шили из различных дешевых мехов. Часто помимо мехового козырька, загнутого кверху, на ней имелся еще кожаный или металлический козырек, как на картузе.

Зимней одеждой служили также полупальто на вате или овчине, как с меховым воротником, так и без него. Носили и разного рода полушубки, в том числе романовские полушубки черного цвета. Мех внутри такого полушубка обычно был коричневый, с низким ворсом, дубленая сторона полушубка украшалась тиснением, а иногда вышивкой зеленого или темно-красного цвета. Романовские полушубки имели стоячий вороничок из меха, мехом же были оторочены борта, подол и прорезные карманы. Спинки полушубков были как прямые, так и со сборами, напоминающие поддевку. Носили также полушубки кирпичного цвета из шкур обычных овец. Полушубки иногда подпоясывались матерчатыми цветными кушаками. Зимой помимо сапог носили также валенки-чесанки белого, серого или черного цвета. Носили также вятские валенки — это были белые или светло-серые валенки, украшенные по голенищу красным орнаментом, частично нанесенным набойкой, а частично вышитым красными шерстяными нитками. Все типы валенок носили с галошами. Вместо перчаток — вязаные разноцветные варежки из грубой шерсти.

Вообще весь облик этих рабочих был скорее крестьянским, чем городским. От городского костюма были отдельные, те или иные детали.

Одежда мастеров

Мастера казенных заводов, железнодорожных мастерских, рудников чаще всего ходили в штатском, но вид их значительно отличался от рабочих. На голове они носили котелки, шляпы или черные (синие) фуражки-«капитанки» с лаковым черным козырьком и плетеным шнурком вместо ремешка.

Среди мастеров были распространены кожаные куртки — однобортные, типа кителя, или двубортные, типа тужурок. Носили мастера и тужурки с неформенными пуговицами, темные двубортные пиджаки (часто полосатые) с крахмальным воротничком. Воротники и манжеты также бывали полосатыми. К ним носили галстук-самовяз, а чаще регату. На работе мастера носили также брезентовые пальто и пыльники с пристяжным капюшоном.

Вне работы мастера обычно одевались по образцу мелкой буржуазии, подчеркивая костюмом свое отличие от рабочих.

IV. Костюмы интеллигенции

Дореволюционная интеллигенция в основном носила те же костюмы, что и буржуазия, с той лишь разницей, что в зависимости от материального положения костюмы эти не всегда шились на заказ, а покупались готовыми, были из более дешевых материалов и не столь строго следовали моде.

Профессура, врачи (вольнопрактикующие, как тогда говорили) и адвокатура чаще всего ходили в сюртуках из черного крепа с шелковыми отворотами и с басонными пуговицами. Носили жилеты и брюки из того же материала, к сюртуку надевали полосатые визиточные брюки и «штучные» жилеты с отворотами, а летом белые пикейные жилеты (они увековечены И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом теленке»). Сюртуки носили обязательно с крахмальными рубашками. Воротнички могли быть стоячими, стояче-отложными и фасона «альберт». Галстуки носили либо черные однотонные, либо спокойных расцветок в мелкий рисунок. Фасоны галстуков тоже могли быть разные: самовязы, бантики или пластроны. Обязательны были также крахмальные манжеты, круглые или овальные.

При сюртуке носили черные ботинки на шнуровке и на пуговицах или штиблеты. Полуботинки (туфли) и цветную обувь при сюртуке носить не полагалось.

Одежда адвокатов

Адвокаты в России не имели специального форменного костюма для выступления в судах, как это принято почти во всех европейских странах, и выступали на суде либо в сюртуках, либо во фраках (при черном галстуке и черном же жилете). В петлице правого лацкана обязательно был вдет университетский значок, представляющий собой белый эмалевый ромб, внутри которого был синий крест, тоже покрытый эмалью, и золотой двуглавый орел. Постоянным атрибутом адвоката был большой черный портфель, часто с вытесненной на нем золотом фамилией адвоката или его инициалами. Портфель не имел ручки, как и все портфели того времени. Иногда бывал раскладным, как бювар, и имел множество отделений внутри.

Адвокаты, находящиеся на государственной службе, официально именовались «присяжными поверенными», адвокаты, имеющие частные конторы, были «частными поверенными».

Вне суда адвокаты одевались так же, как большинство интеллигенции, а некоторые даже подчеркивали свою принадлежность к кругу лиц свободных профессий — носили длинные волосы, галстуки, завязанные пышным бантом, бархатные пиджаки и т. д.

Юрисконсульты крупных фирм и банков часто носили серые костюмы, коричневые ботинки, что в то время не было распространено в России среди интеллигенции.

Одежда инженеров

В дореволюционной России целый ряд существующих теперь специальностей отсутствовал. Это объясняется тем, что, с одной стороны, в России не было соответствующих отраслей промышленности, с другой — уровень тогдашней науки и техники (не только в России, но и в других, более развитых странах) был низок и не требовал выделения в самостоятельные отрасли многих, сегодня основных, инженерных специальностей. Достаточно сказать, что тогда не было авиаинженеров, автоинженеров, радиоинженеров, всей плеяды инженеров легкой и пищевой промышленности. Даже химики готовились в основном на химических факультетах университетов (если не считать химического факультета в технологических институтах). Но те институты, которые существовали, давали своим воспитанникам такой богатый научно-технический багаж, что русские инженеры заслуженно считались одними из лучших в мире. Русские инженеры не были узкими специалистами, а всесторонне знали свою отрасль техники, зачастую захватывая и соседнюю. Это и позволило в годы советской власти построить широкую специализированную сеть высших технических учебных заведений, не прибегая к иностранной помощи, и вывести советскую науку и технику в первые ряды почти во всех отраслях знания, построить мощную промышленность, грандиозные электростанции, овладеть атомной энергией, завоевать космос. У истоков этих достижений стояли такие выдающиеся ученые, как А. Н. Крылов, В. И. Вернадский, И. П. Бардин, Н. Е. Жуковский, И. М. Губкин, Г. О. Графтио, В. Н. Образцов, А. Ф. Иоффе, А. П. Туполев, и многие другие.

Однако лишь в советских условиях русские инженеры смогли в полную мощь развернуть свои способности и знания. В дореволюционное время инженерам зачастую приходилось довольствоваться ролью чиновников с высшим образованием, служить на немногочисленных государственных (казенных, как тогда говорили) заводах и железных дорогах. Многие железные дороги были частными и принадлежали акционерным обществам, в том числе и иностранным. Служили инженеры и в частных фирмах, многие из которых принадлежали также иностранцам. Научно-исследовательских институтов до 1917 года не существовало. Вся научная инженерная работа велась только в научно-технических обществах, в учебных заведениях и на заводах. Некоторые инженеры сами становились предпринимателями. Брали подряды, открывали технические конторы и небольшие полукустарные предприятия.

Инженеры, преподававшие в высших технических учебных заведениях, служившие на казенных заводах и железных дорогах, носили специальную форму, которая отличалась только цветом петлиц, кантов, материалом, чеканом и цветом пуговиц, а также шитьем парадных мундиров. Головной убор инженеров — фуражка с суконной тульей, бархатным околышем и черным козырьком. На околыше — значок-эмблема той или иной инженерной специальности, на тулье — чиновничья кокарда. Летом на фуражку надевался белый чехол. При парадном мундире инженеры носили черную велюровую двууголку с шитьем, в зависимости от чина.

Шинель у инженеров была черная, касторовая, того же покроя, что и у чиновников,— зимой на теплой подкладке, с черным каракулевым воротником. В зависимости от специальности, а также от ведомства различными на шинелях были петлицы и канты, а на петлицах — вышитые звездочки и полоски, указывающие звание. Металлическая или вышитая эмблема была та же, что и на фуражке, но меньше размером.

Инженеры, имеющие чин штатского генерала, то есть начиная от статского советника, имели на шинелях отвороты из приборного сукна, подобранного по цвету кантов, и цветные канты по борту, обшлагам, клапанам карманов и хлястику шинели.

Другим видом верхней одежды летом была накидка из черного сукна с прорезями для рук и с пристяжным капюшоном. На отложном воротнике накидки иногда носили петлицы, такие же, как на шинели. Пуговицы заменялись металлической застежкой — две большие пуговицы, соединенные цепочкой.

Зимой инженеры этого класса могли ходить в «николаевской» шинели с меховым воротником и с пелериной, но носили ее редко, преимущественно при парадном мундире.

Каждодневной одеждой инженеров служил однобортный китель из темно-синего или черного сукна со стоячим воротником, с верхними накладными карманами, с клапанами и форменными пуговицами. Петлицы и канты на кителе носили редко. Летний китель был белым из ластика или рогожки, иногда синим и зеленоватым из хлопчатобумажной ткани.

Инженеры путей сообщения, работающие на заводах, носили двубортные тужурки с петлицами и форменными пуговицами, с кантом по воротнику, борту и обшлагам, брюки и сапоги; под тужурку надевали белую или темную косоворотку, которую подпоясывали шнуровым поясом с кистями или узким затяжным ремнем. Вместо тужурки иногда носили и черные кожаные двубортные куртки с фирменными пуговицами. Встречались куртки с бархатными воротниками, но без петлиц. Изредка на уголках бархатного воротника были эмблемы, такие же, как на петлицах шинели.

Выходной формой одежды был суконный сюртук черного, синего или темно-зеленого цвета во все времена года, и белый, из ластика,— летом.

На сюртуке носили обязательно петлицы и форменные пуговицы: спереди и сзади большие, на рукавах — маленькие. На сюртуке были канты по борту, обшлагам и задним клапанам (листочкам). Белые сюртуки кантов не имели. К сюртуку носили жилеты в цвет с ним, с форменными маленькими пуговицами и крахмальную рубашку со стоячим или стояче-отложным воротником, черный галстук — самовяз или бантик (при нашейном ордене носили только бантик).

В торжественных случаях к сюртуку надевалась шпага чиновничьего образца, с темляком. Ее продевали в специальный прорез с левой стороны сюртука. Внутри прореза был укреплен карманчик, за который шпага зацеплялась специальным крючком, приделанным к верху ножен. Из карманчика был виден только эфес (рукоятка шпаги), а низ ножен торчал из-под сюртука.

Полупарадной формой одежды служил вицмундир — фрак с бархатным воротником и с форменными пуговицами. Петлиц и эмблем на

148. Группа прокуроров — сотрудников прокурорского надзора Петербургского окружного суда. Петербург. 1912 г.
149. Адвокат Петербургской окружной палаты
150. Инженер путей сообщения, начальник службы движения Северо-западной ж. д. Петербург. 1913 г.
151. Присяжный поверенный. Петербург. 1913 г.

148

149

150

151

вицмундире не было. Вицмундир тоже имел прорез для шпаги. При нем носили, как правило, только бантик.

И, наконец, был еще парадный мундир с отрезной талией, однобортный, со стоячим воротником, расшитый по бархату серебром или золотом, в зависимости от того, какие пуговицы были (золотые или серебряные), и с такими же, как воротник, обшлагами. Парадный мундир имел канты по воротнику, обшлагам, задним клапанам и прорез для шпаги.

Брюки при всех формах одежды носили темные (черные, синие, темно-зеленые), с кантом и без канта. При парадном мундире инженеры, имеющие чин от статского советника и выше, носили белые суконные брюки с золотым или серебряным лампасом.

Обувью при всех формах одежды были черные штиблеты (при парадном мундире — лакированные) или черные ботинки на шнуровке. При тужурке, кителе, шинели носили высокие сапоги.

У инженеров, служивших в частных фирмах или имеющих собственные предприятия, формы не было, они носили только форменные фуражки с эмблемой и кокардой *. Если эта категория инженеров имела чины, то в особых случаях они могли надевать форму, присвоенную инженерам их специальности.

Горные инженеры, инженеры-технологи, инженеры-электрики раньше назывались так же, как теперь, но некоторые другие инженерные специальности раньше имели иное наименование, например: гражданские инженеры (теперь инженеры-строители), инженеры путей сообщения (теперь инженеры железнодорожного транспорта) и т. д.

Горные инженеры носили фуражку с темно-синим бархатным околышем, синей диагоналевой тульей и светло-синими кантами. Эмблемой являлись два скрещенных золотых молотка. Такая же эмблема была на золотых пуговицах. Их петлицы были из темно-синего бархата с синим кантом. Просветы (полоски) на петлицах, эмблемы и звездочки были золотыми.

Все типы одежды горных инженеров были темно-синего цвета, из сукна или кастора, только брюки были диагоналевые (как тульи фуражек) и из-за фактуры казались светлее. Шитье на парадных мундирах было золотое.

У инженеров-технологов фуражки были с черным бархатным околышем, зеленовато-синей тульей, синими кантами. Их эмблема — золотые скрещенные молот и французский ключ **. Пуговицы у инженеров-технологов были золотые, также с молотом и французским ключом. Цвет их одежды был черный, канты всюду синие, а шитье золотое.

Инженеры путей сообщения носили фуражки темно-зеленые с бархатным околышем, зеленой тульей, салатно-зелеными кантами. Их эмблема — серебряные скрещенные топор и якорь («лапами» вверх). На серебряных пуговицах была та же эмблема. Цвет одежды их был черный, с темно-зеленым отливом, шитье серебряное; петлицы бархатные, темно-зеленые, со светло-зелеными кантами; просветы, звездочки, эмблемы — серебряные.

У гражданских инженеров была фуражка с черным бархатным околышем, тулья такого же цвета, как и у инженеров-технологов, канты красные. Их эмблема — скрещенные золотые лопата и топор; та же эмблема на золотых пуговицах.

* Инженерные фуражки существовали еще долго после Октябрьской революции (примерно до начала 30-х годов), но носили их без кокарды.

** Эта эмблема сохранилась по сей день у железнодорожников и у учеников ремесленных училищ.

V. Одежда работников транспорта

Форма служащих железных дорог

Городские железные дороги находились в ведении городских дум, поэтому работники их носили единообразную форму, которая различалась только цветом кантов, погон и околышей. У вагоновожатых и кондукторов трамвая — малиново-красные, а цвет обмундирования — черный. Пуговицы у них были серебряные, с гербом города (в Москве — щит с изображением Георгия Победоносца, в Петербурге — щит с царским скипетром на фоне двух скрещивающихся якорей, морского и речного; якоря были поставлены «лапами» кверху). Та же эмблема была на головном уборе, каковым служила фуражка с красным или синим околышем, таким же кантом на черной тулье и черным лакированным козырьком. Эмблема помещалась на околыше; летом на фуражку надевали коломянковый чехол. Зимним головным убором вагоновожатых и кондукторов была круглая черная барашковая шапка с черным донцем, с кантами по окружности и крест-накрест; на шапке также носили эмблему.

Форма работников железнодорожного транспорта состояла из черной суконной гимнастерки, косоворотки (с застежкой на левую сторону) солдатского образца. Летом они носили синие хлопчатобумажные гимнастерки и белые коломянковые. Гимнастерку подпоясывали черным ремнем с серебряной пряжкой и с буквами «ГЖД» (городская железная дорога).

Брюки носили черные суконные, типа шаровар, с цветным кантом. Брюки заправляли в юфтовые сапоги. Вагоновожатые в целях электроизоляции надевали на сапоги галоши.

Верхней одеждой работников трамвая служила двубортная тужурка (типа морского бушлата) с цветными петлицами и пуговицами. На петлицах имелись металлические накладные буквы «ГЖД». На воротнике, бортах и обшлагах тужурки были канты. На тужурке, так же как и на гимнастерках, носили погоны из витого цветного шнура такого же типа, как у городовых, с той лишь разницей, что у служащих городского транспорта не было контрпогон (или, как их называли, «карточки») у плечевого шва.

Помимо бушлата в комплект формы входила шинель черного сукна, двубортная и тоже с кантами по вороту, борту, обшлагам, карманам и хлястику. Шинель имела петлицы синие или красные и шнуровые погоны. Зимой пристегивался черный барашковый воротник.

Кондуктора носили на ремне через плечо большую сумку-кошелек из толстой черной кожи. У петербургских кондукторов на ремне сумок имелись специальные металлические подвески с рулонами билетов. У московских вместо рулонов кондуктор держал в руках деревянную дощечку с прикрепленными к ней стопками билетов. На ремне сумки висела также бляха — личный номер кондуктора и свисток на цепочке. Вагоновожатые носили номер с левой стороны груди.

В 1916—1917 годах в трамваях и конках появились впервые женщины-кондуктора, вызывавшие поначалу всеобщее удивление и любопытство. Они носили то же обмундирование, что и мужчины, но вместо фуражки у них были суконные береты со значком.

Характерная деталь костюма кондукторов — перчатки с отрезанными пальцами, чтобы удобнее было отсчитывать деньги.

Автоматических стрелок на путях тогда не было и на скрещении рельс сидели стрелочники, переводившие стрелки при помощи ломика. Сидели они на раскладных стульчиках под громадными брезентовыми зонтами в ненастье и у жаровень с углями зимой. Стрелочники носили ту же форму, что и кондуктора и вагоновожатые, поверх надевали либо брезентовые пальто с капюшоном, либо черные клеенчатые накидки также с капюшоном. В сильные морозы они надевали черные тулупы до пят и валенки.

Билетные контролеры (их тогда называли «ревизорами») носили ту же форму, что и кондуктора, но на тулье фуражки носили кокарду (если имели чин). На шинели носили петлицы с цветным кантом, с просветами и звездочками согласно чину. При проверке билетов пробивали их специальными щипцами того же типа, которыми пользуются и по сей день на железнодорожном транспорте.

Шоферы и их костюмы

Шоферы легковых автомобилей, принадлежавших частным лицам, не имели строго регламентированную форму одежды, но все же внешний их облик был достаточно единообразен.

Головным убором шоферов являлась фуражка типа английской морской, темно-синего или черного цвета, с черным лаковым козырьком и таким же ремешком. Иногда околыш был из бархата или обтянут черной репсовой лентой. Летом на фуражку надевался белый чехол. Часто на фуражку надевали специальные автомобильные очки. Автомобильные очки представляли собой маску из желтой, красной или коричневой кожи, в которую вставлялись стекла из двух половинок под углом. Такая маска при помощи резинки держалась на околыше фуражки и при необходимости опускалась на глаза. Шоферы, служившие у титулованных лиц (графов, князей), носили на тулье фуражки значок в виде графской или княжеской короны; короны отличались друг от друга количеством зубцов, в зависимости от степени титула: чем выше титул, тем больше зубцов.

Форменным костюмом шоферов был двубортный пиджак черного или темно-синего цвета, застегнутый на четыре пуговицы — золотые или серебряные, с изображением короны или герба владельца. Под пиджак надевалась белая рубашка с крахмальным воротником и черный галстук-бантик. Иногда воротник пиджака отделывался бархатом, иногда окантовывался серебряным или золотым галуном. В таком случае обшлага рукавов также были бархатные. Брюки шили из того же материала, что и пиджак, носили их навыпуск. Бриджи надевали с крагами или высокими ботинками на шнуровке.

Некоторые шоферы носили костюмы типа морского кителя со стоячим или отложным воротником, либо типа охотничьей тужурки с нашитым поясом и четырьмя карманами. Эти тужурки были зеленые, темно-серые или коричневые в мелкую клетку. К ним также носили брюки-бриджи с ботинками и крагами. При этом головным убором служила кепка с большим козырьком, подшитым целлулоидом, и с застегнутыми наверху на две кнопки «ушами». Кепке обязательно сопутствовали автомобильные очки. Кстати, подобные кепки и костюмы надевали и сами владельцы автомобилей, садясь за руль. Следует также добавить, что в начале XX века кепка, тужурка, бриджи, краги были костюмом автомобилиста-спортсмена, так как автомобиль ведь не служил тогда еще средством передвижения.

Женщины — пассажирки первых автомобилей имели если не специальный костюм, то, во всяком случае, специальные шляпы, поверх которых надевался шарф или вуаль, а также неизменные очки. Это объясняется тем, что первые автомобили были главным образом открытые и не имели ветровых стекол.

Верхней одеждой шоферов легковых автомобилей служила либо двубортная синяя или черная шинель с металлическими пуговицами, либо широкое «автомобильное» (так оно и называлось) пальто, произвольного цвета, чаще в клетку.

Зимним костюмом шоферов была та же шинель (или пальто), но утепленная и с меховым воротником (енот, волк, кенгуру). Часто встречались и шубы мехом наружу, главным образом из вольчего меха. Носили шоферы и доху — длинную, до пят, шубу из меха жеребенка, теленка или собаки. Применение этой тяжелой, но теплой одежды станет понятным, если мы вспомним, что шофер в ожидании своих пассажиров вынужден был часами сидеть в открытой или полуоткрытой машине, не имеющей отопления.

Шоферы грузовых автомобилей обычно носили кожаную фуражку и кожаную куртку. В ненастье надевали брезентовый плащ, а зимой ездили в тулупах. Автомобильные очки и перчатки с крагами дополняли их костюм.

В Петербурге шоферы такси были одеты в белые ливреи с металлическими пуговицами и черным воротником, носили фуражки-«капитанки» с черным околышем и с белой тульей. Эта контрастность расцветки соответствовала окраске «таксомотора», тоже бело-черного. Шоферы фирменных автофургонов (гостиничные, газетные, торговые) имели на околыше надписи, указывающие на фирму. Носили они иногда вместо фуражек твердые кепи, напоминающие военные французские головные уборы.

Шоферы придворных автомобилей носили фуражки с галуном на околыше. Галун был желтый шерстяной, с вытканными на нем черными орлами. На тулье прикреплялась чиновничья кокарда (круглая) с черным орлом посередине. Шинель-ливрея темно-синего цвета была отделана тем же галуном (воротник, клапаны карманов, обшлага). Перчатки белые замшевые.

Шоферы пожарных автомобилей носили форму пожарных, но обычно ездили не в каске, а в фуражке.

Шоферы почтовых автомобилей носили фуражки с кантом почтового ведомства и с галуном на околыше. Шинели и петлицы были такими, как у почтовых работников.

Одежда извозчиков

В Петербурге и в Москве извозчики были обязаны носить единообразную одежду — суконные синие поддевки до пят с завышенной талией и множеством складок сзади. Эта одежда называлась «волан».

Волан имел невысокий стоячий воротник или был без воротника с вырезом по шее. Застегивался на левую сторону (до пояса) на ма-

ленькие металлические, круглые или конические, пуговицы. По борту обычно шла черная или темно-синяя бархатная полоса, иногда две — пошире и поуже,— обшлага тоже были обшиты бархатом. Волан перепоясывался матерчатым поясом, свитым жгутом, с висящими концами. Иногда пояс был кожаный, с металлическими бляхами (похожий по фактуре на часть сбруи); реже встречались тканые пояса. Под воланом обычно была надета русская рубаха и жилет. Зимой извозчики побогаче носили волан, обшитый мехом (лиса, заяц). На голове у извозчиков был специальный (он так и назывался — извозчичий) цилиндр. От обычного цилиндра он отличался тем, что был значительно ниже и поля его, менее загнутые вверх, чем обычно, обшивались лентой. Цилиндр был из фетра, реже из велюра, всегда черного цвета. Наружное дно цилиндра часто было обшито черной лаковой кожей (для защиты от дождя). Опоясывала его довольно широкая репсовая черная лента с медной или никелированной пряжкой спереди.

Воланом и цилиндром, собственно, и ограничивалась форма извозчика. Все другие детали костюма могли быть произвольными.

Зимой вместо цилиндра извозчики носили круглую шапку из меха с суконным или бархатным донцем. У извозчиков победнее вместо меховой опушки на шапке был бархат, а донце из сукна. Донце чаще всего имело круглую форму, но иногда бывало и ромбовидным.

В провинциальных городах одежда извозчиков была менее строго регламентирована, чем в столицах. Извозчики ездили и в картузах и в обычных поддевках, а зимой даже в тулупах и армяках. В южных городах летом извозчики ездили в парусиновых или коломянковых поддевках и в таких же картузах или в соломенных шляпах, своим видом напоминающих цилиндр.

Обувались извозчики в высокие сапоги, зимой носили валенки. Ездили в рукавицах, которые затыкали за пояс. Перчатки носили редко.

Волосы, подстриженные «в скобку», и бороды дополняли облик извозчика. Непременным атрибутом был кнут, заткнутый за голенище сапога.

Со времени мировой войны, когда многих извозчиков призвали в армию, на козлах появились подростки и старики.

Извозчики как основной вид транспорта просуществовали в годы революции, гражданской войны, нэпа и совсем исчезли в конце 30-х годов, вытесненные общественными видами транспорта.

Наряду с извозчиками во многих городах дореволюционной России разъезжали лихачи. Это было, скорее, средством развлечения для любителей быстрой, лихой езды, чем транспортом.

Извозчики большей частью арендовали лошадей и пролетки у извозопромышленников. Лихачи же были собственниками своих выездов. В прошлом большинство из них были барскими кучерами и в своем костюме и повадках сохраняли кучерский «шик», всячески стараясь его приумножить.

Цилиндры у лихачей были только велюровые; воланы из тонкого штиглинцовского сукна, с двумя рядами пуговиц, а иногда пуговицами и на спине. Зимние воланы обшивали дорогим мехом (куница, соболь), меховые шапки носили только бобровые. Донышко меховой шапки часто имело ромбовидную форму, как у кучеров, и было из выдры «под котик». Пояса у них были тканые или кожаные с серебряными чеканными бляхами. Лихачи надевали белые перчатки из оленьей замши, зимой такие же рукавицы. Перчатки и рукавицы иногда затыкали за пояс. Сзади на поясе часто висели большие часы (типа карманных) в кожаном футляре, иногда пепельница; все это делалось для удобства седоков.

Летом лихачи надевали бархатные безрукавки. Это был тот же волан, но без ворота и без рукавов. Под безрукавкой — канаусовая русская рубашка с перламутровыми пуговицами, обычно белого, красного или голубого цветов. К безрукавке лихачи часто надевали поярковую круглую ямщицкую шапку с павлиньими перьями, иногда синий или белый суконный картуз с черным лаковым козырьком.

Лихачи, как и извозчики, подстригали волосы «в скобку» и отпускали бороды. Однако волосы у них часто были завиты и напомажены, а бороды не мужицкие — веником, как у извоз-

152. Мотодрезины для распространения газет. Петербург. 1913 г.
153. На пункте раздачи газет
154. Комната для посетителей в Управлении перевозки почты. Возле двери кабинета начальника мальчик-посыльный. Петроград. 1914 г.
155. У входа на биржу
156. Швейцар. Петербург
157. Продавец газет. Петербург
158. В вестибюле гостиницы «Астория». Петербург. 1913 г.
159. В прихожей ресторана «Вена». Петербург. 1913 г.
160. В баре ресторана «Медведь». Петербург 1913 г.
161. В ресторане Балтийского вокзала. Петербург. 1899 г.

152

153

154

155

156
157

159

160

161

чиков, а расчесанные и подстриженные. Некоторые предпочитали иметь одни усы без бород (это было особенно характерно для лихачей нэповского периода, зачастую из бывших офицеров и помещиков. Они даже в воланах редко ездили, а больше в поддевках и суконных фуражках вместо традиционного извозчичьего цилиндра).

Лихачи, ездившие на тройках, назывались троечниками. Они несколько отличались костюмом от обычных лихачей. Сохранив элементы русского ямщицкого костюма, вместо цилиндров носили круглую поярковую шапку, расшитую золотом, с павлиньими перьями, или меховую шапку с ромбовидным бархатным дном. Летом они ездили в безрукавках, главным образом бархатных, обшитых позументом, часто носили красные шелковые рубашки.

Зимой они надевали обшитые мехом воланы или армяки с большим меховым воротником, а иногда романовские шубы. Шубы были похожи по фасону на поддевку, по борту шел тисненый узор, по нему, повторяя тиснение, вышивка, обычно в два цвета.

Тройками пользовались для поездки в загородные рестораны, к цыганам, и ездили на них главным образом зимой большими компаниями. После революции тройки исчезли с улиц городов. Лихачи закончили свое существование уже где-то после нэпа, несколько раньше извозчиков.

Основным элементом одежды ломовых извозчиков в столицах был специальный жилет, который носили не застегивая. Жилет шили из красного, иногда зеленого сукна, был он обшит тесьмой по борту, иногда и по низу, имел нижние карманы с тройчатым клапаном, тоже обшитые тесьмой. Иногда клапан был другого цвета, чем жилет (при красном цвете — зеленый, и наоборот). Спинка жилета из плотного холста на вате была значительно длиннее переда жилета. На плечах были «крылышки» из холста (иногда вместо них — очень короткие рукавчики). Жилет надевался на верхнюю одежду: на рубашку летом, на пиджак из толстого сукна весной и осенью, на полушубок зимой.

Подпоясывался ломовой извозчик (или, как тогда его называли, «ломовик») очень длинным кушаком из кумача, свернутого жгутом, многократно перепоясывающим талию. Кончался кушак железным острым крючком, при помощи которого ломовик, сняв пояс, зацеплял мешок или ящик и, взвалив его на спину, нес, держа в руках другой конец пояса.

В костюм ломовика входил также холщовый передник с нагрудником. Рукавицы ломовики носили из бараньей кожи светло-коричневого цвета.

Головным убором в теплое время года служил суконный картуз, синий или черный, обычно с суконным же козырьком, а в зимнее время шапка-ушанка или финская шапка из черной кожи на меху с загнутыми наружу полями и с меховым (черный баран) помпоном сверху.

Чаще всего ломовые извозчики были средних лет, очень крепкого сложения, так как они выполняли и функции грузчиков. Ломовики работали от хозяина — извозопромышленника, фамилия которого красовалась на дуге. Ломовик, везя груз, редко сидел на полке́ (так называлась ломовая подвода), обычно он шел рядом с лошадью, держа вожжи в руках. Поэтому носили ломовики водонепроницаемую обувь — высокие сапоги из цельной кожи с не прошитыми, а вытянутыми головками. Эти сапоги назывались «крюки», или «вытяжные», так как их вытягивали из намоченной кожи на кожевенных заводах, а заготовка формой напоминала крюк. Зимой ломовики носили валенки, обшитые до голенища резиной.

Этот облик ломовые извозчики сохранили до 30-х годов, работая уже в обобществленном гужевом транспорте.

Одежда кучеров

Одежда кучеров зависела от рода упряжи, делившейся на две разновидности: русская и так называемая шорная. Шорная в свою очередь подразделялась на английскую и американскую *.

Кучера русских выездов одевались так же, как лихачи, с той только разницей, что цвета их воланов были не только синими, но и черными и темно-зелеными. Волан имел пуговицы по обоим бортам, а иногда и на спине по боковым швам. Зимние воланы обычно отделывались лисьим мехом. Шапки имели бархатный четырехугольный верх (наподобие польской конфедератки) и опушку из меха.

Кучера из бывших солдат, имевшие ордена и медали, носили их на волане. Кучера выездов, принадлежавших придворному ведомству или иностранным посольствам, носили воланы, обшитые рельефным галуном по борту, иногда по обшлагам; кроме того, на цилиндре вместо ленты был галун с металлической пряжкой посередине, а с левого бока или по центру так называемый эгрет (кокарда с веерообразным верхом, который слегка выдавался выше цилиндра). Эгрет делали из галуна и лакированной кожи. Иногда на эгрете помещались гербы или монограммы.

* Об этом см. подробнее на с. 80—100.

Пояса кучера носили тканые или кожаные с бляхами из накладного серебра, на пояс сзади вешали часы или пепельницы. Костюм кучера дополняли белые замшевые перчатки.

Кучера английских запряжек (выездов) носили велюровые цилиндры обычной высоты с черной лентой и бантом с левой стороны. Иногда ленту заменял золотой или серебряный галун с пряжкой посередине цилиндра. С левой стороны находился эгрет или кокарда с нашитым галуном или шнурком, доходящим до ленты и оканчивающимся пуговицей в цвет галуна. При светлых сюртуках и ливреях носили соответственно светло-серые или светло-коричневые цилиндры.

Летом кучера носили однобортные и двубортные сюртуки любых расцветок с золотыми или серебряными пуговицами, иногда с бархатным воротником, украшенным галуном. Под сюртук надевали крахмальные стоячие воротнички с прямыми или отогнутыми уголками, галстук-«бабочку» или пластрон, заколотый булавкой в виде подковы; обматывали шею также светлым шарфом. Брюки (так называемые жокейские), в обтяжку, белые или светло-серые, высокие сапоги из черной кожи с коричневыми или желтыми отворотами из кожи, с висящими наружу ременными ушками дополняли костюм кучера. Верхней одеждой служило пальто типа редингота, похожее на ливрею швейцара. Пальто могло иметь воротник, обшлага и клапаны карманов, бархатные или из того же материала, что и само пальто, но другого цвета. Пуговицы были золотые и серебряные, величиной в пятикопеечную монету — плоские, с дворянской, графской или княжеской короной или с фамильным гербом хозяина выезда. Если выезд принадлежал государственному учреждению, пуговицы были золотые выпуклые, с изображением двуглавого орла и с ободком (похожие на пуговицы чиновников, только большего размера).

Кроме редингота кучера также носили ливрейные шинели с одной или двумя пелеринами. Пелерины были обшиты по борту и низу галуном. Зимой на рединготы и шинели пристегивали меховые воротники из скунса или черного каракуля. На рединготы надевали иногда сверху цельную меховую пелерину мехом наружу с отложным воротником. Кучера дворцового ведомства носили шинели с двойной пелериной красного цвета, отделанной желтым шерстяным галуном, с вытканными черными орлами. Кучера посольств и родовитой аристократии также носили ливреи, украшенные галунами и вытканными гербами. При таких ливреях обычным головным убором являлась черная двууголка из фетра или лакированной кожи, обшитая галуном. Иногда двууголки имели отделку из черных или белых страусовых перьев (плюмаж). Носили при ливреях и фуражки с галуном на околыше, с тульей в цвет ливреи.

Кучера английских выездов брили бороды и усы, но часто носили бачки или бакенбарды. Перчатки носили белые замшевые, но осенью и зимой при рединготе или не очень парадной ливрее могли носить также серые, желтые или светло-коричневые.

VI. Одежда общественного и частного обслуживающего персонала

Форма работников «скорой помощи»

Санитары «скорой помощи» носили черную фуражку с красными кантами, а зимой круглую невысокую черную барашковую шапку типа кубанки. Донце шапки было черное с красными кантами. На фуражку и шапку прикреплялась эмблема — круглый значок из белой эмали с красным крестом посередине.

Куртка санитаров имела стоячий, как у кителя, воротник и застегивалась на правую сторону скрытой застежкой (крючками). Куртки этого фасона называли «австрийками» из-за сходства с австрийской солдатской курткой. На них были погоны из витого красно-белого шнурка. Брюки черные с красным кантом санитары носили как в сапоги, так и навыпуск.

Форма кучера кареты «Скорой помощи» состояла из извозчичьего цилиндра и волана.

Врачи чаще всего носили только форменную фуражку с черным бархатным околышем и с красными кантами, на околыше — эмалированный красный крест (без фона), на тулье — чиновничья кокарда. Носили они также зимой круглую каракулевую шапку, черную шинель чиновничьего типа с серебряными пуговицами и с гербом города. На черных бархатных с красным кантом петлицах был укреплен маленький эмалированный красный крест; просветы и звездочки были серебряными. Зимой на шинель пристегивался черный каракулевый воротник.

Санитары и врачи «скорой ветеринарной помощи» носили такую же форму, но с синими кантами и крестами.

Форма пожарных

В столичных городах, губернских и ряде уездных были казенные (государственные) пожарные команды, или, как их тогда называли, пожарные части. В маленьких городках и больших селах существовали добровольные пожарные дружины, которые комплектовались из жителей, прошедших элементарную пожарную подготовку. В окрестностях Москвы и Петербурга были более оснащенные и укомплектованные пожарные части, они даже имели наемный пожарный состав.

В больших городах пожарные части размещались во всех районах города в специальных зданиях, состоящих из конюшен, обозных сараев, казарм для пожарников (обычно над конюшнями) и каланчи, на которой круглые сутки стояли дежурные пожарники, высматривая, не появится ли где-нибудь подозрительный дым. Каланча имела еще другое назначение: над смотровой площадкой возвышалась железная мачта, на которой поднимали (те же дежурные) сигналы, обозначающие силу пожара и необходимость помощи со стороны других команд. Пожарные сигналы подавались путем подъема специальных шаров. Пять шаров (или, как это называлось, «пятый номер») являлись сигналом для вызова всех пожарных команд города.

В Петербурге на каланчах вывешивались еще сигналы о наводнениях, а также о морозах выше 20 градусов по Реомюру. Эти сигналы, в частности, показывали, что детям не надо ходить в школу. Другим применением каланчи было то, что в ней сушили пожарные «рукава» после пожара, развешивая их внутри башни.

Здания пожарных команд, расположенных в центре, значительно отличались от окраинных. Большинство из них было построено весьма фундаментально в середине XIX века. Окраинные команды часто размещались в деревянных зданиях. До революции пожарный транспорт был, как правило, конный. Только перед мировой войной 1914 года в столицах стали появляться пожарные автомобили, да и то единичные и далеко не во всех частях. Надо сказать, что пожарные лошади не намного уступали в скорости тогдашним автомобилям. Это были великолепные крупные кони особой породы (помесь орловских рысаков с тяжеловозами), громадного роста, большой скорости и силы; их выращивали на специальных конных заводах.

В каждой части лошади были какой-либо одной масти. Цвет лошадей для данной части был регламентирован. Жители Петербурга, например, твердо знали, какая часть проносится с грохотом и звоном колоколов: если пегие

лошади — то Рождественская часть (район Смольного), если вороные — то Адмиралтейская, и т. д.

Впереди запряжек скакал верховой — так называемый скачок. Он трубил на скаку в медный рожок, и все движение останавливалось. В расстоянии двух десятков метров от скачка полным карьером мчались запряженные четверками и парами ходы (так тогда назывались пожарные повозки). Первым мчался ход с командой, на нем развевалось знамя части. Здесь же находился колокол, в который непрерывно звонил пожарный. На козлах сидели три кучера: кучер, сидящий в центре, правил парой лошадей, запряженных в дышло, боковые кучера правили каждый одной из пристяжных лошадей. Это было вызвано тем, что никакой силы не хватило бы одному человеку управиться сразу с четверкой таких лошадей да еще вдобавок запряженной в тяжелую повозку. От всех трех кучеров, конечно, требовалось очень большое искусство, особенно на поворотах.

За головным ходом в строгой последовательности мчались другие повозки: с лестницами, баграми, а также паровая машина, которая качала воду; она всегда стояла в части под парами. Шествие замыкала пожарная «скорая помощь» — пара лошадей, запряженная в ландо (карета с откидным верхом).

В окраинных и провинциальных командах были еще ходы с бочками для воды, которую пожарным приходилось возить с собой, так как водопровода в тех местах часто не было.

Выезд старой пожарной части на пожар навсегда запомнился всем тем, кто это видел. Невероятный грохот и звон, звуки рожка, громадные храпящие кони, все в мыле, красные, сверкающие медью повозки, клубы дыма с искрами из паровой машины, блестящие медные каски пожарных и никелированные каски пожарных офицеров — все это создавало яркую, впечатляющую картину.

Одежда похоронного персонала

Факельщиками, или мортусами (от французского la mort — «смерть»), называли людей, сопровождавших похоронные процессии. Обычно четверо из них шли по обе стороны катафалка (по двое с каждой стороны), держа в руках зажженные факелы или фонари, в которых горели свечи или карбид, а остальные вели лошадей под уздцы, но так как костюмы их были одинаковыми, то их тоже называли факельщиками.

Количество лошадей и пышность катафалка зависели от разряда, по которому хоронили. Самый пышный был первый разряд — шестерка лошадей цугом, украшенных страусовыми перьями. Каждую лошадь вел специальный факельщик. Катафалк был богато украшен, с балдахином, драпировками и страусовыми перьями на крыше.

Впереди шел главный факельщик, неся в руках булаву, обвитую траурным крепом.

Масть лошадей, окраска катафалка и костюмы факельщиков зависели от вероисповедания покойника. Православных хоронили на белых катафалках, которые везли белые лошади, покрытые белой сеткой. Факельщики были одеты в белые фетровые или клеенчатые цилиндры и в белые же ливреи — типа тех, которые носили швейцары. Ливреи были обшиты по воротнику, обшлагам и клапанам карманов серебряным галуном и имели серебряные большие лакейские пуговицы с короной. Под ливреей были надеты навыпуск белые брюки с серебряными лампасами. Летом ливреи и брюки были из хлопчатобумажной ткани (типа ластика), зимой суконные. На руках факельщиков были надеты белые перчатки, и вели они лошадей за подвязанные к уздечкам белые шнуры с кистями.

При похоронах лиц не православного вероисповедания факельщики были одеты в черные цилиндры и ливреи. Галун и пуговицы оставались серебряными. Иногда вместо цилиндров

162. Пожарные Александро-Невской пожарной части перед выездом на место пожара. Петербург
163. Пожарные крестовского отделения. Петроград
164. Брандмайор. Петербург
165. Брандмейстер Александро-Невской части
166. Брандмайор. Петербург
167. Пожарный Казанской части. Петербург
168. Личный состав Петровского отделения Петербургского пожарного общества. 1908 г.
169. Пожарное депо Петровского отделения. Петербург 1885 г.
170. В дежурной комнате петровского отдела Петербургского пожарного общества. 1908 г.
171. Дежурный пожарный у сигнального колокола. Петербург
172. Группа пожарных Парголовского пожарного общества. 1900 г.
173. Группа пожарных Казанской пожарной части. Петербург
174. Санитарная упряжка Пожарной дружины им. Петра Великого. Петербург. 1913 г.
175. Вид улицы во время пожара. Петербург. 1913 г.

163

164
165

166
167

168

170

171
172

173

174

175

факельщики носили черные двууголки, отделанные галуном.

При бедных похоронах (третьего и четвертого разрядов) факельщиков, держащих под уздцы лошадей, не было, вместо них на козлах сидел кучер, управлявший парой или одной лошадью. Кучер был одет так же, как факельщики, но часто вместо цилиндра носил черную или белую фуражку с серебряным галуном на околыше.

Ресторанные лакеи-официанты и их костюм

В ресторанах вплоть до мировой войны обслуживали посетителей только мужчины. Женщины появились в качестве обслуживающего персонала лишь в 1915—1916 году (в связи с тем, что многие официанты были призваны на войну); но и тогда женщины обслуживали только в кафе.

В большинстве первоклассных ресторанов и в ресторанах при шикарных гостиницах лакеями были преимущественно татары. Это объясняется тем, что им, по законам мусульманской религии, нельзя употреблять алкоголь. Возможно, что когда-то этот метод комплектования и приносил результаты, но с течением времени ежедневное «общение» с алкогольными напитками оказалось более сильным, чем заветы Магомета, и держать лакеев-татар стало просто традицией, к тому же в ресторанах того времени были мальчики-лакеи, которые комплектовались из сыновей и племянников лакеев. Татары выписывали своих родственников из Казанской губернии, где были целые села, занимающиеся официантской профессией.

Костюм лакея превоклассного ресторана состоял из черного фрака (без шелковых отворотов), черного жилета и брюк (без лампасов), а также крахмальной манишки, манжет, стоячего или стояче-отложного воротничка и черного бантика. Пуговицы были металлические или басонные, обычного размера. На левом лацкане был укреплен номер, круглый или щитовидный, металлический или эмалевый. Обувью служили черные штиблеты или ботинки, часто без каблуков, чтобы при ходьбе не производить шума. Нитяные белые перчатки и перекинутая через руку салфетка, которой лакей протирал бокалы и тарелки, дополняли его костюм.

В первоклассных ресторанах лакеи не носили фартука. В других — подвязывали под жилет белый накрахмаленный фартук, длиной чуть ниже колена, сходящийся на спине.

В ресторанах второго класса и в станционных ресторанах лакеи были одеты в черные пиджаки, все остальные атрибуты костюма были те же самые. Летом официанты носили также и белые кителя.

До революции ресторанные лакеи являлись одними из самых эксплуатируемых и угнетаемых профессий. Основным источником их заработка были чаевые, поэтому они были принуждены терпеть выходки пьяных посетителей, зачастую их бивших, мазавших горчицей и всячески над ними измывавшихся. Особенно любили это делать загулявшие купцы. С другой стороны, зависимость от щедрости посетителей вырабатывала в ресторанных лакеях те черты, которые сделали слово «лакей» символом подхалимства и угодничества.

Бесправная судьба ресторанных лакеев неоднократно затрагивалась дореволюционной литературой (П. С. Лесков — «Чартогон», А. П. Чехов — «Мужики», И. Шмелев — «Человек из ресторана»). Следует заметить, что слово «человек» было обычным обращением посетителей к официанту; официанты же именовали «гостей» «ваше сиятельство» или «ваше степенство».

Руководил официантами метрдотель. В буквальном переводе с французского это слово обозначает «хозяин гостиницы».

Рестораны появились впервые во Франции во второй половине XVII века. Причем появились при гостиницах, а не как самостоятельные предприятия, и метрдотель тогда действительно был хозяином гостиницы. С появлением ресторанов к ним автоматически перешло и определение «хозяин ресторана», несмотря на то что обычно метрдотель не являлся хозяином, а был таким же служащим, как официанты, только рангом выше.

В функции метрдотеля входило встречать гостей, особенно именитых, провожать их к столу, консультировать заказ. Особо почетным посетителям метрдотель самолично подавал какие-нибудь изысканные блюда и наливал вино.

Метрдотель носил фрачный костюм или визитку с полосатыми брюками, но обязательно с черным жилетом и черным бантиком. Позднее, в начале XX века, метрдотели чаще надевали смокинг.

176. Дворник у подъезда дома № 48 по Невскому пр. Петербург
177, 178. Петербургские дворники
179. Петербургский дворник с женой
180. Дворник одного из окраинных домов Петербурга
181. Типы выездных лакеев и гайдуков. Петербург
182. Лакей (слева). Петербург. 1916 г.
183. Извозчики

176.

177
178

180

181

182

183

Повара и их одежда

Помимо поваров-универсалов были повара узкой специальности: повара-супники, повара-соусники (самая высокая квалификация, причем держали на этой работе людей не старше сорока лет, так как считали, что с возрастом у них теряется острота вкуса). Были повара — специалисты по дичи, по мясу, по рыбе, по холодным закускам, не говоря уж о кондитерах.

Полный «ассортимент» поваров держали в первоклассных ресторанах, столовых офицерских собраний, при гвардейских полках и в очень богатых домах знати и купцов-миллионеров.

Костюмы поваров в общем были почти одинаковые. Поварской колпак шили из белого полотна; при этом повара-иностранцы, главным образом французы, носили колпаки более высокие (тулья колпака была высотой почти с цилиндр). Повара носили короткие белые полотняные куртки, обычно двубортные. Воротник их был стоячим, как у кителя. Носили куртки и без воротников, с вырезом по самую шею. Застежка у курток была либо скрытая, либо на белых (а точнее, желтоватых) костяных пуговицах. Иногда повара носили белые полотняные брюки, но чаще брюки были шерстяные, произвольного цвета. Костюм дополнялся белым передником, закрывающим бока. Передник надевался под куртку. На ногах повара носили шлепанцы.

Характерной деталью был большой поварской нож в ножнах, висящий на поясе. На ножнах большого ножа внакладку помещались ножны еще двух ножей, меньшего размера. Ножны были из черной кожи с медной оковкой сверху и снизу, рукоятки ножей были из белой или черной кости.

Поварята одевались примерно так же, но фартуки у них были с нагрудниками.

Уличные типы и их одеяние

Это вышедшее из обихода выражение было очень популярно в XIX — начале XX века. Его можно было встретить на заголовках альбомов с рисунками русских и иностранных художников, в рубриках юмористических журналов. Уличным типам посвящались серии иллюстрированных почтовых открыток.

Уличные типы вызывали интерес не только художников, но и писателей, посвящавших им очерки и описания. Возник даже специальный жанр физиологического очерка. Зачинателями этого жанра были во Франции О. Бальзак, а в России Н. А. Некрасов. Последний был составителем и основным автором посвященного уличным типам сборника «Русские, описанные с натуры ими самими»; остальными авторами сборника были писатели круга «Современника».

Что же представляли собой уличные типы и какие категории людей к ним относили? В эту всеобъемлющую рубрику входили все те люди, которых можно было постоянно встретить на улице, так как их род занятий и профессия заставляли основное время проводить вне стен домов. Именно это давало возможность объединить под одной рубрикой извозчика и городового, уличного разносчика и нищего, дворника и продавца газет, а само объединение как бы отрывало их от профессии, превращая в труппу фигурантов уличной сцены, беспрестанно игравших один и тот же спектакль.

Торговля с рук на центральных улицах больших городов, а тем более столиц, в дореволюционной России не производилась. Уличные торговцы — разносчики — ходили по окраинным улицам, стояли у рынков, вокзалов. В центре же они преимущественно ходили по дворам, выкликая свой товар, который носили в корзинах на голове, подкладывая под корзины так называемый «бублик», сделанный из материи и набитый ватой, похожий на приспособление, используемое цирковыми акробатами, когда один из них становится головой на голову другого. Носили свой товар разносчики и на лотках, висящих на веревочных или кожаных ремнях на шее. В руках он носил толстую палку с перекладиной в виде буквы «Т», которую подставлял под лоток во время торговли.

Специального костюма разносчики не имели, кроме обязательного белого фартука с нагрудником. Иногда через плечо висел кошель для денег. Если разносчик продавал товар на вес, то в руках у него был безмен, обычно медный, с «коромыслом», реже — пружинный.

Разносчики чаще всего продавали различные пищевые продукты — рыбу свежую и копченую (в Петрограде особенно часто копченых сигов), сельди, пирожки, печенку (ее продавали специально для котов, которые сбегались при виде «печеночника» со всех дворов). Продавали разносчики сбитень и хлебный квас; квас носили в специальном бочонке через плечо. Сбитенщики носили пояс с гнездами для стаканов. Сбитень помещался в особом сосуде с длинным горлышком.

Помимо пищевых продуктов разносчики продавали различные выточенные из дерева коробки, деревянные ложки, деревянные резные игрушки (очень распространены были мужик и медведь, бьющие по наковальне молотами, тройки, солдаты, куры, клюющие зерна, и т. д.); продавали также модели церквей. Обычно продавцы коробок и игрушек сами их делали. Это были крестьяне, приехавшие из районов, где

бытовали промыслы: продавцы ложек — ложкари — из Нижегородской губернии, продавцы игрушек — из Подмосковья. Были и местные разносчики, они торговали гипсовыми копилками (кошками и мопсами) и статуэтками (например, мальчик в громадных сапогах и такой же большой шапке, с трубкой в зубах) и тому подобными «шедеврами». Торговали разносчики и галантерейным товаром (иголки, нитки, ленты) и ножевым (ножницы, ножи кухонные и перочинные).

Разносчики-татары торговали вязаными и набивными платками, шалями и так называемой казанской обувью (сапожками и домашними туфлями, сделанными из кусочков цветной кожи, подобранных в виде растительного орнамента). Татары носили на голове маленькие бархатные черные или темно-зеленые шапочки с круглым донышком. Передников они не носили.

Следует тут вспомнить еще о татарах-старьевщиках, очень распространенных в дореволюционной России. Они ходили по дворам с громадными мешками из полосатого тика и скупали все — от цилиндра до бумажной макулатуры. Как правило, они только покупали, а продажа их «добычи» после соответствующей обработки происходила на рынках. В народе называли их «князьями». Их профессиональный возглас — «Шурум-бурум, старье берем!»

Перед первой мировой войной и во время войны появились разносчики-китайцы. Они торговали китайской чесучой, которую носили в громадном тюке на спине. Из тюка торчал металлический аршин. Китайцы ходили с косицами, носили круглые синие или черные куртки, такие же штаны, суживающиеся книзу, белые чулки и черные матерчатые туфли на белой войлочной подошве. Иногда вместо куртки они носили длинные халаты. Помимо чесучи китайцы торговали китайскими фонариками, веерами и раскладными игрушками из бумаги.

Помимо разносчиков и старьевщиков по дворам ходили стекольщики с ящиком стекол на плече, на них были надеты тоже белые фартуки.

Ходили также по дворам точильщики с возгласом «Точить ножи, ножницы!», неся на плече свой точильный станок. У точильщиков фартуки были клеенчатые или кожаные; через плечо висел на ремешке кошель.

В рабочих районах, на окраинах, у рынков сидели «холодные» сапожники, которые, надев снятый с ноги клиента сапог на железную колодку, тут же производили ремонт. «Холодные» сапожники носили фартук из яловой (юфтовой) кожи, а все свои материалы и инструменты держали в перекинутой через плечо котомке.

У помойных ям копались тряпичники. Железным щупом (палкой с заостренным концом) они раскапывали кости, бутылки, выброшенную обувь. Этим же щупом нанизывали одну на другую разные бумажки, тряпки.

Заходили на дворы, предлагая свои услуги, и пильщики дров (отопление было главным образом дровяное); обычно они были из крестьян. Они ходили парами с топорами за поясом и носили с собой двурядную пилу, зубья которой были зажаты дощечками и перевязаны веревкой, чтобы ненароком не задеть прохожих.

По дворам ходили также полотеры с ведром мастики, нацепленным на швабру с длинной ручкой и с зажатыми под мышкой полотерными щетками, завернутыми в суконку или бархатную тряпку.

Чем-то средним между бродягами, ремесленниками и нищими были многочисленные шарманщики.

Шарманка представляла собой большой ящик, разрисованный «видами» Везувия или Венеции, если была итальянского происхождения, и «видами» Тироля, если была австрийской. Приводилась в действие при помощи ручки, которую крутил шарманщик. Конструкция ее напоминала орган (звучание возникало от циркуляции воздуха в металлических трубках разной тональности). Обычно шарманка исполняла пять-шесть пьес, «запрограммированных» заранее (другой музыки на шарманке исполнить было нельзя). Наиболее популярны были вальсы Штрауса, вальс «На сопках Маньчжурии» и особенно «жестокие» романсы вроде «Маруся отравилась». Во время игры под шарманку подставлялась для упора палка-подставка. Иногда наверху шарманки танцевали две автоматические куклы, приводимые в движение той же ручкой. В ненастную погоду шарманка покрывалась чехлом из черной клеенки. Носили ее на спине или возили в маленькой тележке. Шарманщика часто сопровождали оборванные дети, которые пели под шарманку, а после окончания «программы» собирали медяки, обходя слушателей и подбирая деньги, которые кидали из окон завернутыми в бумажку.

Ходили шарманщики и с обезьянками, показывавшими примитивную дрессировку: «как солдат ходит с ружьем», «как пьяный мужик валяется» и т. п. Обезьянки были одеты в фантастические костюмы военных или в «турецкий» костюм, с фесочкой на голове. Шарманщик водил обезьянку на цепочке, прикрепленной к ошейнику. Во время выступления обезьянки шарманщик играл на бубне. Обезьянка после номера обходила зрителей, держа в ручках свою шапчонку.

Частым спутником шарманщиков был попугай (какаду или зеленый попугай). Он вытаскивал клювом «счастье» из деревянного ящика, в котором лежали разноцветные билетики с на-

печатанными на них очень радужными «предсказаниями».

Реже попадались шарманщики с дрессированными собачками, которые танцевали под музыку. Собачки были одеты в сарафанчики, на голове — платочки, или в шаровары и поддевку, а также «под даму» — в шляпе с перьями и в «роскошном» платье.

Специального костюма шарманщики не имели. Обычно это были люди опустившиеся, спившиеся, одетые во что попало: старые, подаренные кем-то пальто или пелерины, но почти обязательно в шляпах, в которые удобно было собирать мелочь.

К этой же категории полунищах можно отнести и представителей жанра «человек-оркестр». Это был музыкант-универсал. Он играл на скрипке или гитаре, одновременно дул в пищалку, на спине у него был укреплен турецкий барабан с тарелками, которыми он управлял при помощи специальных шнурков.

Ходили по дворам и китайцы-фокусники с дрессированными змеями и белыми мышками. Они глотали шпаги, жонглировали, случалось, что показывали действительно интересные фокусы, которые могли бы быть украшением программы в любом цирке. Китайцы были одеты в свои традиционные костюмы и халаты.

Весь этот многообразный, пестрый, в большинстве обездоленный люд, сменяя друг друга, обходил улицы и дворы, на воротах которых часто висели грозные эмалированные надписи: «Вход старьевщикам, шарманщикам и тряпичникам воспрещается» (иногда вместо «старьевщиков» писали «татарам»).

Газетчики

Газетчиками сейчас называют работников газет, а до революции так именовались продавцы газет. Они носили специальную форму или, во всяком случае, форменный головной убор. Иногда это была фуражка, иногда кепи. Газетчики обычно продавали только одну газету, и на медной пластинке фуражки у них было выбито название этой газеты.

Непременным атрибутом газетчика была огромная черная кожаная сумка (типа папки), висящая на ремне через плечо левого бока; в ней лежали газеты. Через другое плечо висел на ремне кожаный кошель для мелких денег.

Были такие газетчики, которые продавали не одну газету, а несколько разных наименований. Эти газетчики работали в Агентстве печати и имели специальную форму — черную фуражку с красным околышем и кантом, черный бушлат с красными петлицами. На медной пластинке фуражки вместо наименования той или иной газеты была надпись «газетчик» и номер, а также название агентства. На ремне сумки висела бляха с номером и надписью «Агентство печати». Газетчиками были только мужчины — пожилые или подростки. В газетных киосках на вокзалах и при гостиницах иногда торговали женщины, но специальной формы они не имели. Мужчины, торгующие в газетных киосках, также были без формы.

Летом газетчики носили сатиновую рубаху, подпоясанную кожаным ремнем, брюки в сапоги, зимой часто надевали башлык. Иногда вместо форменного головного убора они носили меховую шапку с прикрепленной к ней медной пластинкой. Зимней обувью обычно были валенки с галошами.

В Петербурге наиболее распространенными газетами были: «Речь» — орган партии кадетов (и читали либеральная буржуазия и служилая интеллигенция); «Биржевые ведомости», имевшие и вечернее издание, «Петроградский листок» — реакционная газета лавочников, «Газета-копейка» — бульварное издание, «Новое время» — реакционная газета, издаваемая Сувориным, «Вечернее время» — вечернее издание «Нового времени».

В Москве наиболее распространенными газетами были либеральные «Русское слово» и «День» [3].

Издавалось в России немало иллюстрированных еженедельных журналов: «Нива», «Солнце России», «Лукоморье», «Огонек», «Сатирикон», «Вокруг света», «Природа и люди», «Пробуждение», «Аргус», «Мир приключений».

В период между Февралем и Октябрем 1917 года революционная пресса распространялась не через профессиональных газетчиков, которые служили либо в издательствах буржуазных, реакционных газет, либо в агентстве печати — тоже буржуазном, а через рабочих, работниц, подростков, являвшихся как бы общественными распространителями. Они были лишены всяких атрибутов профессиональных газетчиков, продавали газеты, как тогда говорили, «с развала» или с обычных лотков. Для привлечения внимания покупателей эти газетчики иногда прикрепляли к своему головному убору номер газеты так, чтобы было видно ее название, или ставили рядом с собой щит на подставке с укрепленным на нем названием газеты.

Посыльные

На углах главных улиц Петербурга и Москвы, у ресторанов, гостиниц и магазинов стояли посыльные, или, как их еще называли из-за цвета фуражек, «красные шапки».

У А. П. Чехова в «Даме с собачкой» читаем: «Приехав в Москву, она [Анна Сергеевна] оста-

навливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке».

Посыльного можно было нанять для исполнения какого-либо поручения: например, отнести по адресу письмо или цветы, доставить домой покупку, присмотреть за экипажем и т. д. Они объединялись в артели, каждый посыльный имел свой номер, и артель материально отвечала за честность и добросовестность своих членов.

Основной деталью костюма посыльных, как уже было сказано, была красная шапка (фуражка) с черным козырьком. Так как артелей посыльных было несколько, то они отличались по фуражкам, которые были иногда целиком красные, иногда с околышем другого цвета. На околыше помещалась медная пластинка с пробитой ажурными буквами надписью «посыльный» и номером. Иногда посыльные были одеты в дешевые ливрейные шинели того же фасона, как у швейцаров, с тем отличием, что их шинели были более ярких цветов (коричневые, зеленые, серые). Иногда воротник и обшлага делали иного цвета, чем шинель. Пуговицы на шинели были «лакейского» образца, но гладкие, без чекана. Посыльные, не одетые в униформу (были и такие), имели с левой стороны пристегнутую овальную медную бляху с пробивной надписью «посыльный», номером и наименованием артели. Пальто и другие детали одежды были у посыльных произвольными как по фасону, так и по цвету.

Обычно посыльными были люди пожилые, потрепанные жизнью и знававшие лучшие дни.

Трубочисты

Представители этой, исчезнувшей ныне в больших городах, профессии часто встречались на улицах дореволюционной России, выделяясь своим запачканным сажей лицом и своеобразным костюмом, состоящим из круглой суконной или фетровой шапочки, короткой куртки со стоячим воротником, застегнутой скрытой застежкой на левую сторону, широких штанов. Все, включая шапку, было сшито из черного, обычно грубошерстного сукна. Обувью им служили опорки (головки от высоких сапог) или высокие сапоги, одетые под брюки. Трубочист был подпоясан очень широким кожаным черным поясом с большой медной пряжкой, по фасону напоминающей солдатскую, но без рисунка. На поясе трубочиста висела большая ложка со складной ручкой. Этой ложкой выгребалась зола из вьюшек и дымохода. Непременным его атрибутом был перекинутый через плечо или надетый на руку большой моток веревки, оканчивающийся чугунным шаром или десятифунтовой гирей. Эту веревку трубочист опускал в трубу для прочистки дымохода. В руках его было ведро, в котором лежал веник-«голик» (без листьев). На плече трубочист нес лестницу метра два высотой. Обычно трубочисты работали вдвоем.

Швейцары

Сохранившиеся в наше время только в ресторанах, гостиницах, театрах и некоторых учреждениях, швейцары до 1917 года были во всех доходных домах, в большинстве особняков, в банках, конторах и магазинах.

Помимо обязанностей привратника на них возлагалось обслуживание лифтов, а в особняках и обязанности гардеробщиков. В царское время зачастую они являлись агентами полиции и доносили, что происходит в доме, кто ходит к хозяевам и жильцам.

Форма одежды швейцаров, различаясь цветом и отделкой, была в основе своей единообразной. Все они носили фуражку с черным лакированным козырьком, часто с медной оковкой; околыш был обшит широким золотым галуном с зигзагообразным плетением. У швейцаров, служивших в аристократических домах, на тулье была зубчатая корона (по числу зубцов можно было узнать, какой титул у хозяина). У швейцаров правительственных учреждений на тулье была маленькая кокарда чиновничьего типа. У ресторанных, банковских, гостиничных и магазинных швейцаров на околыше или на тулье было вышито или нарисовано по трафарету название. Самым распространенным цветом фуражки был синий или черный; летом иногда натягивали на нее белый чехол.

Обычный костюм швейцара состоял из двубортной тужурки, по фасону напоминавшей матросский бушлат. По воротнику и обшлагам она была отделана галуном либо имела петлицы из двойного галуна с пуговицей. Тужурки были из гладкого сукна, зимой — синие или черные, летом — серые и белые; брюки — навыпуск, синие или черные, с лампасами из того же галуна, что и на фуражке.

Поверх тужурки швейцары носили ливрейную шинель — нечто среднее по крою между сюртуком и военной кавалерийской шинелью. Воротником и длиной (почти до пят) она напоминала шинель, а фасоном — сюртук. Ливрейная шинель была отрезная спереди и сзади, спинка ее тройная, так называемая фрачная. Ливрейная шинель имела очень большие клапаны на боковых карманах, вшитых в шов отреза, а сзади было два прорезных кармана с «листочками». Воротник, клапаны, обшлага и «листочки» были обшиты галуном. Если на фуражке была корона, то и на воротнике тоже. У швейцаров ресторанов, банков, гостиниц и магазинов иногда на воротнике вышивали наименование учреждения. Воротники

и обшлага бывали и другого цвета и фактуры (бархат), чем ливрея. Ливрею густо украшали большими металлическими пуговицами, типа лакейских. Пуговицы — гладкие, с коронами, монограммами — были плоскими. Пуговицы с орлами (у швейцаров правительственных учреждений) — выпуклые, с ободком, и отличались от чиновничьих только большим размером. Пуговицы размещались таким образом: застежка — шесть пуговиц по борту, под клапанами по три пуговицы, на обшлагах по две-три горизонтально, сзади две на талии или четыре на «листочках». Иногда швейцары носили на одном плече витой погон (шнурок) и аксельбант.

Был еще один тип швейцарского одеяния, особо парадный, но его носили только швейцары очень аристократических домов, крупных правительственных учреждений, посольств, бирж. Костюм этот состоял из черной велюровой фетровой двууголки (надеваемой поперек), украшенной галунами, кокардами-эгретами, а иногда и плюмажем из белых страусовых перьев. Ливрея была с одной или двумя пелеринами (типа «николаевской» шинели). Воротник, борт, полы, разрез и «листочки» сзади пелерины были обшиты галуном; через правое плечо — широкая перевязь, тоже отделанная галуном. В XVIII и XIX веках швейцары носили на ней шпагу, а в XX веке она играла чисто декоративную роль. Вместо погон был эполет с кистями, тоже на одном плече. В руках у швейцара при таком одеянии была деревянная булава черного или коричневого цвета с медным или позолоченным шаром-набалдашником и с медным же наконечником. Иногда булава обвивалась золотым шнурком, кончающимся двумя золотыми кистями. Перчатки швейцары носили белые замшевые.

Швейцаров набирали обыкновенно из бывших унтер-офицеров и солдат гвардейских полков, поэтому их отличал высокий рост, могучее телосложение, а также обилие медалей и крестов. Украшением швейцара считалась большая борода или пышные бакенбарды как с усами, так и без усов.

Одежда домашней прислуги

Дворецкие. Роль метрдотеля в домах аристократии, банкиров и крупных промышленников исполнял дворецкий, или, как он иногда назывался по французскому образцу, мажордом.

Как и метрдотель, дворецкий был главой всей прислуги, следил за столом, производил закупки провизии, нанимал и рассчитывал всю остальную прислугу, то есть был доверенным лицом по всем хозяйственным делам дома. Была у дворецкого и еще одна функция. На приемах и балах он стоял в дверях и провозглашал фамилии, чины и звания входящих гостей. Он же приглашал собравшихся к столу.

Дворецкий носил либо фрак с лакейскими пуговицами, либо ливрею, но еще более расшитую галунами, чем у лакеев. Иногда его отличало от обыкновенных лакеев наличие эполета и аксельбанта (в том случае, когда лакеи их не носили). На приемах, когда дворецкий провозглашал фамилии гостей и был одет в ливрею, в руках у него была булава, наподобие той, с которой стояли швейцары. При провозглашении фамилий входящих гостей он ударял булавой об пол.

Помимо лакейских костюмов общеевропейского фасона в дореволюционной России существовали костюмы так называемых половых. Половым назывался официант в трактире или чайной. Костюм полового состоял из длинной белой полотняной рубахи-косоворотки (с застежкой обязательно на левую сторону) и широких штанов из такого же материала. Иногда на вороте, подоле и рукавах была вышивка, обычно красного цвета. Подпоясан половой был поясом-шнурком с кистями или кумачовым поясом — таким же, какой носили извозчики. Вместо салфетки у полового в руках было полотенце. Половые были иногда и в ресторанах с русской национальной кухней (например, знаменитые рестораны Тестова и «Мартьяныча»).

По Далю, определение «половый» — бледный, белесовато-соломенного цвета, как полова, применяется к собакам и зверям. Значит, слово «половой» имело пренебрежительный характер.

Посетители звали половых еще и «шестерка». По Далю, «шестерик» означал «третий разбор льна», а если мы вспомним, что половые носили льняную одежду (и вряд ли из первого сорта льна), то и это явно пренебрежительное обращение становится также понятным.

184. Нищие странники
185. Старуха нищенка
186. Нищий. Петербург
187. Девочка-нищенка
188. Нищий странник
189. Крестный ход у торговых корпусов Апраксина двора. Петербург. 1912 г.
190. Мусорщик. Петербург
191. Мальчик с рекламой. Петербург
192. Точильщик
193. Мороженщик. Петербург, 1899 г.
194. Продавец рыбы. Петербург, 1899 г.
195. Продавец щеток. Петербург, 1899 г.
196. Продавец кустарных изделий. Петербург
197. Петербургские «холодные» сапожники
198. Точильщик. Петербург
199. Продавец сбитня и булок. Петербург
200. Продавец кваса. Петербург
200а. Лоточники на Марсовом поле. Петербург

185
186

187
188

189

174

190
191

192

193
194

195
196

197
198

199
200

200 a

Лакеи. Этот термин объединял в себе различные разновидности мужской прислуги, различающейся друг от друга своими функциями.

Обязанностью лакея-камердинера было обслуживать своего хозяина: помогать при одевании и раздевании, держать в порядке личный гардероб хозяина, убирать его кабинет, сопутствовать ему в поездках и путешествиях. Камердинер, таким образом, был чем-то средним между горничной и личным секретарем. Если в доме не было дворецкого, то камердинер являлся как бы шефом всей остальной прислуги. Если хозяин завтракал у себя в кабинете, то подавал ему камердинер (даже при наличии в доме лакеев с официантскими функциями). Во время обеда или ужина камердинер стоял за стулом своего хозяина. Если в доме не было других лакеев, то камердинер подавал блюда к столу.

Костюм камердинера состоял в торжественных случаях из ливрейного фрака (черного или темно-синего) с лакейскими пуговицами. Это были золотые или серебряные пуговицы размером с четырехкопеечную монету с короной, гербом, монограммой или гладкие такого же цвета, как брюки. Фрак имел фасон вицмундира (с клапанами на боковых карманах). Иногда фрак имел бархатный воротник с отделкой галуном. Встречались также ливрейные фраки с одним витым погоном и аксельбантом. Погон и аксельбант лакеи носили на левом плече (в отличие от военных, которые носили аксельбант только с правой стороны). Жилет был либо в цвет фрака, либо с вертикальными полосами, из которых одна была того же цвета, что и фрак, а другая белая. Эти жилеты так и назывались — лакейские. При фраке камердинер носил крахмальную манишку с стояче-отложным воротником и черный бантик. Костюм дополняли крахмальные манжеты, белые нитяные перчатки и черные штиблеты.

При уборке помещения камердинер обычно был в жилете, под который надевался короткий суконный передник зеленого цвета. При подаче завтрака камердинер надевал белый китель (типа морского) из рогожки с двумя боковыми разрезами и металлическими лакейскими пуговицами. В остальное время камердинер носил черный двубортный костюм с обычными пуговицами. Иногда вместо костюма носили визитку с полосатыми брюками; в этом случае обязательно надевался черный бантик, указывающий, что перед вами лакей.

Верхней одеждой камердинера было черное суконное или драповое пальто с бархатным воротником либо на скрытой застежке либо двубортное сюртучного покроя (редингот) с обычными пуговицами. Головным убором служил черный котелок.

Внешность камердинера зачастую была более респектабельна, чем у его хозяина. Следует добавить, что камердинер не носил бороды и усов, зато лицо его было украшено либо бакенбардами, либо небольшими бачками. У А. П. Чехова в «Даме с собачкой» муж Анны Сергеевны, которого она обозвала лакеем, носил именно такие баки. «И в самом деле, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер». (Лакеи-официанты в ресторанах носили в петличке лацкана с левой стороны металлический или эмалированный номер.)

В богатых домах, аристократии и крупной буржуазии, держали специальных лакеев-официантов. В их обязанность входило накрывать столы, убирать посуду, подавать на стол и обносить гостей на приемах напитками, мороженым и т.д.

Будничный костюм лакея-официанта был таким же, как у камердинера (полосатый жилет, передник). Подавать на стол он мог, в зависимости от обстоятельств, в белой куртке либо в ливрейном фраке, а в особо торжественных случаях лакеи были одеты в парадную ливрею, которая дошла с XVIII века почти без изменения. Парадная ливрея представляла собой однобортный кафтан из тонкого цветного сукна или кастора, украшенный несколькими рядами галунов по борту. Воротника обычно у ливреи не было. Галун был с выпуклым рисунком или с вытканными гербами. Ливрея имела боковые карманы с большими клапанами — «тройчатками» и накладные обшлага. Клапаны и обшлага были другого цвета, чем ливрея, а иногда бархатные. Под клапанами были нашиты по три пуговицы. На обшлагах пуговицы были нашиты горизонтально, либо между галунами, либо по краю обшлага, под галуном. Жилет при ливрее был типа камзола, длиннее обычного, тоже обшитый галуном, с карманами внизу жилета. Карманы чаще всего имели клапаны — «тройчатки», но были и прорезные, которые тоже обшивались галуном. Пуговицы на жилете были такого же чекана, как на ливрее, только меньшего размера. При ливрее носили короткие штаны до колена — штаники. Они были или из того же материала, что и ливрея, или из тонкого плюша. Внизу штаников были нашиты две или три пуговицы, такие же, как на жилете. Штаники стягивались под коленом галуном с пряжкой. При штаниках носили белые или цветные (чаще всего красные) чулки. Обувью служили туфли-«лодочки», лаковые или из черной кожи, украшенные металлической пряжкой. Туфли часто имели красный каблук.

Под ливрею надевалась крахмальная манишка со стоячим воротником и белым бантиком. Лакей в ливрее отличался костюмом от гостей, поэтому не было нужды выделять его бантиком другого цвета, как тогда, когда он носил фрак.

Иногда вместо галстука носили по моде, дошедшей еще от XVIII века, шелковое или кружевное жабо.

В особо торжественных случаях лакеи надевали белые пудреные парики. Если лакеи носили бакенбарды, то париков они не надевали. Перчатки у лакеев были нитяные, белые.

На левом плече некоторых ливрей был укреплен металлический эполет с гербом хозяина, от эполета опускались по рукаву до уровня локтя несколько галунов, оканчивающихся кистями или аксельбантами. Аксельбант был обычно пестрым, в два-три цвета, и либо висел вдоль рукава, либо прикреплялся к груди, примерно так же, как военный аксельбант. Такая парадная ливрея (особенно с белым париком) надевалась крайне редко, в особо торжественных случаях, исключительно в домах или титулованной аристократии, либо уж очень богатой буржуазии, подражавшей дворянской знати. Так же были одеты лакеи на приемах в посольствах и при дворе. Придворные лакеи носили ливреи синего или красного цвета, галуны были затканы черными двуглавыми орлами. Красные ливреи надевались с белыми париками.

Выездные лакеи, грумы, бои. Вездные лакеи были совершенно особой разновидностью лакейской профессии, и костюм их резко отличался от костюма других лакеев. Подбирали их из людей очень высокого роста. Эта традиция шла еще от тех времен, когда путешествовали в дилижансах и основной функцией выездных лакеев была защита своих хозяев от всяких опасностей в пути.

Костюм выездного лакея зависел от типа экипажа и упряжи. При одноконной запряжке с выездными лакеями не ездили. Это объясняется тем, что козлы были уже, чем у двуконного экипажа, и лакею негде было сесть. При парной запряжке (дышлом) в коляске или пролетке лакей сидел рядом с кучером с левой стороны.

Лакеи носили велюровые цилиндры с галуном вместо ленты и эгретом (розеткой из лаковой кожи или галуна, укрепленной сбоку цилиндра). Эгрет кончался петличкой из галуна или шнура. Внизу петлички, чуть выше ленты, была укреплена маленькая пуговичка.

Летом лакей был одет в двубортный или однобортный короткий сюртук — ливрею произвольного цвета с большими лакейскими пуговицами. Воротник, обшлага и клапаны карманов (клапаны имелись не всегда) были обшиты золотым или серебряным галуном. Глухой, с небольшим вырезом жилет делали в цвет сюртука; носили и белые суконные жилеты, тоже обшитые галуном.

Из сюртука виднелся стоячий крахмальный воротничок с бантиком или белым пластроном. В качестве брюк носили белые суконные бриджи. На ноги надевали невысокие жокейские сапоги — черные, с коричневыми или желтыми кожаными отворотами и с висящими сбоку длинными ушками. Носили также суконные гетры-гамаши до колен на пуговицах. Перчатки у выездных лакеев были из белой или светло-бежевой замши. Осенью и весной поверх сюртука выездной лакей носил ливрейную шинель того же типа, что у швейцаров, как обшитую галуном, так и без галуна.

При выезде в карете или ландо лакеи были одеты так же; иногда вместо цилиндра носили черные велюровые двууголки (их носили как концами вдоль, так и поперек лица), обшитые галуном. Ливрея имела тип «николаевской» шинели с одной или несколькими пелеринами. Она могла быть любого цвета. Воротник, клапаны карманов и обшлага иногда были другого цвета, чем сама ливрея, и обшиты галуном; на ливрее носили иногда на одном плече эполет с аксельбантом. На ногах — сапоги либо гамаши со штиблетами, а иногда туфли с белыми чулками.

Парную запряжку иногда сопровождали два лакея. Тогда они не сидели на козлах, а стояли сзади на запятках, держась за специальные мягкие петли. Были кареты, где на запятках было установлено сиденье для лакеев. Когда лакеи сидели на запятках, то руки им полагалось держать скрещенными на груди. Выездной лакей открывал и закрывал дверцы экипажа, откидывал ступеньку карет и ландо, держал под уздцы лошадей во время стоянки, носил покупки и вещи хозяина, опекал собаку, если ее брали с собой. На его обязанности лежало также укутывание ног седоков пледом в холодную погоду.

Зимний костюм лакея в общем был почти такой же, как вышеописанный, за исключением того, что ливрейная шинель имела теплую подкладку и меховой воротник или пристяжную меховую пелерину, обычно из коричневого меха с большим ворсом (енот, медведь).

Лакеи придворных экипажей носили ливрею типа «николаевской» шинели красного цвета, отделанную желтым галуном с черными вытканными орлами, и черную двууголку с галуном. Пуговицы были большие золотые, с ободком и изображением двуглавого орла.

При выезде в экипажах спортивного типа (шарабаны, кабриолеты, двуколки), где часто правил лошадьми сам владелец экипажа, а не кучер, выездной лакей был одет скромнее. Вместо цилиндра у него была фуражка или котелок, вместо ливреи — широкое двубортное пальто с большим воротником, вместо лакейских пуговиц могли быть большие костяные пуговицы, пришитые за ушко.

Зимой в экипажах этого типа или в санях-паучках лакей ездил в дохе или в волчьей шубе мехом наружу.

Следует заметить, что экипаж спортивного типа часто вместо выездного лакея сопровождал так называемый грум. В отличие от выездного лакея (человека большого роста) грумы специально подбирались маленькие. Часто ими были мальчики лет четырнадцати-пятнадцати. Костюм грума в общем был схож с костюмом лакея, за тем исключением, что «николаевских» шинелей они не носили. Не носили также и двууголок. Их головным убором был цилиндр или котелок (с эгретом). Иногда носили они круглую кепи из фетра с большим козырьком. Наверху кепи была пуговица или золотая бахрома. У некоторых грумов была специальная форма одежды — коротенькая курточка (до пояса), сзади имевшая фрачную спинку, но без фалд, со стоячим воротником. Курточка была однобортной, ее украшали несколько рядов мелких круглых пуговиц. Иногда пуговицы были укреплены на шнурах (как на гусарском костюме). Грум носил белые бриджи, жокейские сапоги, иногда со шпорами; перчатки замшевые белые, иногда с крагами. Грум соединял в себе функции выездного лакея и кучера.

В России грумы были мало распространены, так как при русской упряжке с грумами не ездили.

В заключение следует отметить, что после русско-японской войны в России появились лакеи-китайцы, выходцы из Маньчжурии. Лакеи-китайцы были одеты в свои национальные костюмы (синие куртки) или халаты, широкие штаны, заправленные в белые чулки, черные матерчатые туфли на толстой белой войлочной подошве. На голове они носили круглую шапочку с черным шариком наверху; по тогдашнему китайскому (или, вернее, маньчжурскому) обычаю имели косу. Летом они были одеты в костюм того же покроя, но из белой, чуть бежеватой чесучи. Носили китайцы-лакеи и белые кителя, такие же, как у официантов. Обычно эти кителя были застегнуты не на пуговицы, а на бамбуковые палочки или продолговатые раковинки. Штаны же при кителе были китайского типа, так же как и туфли. «Европейской» деталью в костюме китайца-лакея были только белые нитяные перчатки.

К лакеям можно отнести также казачков и боев. Казачки появились в помещичьих домах в период крепостного права. Это были мальчики десяти-пятнадцати лет, которых брали в помещичий дом для всякого рода мелких услуг. В обязанности казачков было, в частности, набивать табаком огромные чубуки помещиков. Таким казачком в дни своей юности был Т. Г. Шевченко. В XX веке казачки сохранились лишь в патриархальных помещичьих семьях. Держали казачков главным образом в усадьбах.

Костюм казачка остался неизменным со времен крепостного права и состоял из круглой ямщицкой черной шапочки с павлиньими перьями, русской рубашки-косоворотки — белой, красной или голубой, из казакина, суконного или бархатного, черного или синего цвета и из бархатных или плисовых шаровар. Летом казачки носили казакин без рукавов.

Бои появились как разновидность посыльных и лифтеров в гостиницах, крупных торговых фирмах и банках. Костюм боя * состоял из круглой маленькой шапочки, держащейся на ремешке или резинке, короткой курточки со стоячим воротником и многими рядами пуговиц (маленькими металлическими). Бой носил брюки навыпуск, часто другого цвета, чет курточка, с лампасами из галуна, черные ботинки и белые перчатки.

После Октябрьской революции, с ликвидацией в нашей стране эксплуататорских классов, вместе с ними канули в прошлое и их слуги — лакеи всех разновидностей.

Дворники. В Петербурге, в Москве и других городах во все времена года и часы дня на улице можно было увидеть дворников. В каждом доходном доме, в особняках и различных учреждениях держали одного или нескольких дворников, функции которых были весьма многообразны. Дворники подметали и поливали улицы, зимой убирали снег, используя специальные деревянные снеготаялки, пилили, кололи и носили в квартиры дрова (в большинстве домов отопление было дровяное, или, как его еще называли, «голландское»,— по названию наиболее распространенной конструкции печей), выносили мусор. Кроме того, в столицах дворники дежурили круглосуточно у ворот дома. С двенадцати часов ночи ворота и подъезды закрывались, и, чтобы попасть в дом, нужно было позвонить в находящийся у ворот электрический звонок или «дергалку» (колокольчик) с прибитой под ними дощечкой с надписью: «Звонок к дворнику». Ночью дворник находился в подворотне, где спал на деревянном, чаще всего голом топчане.

Помимо этих, так сказать, жилищно-коммунальных обязанностей дворники зачастую (особенно в Петербурге и в Москве) были нелегальными полицейскими агентами, следившими за «подозрительными» и сообщавшими полиции обо всем, что происходит в доме. Дворники обычно присутствовали в качестве понятых при обысках и арестах, производимых полицией и жандармерией. В столичных городах дворники чаще всего комплектовались из бывших солдат и унтер-офицеров. Купцы, особен-

* boy — по-английски мальчик.

но в Москве и приволжских городах, любили держать дворников из татар.

Летом дворники ходили в черном картузе с лакированным черным козырьком; донышко картуза тоже было из черной кожи для защиты от дождя; на околыше была медная пластинка с надписью: «Дворник». Дворники носили специальный, так называемый дворницкий жилет. Это был черный или темно-синий двубортный глухой жилет (с небольшим вырезом или вообще без выреза и с отложным воротником). Спинка жилета была из того же материала, что и перед. Застегивался жилет на семь-восемь маленьких пуговиц по борту. Жилет имел только нижние карманы или был совсем без карманов. Под жилет надевалась русская рубашка из сатина или ситца. Рубашка выпускалась из-под жилета. Сверху дворники обязательно носили белый холщовый фартук с нагрудником. На шее у дворника на медной цепочке висела большая медная овальная бляха, на которой по кругу была надпись с названием улицы и номер дома, а посередине было написано: «Дворник». Иногда бляхи не висели на цепочке, а прикалывались с левой стороны груди. Непременным аксессуаром дворника был также свисток, чаще всего сделанный из рога. Дворники носили широкие черные шаровары и высокие сапоги, яловые или с «гамбургскими передами». Весной и осенью на сапоги надевались от сырости глубокие галоши, закрывающие полностью головку сапога.

Верхней одеждой дворников была поддевка, подпоясанная кумачовым кушаком. Ночью на дежурство дворники надевали огромный, до пят, черный тулуп с большим шалевым воротником. В тулупе они и спали в подворотне. Зимой вместо картуза дворники носили круглую барашковую шапку того же фасона, как у городовых. Донышко шапки было из черной кожи. На шапке была медная пластинка с надписью: «Дворник». Носили дворники также башлыки солдатского образца, светло-коричневого цвета, обшитые серой тесьмой.

В провинциальных городах обязательными для дворника были лишь надпись на фуражке, бляха и фартук, в остальном одежда его была произвольной.

Дворники носили обычно бороду и усы, а волосы подстригали «в скобку». Дворники из бывших солдат бороду брили, стриглись коротко, носили только усы. Дворники-татары голову брили, носили небольшую бороду и усы, на голове тюбетейку из сукна или бархата. Дворники казенных (государственных) зданий носили фуражку с кантами по цвету, присвоенному ведомству, круглую кокарду на тулье, двубортный черный бушлат с металлическими пуговицами, присвоенными ведомству, и с петлицами по цвету ведомства либо из галуна. Надписи на фуражке и блях у них не было.

Женская домашняя прислуга. К прислуге относились: горничные, камеристки, кухарки, судомойки, няни, кормилицы (мамки), экономки, кастелянши; в какой-то мере к домашней прислуге можно также отнести бонн, гувернанток, компаньонок и приживалок.

Горничные убирали комнаты, подавали на стол (если в доме не было лакеев), помогали хозяйке дома, ее дочерям при одевании (если не было камеристок), открывали двери на звонки, провожали детей в школу и из школы, выполняли всякие поручения за пределами дома, сопутствовали хозяйке в поездках. Обычно горничные были молодыми.

Костюм горничных состоял из платья простого фасона, из темной однотонной материи (шерсти или шелка) со стояче-отложным белым накрахмаленным воротничком, отделанным кружевами или рюшками. Иногда воротничок был твердым накрахмаленным, с оборкой. Манжеты были тоже белые и той же фактуры, что воротничок. На голове горничные носили или наколку из белых накрахмаленных кружев или, реже, накрахмаленный чепчик, круглой формы с двумя короткими «хвостами» сзади. Горничные носили специальные фартуки из белого накрахмаленного батиста или тонкого полотна. Фартук имел нагрудник и держался на бретельках. Бретельки и края фартука были отделаны кружевом или прошивками. Встречались фартуки, которые целиком состояли из прошивок. На фартуке были один или два кармана. Фартук был «глубокий», концы его почти сходились на спине, закрывая бока. Носили горничные фартуки и без бретелек. Верх фартука прикалывался к платью.

Летом горничные носили платья из полосатой льняной или хлопчатобумажной ткани (белые в розовую или белые в васильковую полосу, ширина полос каждого цвета была одинакова).

Обувь горничных была черного цвета, иногда лаковая — туфли лодочки или ботинки.

Специальной формы одежды для улицы горничные не имели, часто ходили в подаренных им вышедших из моды вещах хозяйки. Характерной верхней одеждой можно считать для горничных короткие жакеты, темные или черные, из бархата или сукна, отделанного тесьмой. Носили горничные и пелерины. На голове у них был платок или шляпка.

Костюм камеристки (горничной, которая обслуживала только свою хозяйку и не делала другой домашней работы) был в основе такой же, как у горничной, только передник обычно был маленький и без бретелек. Камеристки ре-

же, чем горничные, носили черные платья. Обычно они одевались очень хорошо, модно и зачастую выглядели шикарнее своих хозяек, так как держали их только в богатых домах и они сопровождали свою хозяйку в поездках и путешествиях (в том числе и за границу).

В богатых домах приготовлением пищи занимался повар или даже несколько поваров. В домах «средней руки» держали кухарок. Кухарки высокой квалификации назывались «кухарки на повара». Это значило, что она только варила пищу, а подготовка (чистка, разделка и т. д.) лежала на ее помощнице; для мытья посуды держали специальную прислугу — судомоек.

Костюм кухарки не был так строго регламентирован, как костюм горничной. В основном он состоял из белой или светлой кофточки и юбки произвольного цвета и фасона. Кухарка носила большой белый передник (фартук) на бретельках, отделанных оборками, а на голове белый платок или чепец.

Судомойки носили серый либо полосатый тиковый фартук или фартук из клеенки; их юбки и кофточки были произвольного цвета и материала.

Няни специального костюма не имели. В богатых домах они носили передники и наколки, как у горничных, но менее кокетливые, а обычно ходили в кофтах и юбках, с платочками на голове. Няни обычно были средних лет или пожилые.

Верхней одеждой пожилых нянь служили пальто в талию из темного (или черного) сукна или плюша, обшитые тесьмой. Плечи пальто были приподняты, рукава с буфами по моде конца XIX — начала XX века.

На голове няни носили вязаные платки, на ногах черные штиблеты (ботинки на резинке) или ботинки на пуговицах.

Из костюмов женской прислуги самым живописным был костюм кормилицы (мамки). Он состоял из кокошника, расшитого бисером или искусственным жемчугом, с многочисленными шелковыми лентами сзади. Ленты были голубые и розовые. Голубые — если кормилица кормила мальчика, и розовые — если девочку. Кокошники тоже были из голубого или розового атласа, но иногда и из серебряной или золотой парчи.

Кормилицы носили атласный сарафан, расшитый галуном и украшенный круглыми металлическими ажурными пуговицами, под сарафаном — белую блузку с воротом на вздержке, а на шее — гирлянды бус.

Одеяльца детей, банты на подушечках тоже были голубые или розовые, в зависимости от пола ребенка.

Специальной верхней одежды кормилицы не имели, обычно ходили в плюшевых или бархатных пальто. Иногда пальто тоже были голубые или розовые. Зимой кормилицы часто ходили в бархатных салопах, отделанных дешевым мехом.

Экономки вели хозяйство, производили закупки, управляли остальной прислугой. Чаще всего они служили в домах вдовцов и старых холостяков. Специального костюма они не имели, обычно одевались в строгие закрытые темные или черные платья, носили черные кружевные наколки и шали. На шейной цепочке экономка носила связку ключей, а если была одета в блузку с юбкой, то ключи висели у нее на кожаном поясе.

Кастелянши ведали бельем — столовым и спальным, держали их только в больших богатых домах, в закрытых учебных заведениях (интернатах), гостиницах, больницах. Специального костюма они не имели.

Бонны и гувернантки были воспитательницами и домашними учительницами для детей главным образом дошкольного возраста. Но если детям давали домашнее образование и не отдавали их в школу, то гувернантки оставались до завершения наук. В богатых домах боннами были обыкновенно иностранки (немки, француженки, англичанки), которые обучали главным образом иностранным языкам. Обычно они жили в доме, но были и приходящие.

Гувернантки и бонны одевались по моде, но строго, без кокетства и украшательства. Часто носили блузки с крахмальными воротничками и галстучками, темные юбки, кожаные или бархатные пояса; на шее, на цепочке, висели маленькие часики, иногда часики были приколоты прямо к блузке с левой стороны груди. Гувернантки носили фетровые шляпы, похожие на мужские, без перьев и цветов, но с вуалью и заколотые шпилькой. Этот костюм характерен для пожилых гувернанток. Молодые, особенно француженки, одевались более изящно и женственно.

Одинокие пожилые богатые дамы часто держали в доме компаньонок, функции которых были весьма разнообразны: экономки, личного секретаря и камеристки. Обычно компаньонкой была какая-нибудь обедневшая дальняя родственница или подруга хозяйки; были компаньонки и из взятых на воспитание из приюта девочек. Компаньонки были чаще всего вдовы или старые девы, и костюмы их, так сказать, отражали «гражданское состояние» — вдовы ходили в черном, с черными кружевными шалями, а старые девы — в строгих платьях и блузках. Молодые же компаньонки иногда были очень шикарно одеты, так как их хозяйка по возрасту и здоровью уже не могла сама ходить в «туалетах» и равлекалась, наряжая своих компаньонок.

VII. Детский костюм

Большинство детей дворянства, буржуазии и интеллигенции с семивосьми летнего возраста носили форму гимназий, реальных и коммерческих училищ. Форму носили не только при посещении школы, но и во внешкольное время. В штатском (то есть в неформенной одежде) дети ходили в дошкольном возрасте, а также на даче и при поездках за границу. В торжественных случаях — посещение гостей, детских балов, хождение в театр и т. д.— дети школьного возраста обязательно были в форме, того или иного учебного заведения.

Однако в Петербурге и Москве существовали немногочисленные средние учебные заведения как для мальчиков, так и для девочек, а также еще менее многочисленные со смешанным обучением (таких школ в Петербурге всего было две — Тенишевское училище и Коммерческое училище общества экспериментальной педагогики). Ученики и ученицы этих школ форм не носили, но на занятиях сидели в одинаковых халатах темно-серого или синего цвета, фасон которых заимствован был во французских школах.

Детей дошкольного возраста одевали пестро и разнообразно. Любопытной особенностью детского костюма тех лет было то, что мальчиков до трехлетнего возраста одевали, как девочек, в короткие яркие платьица с квадратным вырезом и боковой застежкой на левую сторону (как в женской одежде), часто украшенные тесьмой или вышивкой. Сходство с девочкой усугубляли длинные волосы, распущенные до плеч или подстриженные «в скобочку». Иногда в волосах мальчика красовался даже бант. К этим платьицам часто надевали широкие пояса из цветной кожи или материала, кружевные воротнички и манжетики, что делало мальчиков еще более пожими на девочек.

Парадным костюмчиком для мальчиков этого возраста было бархатное или белое суконное платьице с кружевными или вышитыми воротником и манжетиками; иногда кружевной воротник и манжеты заменялись крахмальными и к костюму добавлялся шелковый бант — вместо галстука. Парадные платьица обычно делались плиссированные или в складку.

Платья девочек были примерно такого же фасона, но их делали еще из шелка и фактура их была разнообразней. Платьица были в полоску, клетчатые, в горошек. Парадные платьица часто были украшены сплошной вышивкой, многочисленными бантиками, рюшками и воланчиками. Как мальчики, так и девочки носили однотонные носочки разных цветов с яркой каймой и белые или коричневые чулочки.
Обувью служили мягкие ботиночки из цветной или белой кожи, лакированные черные туфельки с одной перемычкой.

Летом дети носили коричневые или белые сандалии с дырочками на носке и с застежкой на одну пряжку. Головным убором мальчиков обычно была широкополая, с загнутыми вверх полями, соломенная шляпа с лентой вокруг тульи, со спускающимися за спину двумя концами. У девочек такая же шляпа была украшена бантами или искусственными цветами. Шляпа держалась на голове при помощи резинки (обычно белой).

Зимой мальчики этого возраста носили меховые шапочки из котика, белки или шленки (короткой, курчавой и мягкой овчинки) с плоским донышком. Девочки носили суконные или бархатные капоры, отделанные мехом, или меховые и к ним отделанные мехом бархатные и суконные муфточки на ленточке или шнурке.

Зимние пальто обычно были суконные, с меховым воротником и меховой отделкой, обязательно двубортные. Шили также пальто из плюша и бархата. Меховые пальто мехом наверх носили редко, и только девочки. Весной и осенью распространены были разного рода суконные и шерстяные пальто с пелеринами, а также пелеринки с капюшонами. Их носили и мальчики и девочки.

После четырех лет костюмы мальчиков и девочек становились отличными друг от друга. Костюм девочек сохранял свой характер, только становился длиннее. На платьях появлялись воланы, отделочные пуговицы и шнуры. Юбки от пояса делались в складки и плиссированные. Летние платья отделывались ажурной прошивкой. На платьях появлялось декольте, закрытое более легким материалом или кружевом.

Распространены были платья, стилизованные под матросский костюм. Матросский воротник был не только синий, но и красный и черный. Сзади на воротнике вышивались якоря. Якорь был и на белой грудке, закрывающей вырез воротника. Спереди, под воротником, часто носили черный галстук. Манжеты соответствовали цветом и отделкой воротнику.

Характерной деталью для невыходных платьев были разнообразные передники с бретель-

ками, часто отделанные кружевами и прошивками и более нарядные, чем само платье. Передники делали из белой, цветной и полосатой шелковой и хлопчатобумажной ткани.

Девочки-подростки носили платья, напоминающие платья их старших сестер и матерей, но гораздо короче и недокольтированные. Носили они также юбки и блузки, а на талии — широкие пояса. Юбки были в складку или плиссированные. Блузки шелковые или батистовые, вышитые или украшенные прошивками. Вместо блузки носили также стилизованные матроски — белые или синие. Костюмов девочки не носили. Это считалось взрослой одеждой.

Пальто им шили приталенные, по фигуре, с разнообразными воротниками и отворотами, часто с накладными карманами и урашенные одной или несколькими строчками по швам, бортам и воротнику.

Распространены были для девочек-подростков двубортные пальто типа бушлата с разнообразными воротниками и большими пуговицами.

Головные уборы девочки становились более разнообразными — соломенные, бархатные или шелковые. Шляпки украшались лентами и искуственными цветами. Перьев на шляпках девочек и подростков не было. Во время первой мировой войны вошли в моду береты из сукна и бархата; носили также и капоры.

Основным видом причесок девочек была прическа с пробором посередине, с одной или двумя косами, украшенными на концах большими бантами из шелковых лент. Носили также и распущенные волосы с одним бантом наверху или двумя бантами по бокам. В торжественных случаях волосы завивали в крупные локоны.

Самой распространенной прической подростков были косы, свернутые в спираль по бокам головы и приколотые шпильками, или косы, уложенные вокруг головы валиком.

Прическу с пучком сзади или вокруг головы (наиболее распространенный тип женской прически того времени) подростки не носили.

Девушки-подростки зимой часто ходили в меховых пальто, крой которых напоминал демисезонные. Наиболее распространенными мехами были белка и котик. К котиковому пальто в годы войны носили белые меховые шапочки и муфты, а иногда и воротники из белого кролика или горностая.

Характерной чертой зимнего костюма были толстые шерстяные рейтузы черного цвета. Подростки носили высокие ботинки типа конькобежных, на шнуровке — черные, коричневые и белые. Встречались ботинки, у которых носок и задник были из лаковой кожи. Каблук был высокий (венский) или такой, как на мужских ботинках. Чулки — коричневые, черные; к белому платью — белые. Шелковых чулок девочки и подростки не носили, их чулки были хлопчатобумажные или фильдекосовые. Девочки после двенадцати-тринадцати лет не носили носков.

При выходных платьях носили туфли-«лодочки» на невысоком каблуке с пряжкой или бантом спереди либо с одной-двумя перемычками.

После окончания гимназии (семнадцати-восемнадцати лет) девушки одевались по «взрослой» моде, но гораздо скромнее замужних женщин как по фасону одежды, так и по материалам и отделке. Декольтированные платья были только бальные.

Мальчики до тринадцати-четырнадцати лет, как правило, носили короткие штанишки (выше колен). Штанишки бывали на манжетике, застегивающемся вокруг ноги, или на резинке, но большей частью без них. Часто по краю штанины нашивались две-три пуговицы. Очень распространены были всякие разновидности матросского костюма как в виде стилизованной матроски, так и в виде курточки с отложным матросским воротничком. В разрез воротничка пришивалась вставка с вышитым якорем либо полосатая, под тельняшку. Наиболее распространены были матроски белого и синего цвета.

Мальчики часто носили разного рода тужурки с поясом и бантовыми складками на спине и бортах. Тужурки шились по образцу охотничьих курток; они были как гладкого (серого, коричневого или зеленого) цвета, так и в клетку.

Пиджаки носили мальчики старше двенадцати лет и только как выходной костюм, иногда с длинными брюками. Выходные костюмчики часто носили с отложным, широким крахмальным воротничком и с галстуком-бантиком. Большое распространение имели костюмы для мальчиков, стилизованные «под кучера», «под черкеса», а во время мировой войны появились костюмчики «под офицера». Кучерской костюм обычно носили дети до десяти лет и преимущественно летом. Костюм этот без изменения перешел из XIX века, когда имел очень широкое распространение и состоял из круглой, поярковой «ямщицкой» шапки с павлиньими перьями вокруг, из шелковой красной или голубой рубашки-косоворотки, из бархатного черного или темно-синего казакина, чаще без рукавов, с косой застежкой, подпоясанного шелковым или кожаным поясом, а также из плисовых шаровар (или шелковых) и из высоких сапожек, черных или цветных. Черкесский костюм вошел в моду после 1905 года. Состоял он

201. На открытии детской площадки в Юсуповском саду. Петербург. 1913 г.

202, 203. В мастерской елочных украшений. Петербург. 1913 г.

201

202

203

из белой курчавой папахи с донышком, украшенным галуном, шелкового голубого или красного бешмета и белой или красной черкески с газырями, обшитой по борту галуном. Костюм дополнял наборный пояс с «настоящим» кинжалом и висящий на спине башлык, белый или цветной, с кистью на капюшоне и обшитый галуном. На поясе иногда висела кавказская кобура для револьвера, а через плечо кавказская шашка. Под черкеску надевали цветные шаровары и высокие сапоги, черные или цветные. Костюм «под офицера» вошел в моду в 1915—1919 году и представлял собой копию офицерского обмундирования — фуражка, китель, гимнастерка, суженки, высокие сапоги, иногда со шпорами. На плечах были миниатюрные погоны прапорщика или подпоручика. Шинель имитировала цвет и крой солдатской шинели. Поверх шинели носили двуплечную портупею с поясом и кобурой. На поясе висела игрушечная шашка. Этот костюм был распространен гораздо меньше, чем предыдущий, но представляет интерес, как непосредственное влияние войны. Редко, но встречались и девочки, одетые в форму сестер милосердия.

Головным убором мальчиков служили кепки-восьмиклинки с пуговицей наверху (она называлась тогда «каскетка»), а также разного рода панамки из соломы и стеганные из сукна, многочисленные виды матросских шапочек и фуражек с козырьком, украшенных лентами с надписями типа «Смелый», «Храбрый», а также «Штандарт», «Полярная звезда» (по названиям царских яхт). Были также ленты с названиями «Новик», «Стерегущий», «Победа» и т. п. На шапках носили цветные помпоны. Ленты часто встречались не только на матросских шапках, но и на панамках и фуражках. Маленькие мальчики носили летом жокейские разноцветные картузики с большим козырьком, шапки из люфты с козырьками спереди и сзади (их называли «здравствуй-прощай»). Зимние шапки (бадейки с ушами, мехом наружу, финки — сверху кожа, внутри мех, наверху меховой помпон) носили редко, так как считалось, что это простонародный фасон. Встречались меховые шапки с длинными ушами, висящими до пояса, сделанные по образцу якутских и тунгусских шапок.

Пальто мальчики носили короткие, двубортные, с прорезными или накладными карманами. Хлястики и разрезы делались редко. В большинстве случаев пальто были гладкие по фактуре, чаще всего синие. Шили их также из материи в елочку и мелкую клетку. Такие пальто имели рукава реглан, крой демисезонных пальто. Шубы шили на вате, а не на меху. Воротники были из котика, кенгуру, каракуля. Мальчикам поменьше ставили на воротник и шапку «обезьяний» мех (нутрию).

Обувью мальчиков служили черные или коричневые ботинки. Поверх чулок для тепла надевали шерстяные гамаши или суконные гетры до колен, застегивающиеся на маленькие круглые пуговички. Носили также кавказские бурки — теплые сапоги из длинношерстного войлока с кожаными головками или белые фетровые валенки, обшитые кожей и на кожаной подошве.

VIII. Костюм учащихся

В царской России форма учащихся как средних, так и высших учебных заведений, как правило, имела полувоенный характер. Сходные по фасону, их фуражки, шинели и гимнастерки отличались цветом, кантами, а также пуговицами и эмблемами.

Одежда учащихся средних и низших (общих и специальных) учебных заведений

К средним учебным заведениям относились гимназии (где преподавали древние языки, то есть латинский и греческий, и выпускники которых могли по окончании поступить в университеты), реальные училища (где древних языков не преподавали, но более подробно проходились физико-математические дисциплины и выпускники которых шли в технические высшие учебные заведения), а также коммерческие училища, в которых преподавали счетоводство, бухгалтерию и другие предметы, дающие возможность выпускникам сразу же идти на работу в торговлю и промышленность или поступать в высшие коммерческие институты.

Форма гимназистов состояла из светло-синей фуражки с тремя белыми кантами и с черным козырьком (особым шиком считалась фуражка мятая, с поломанным козырьком). Эмблема прикреплялась к околышу и представляла собой две серебряные пальмовые ветви, между которыми размещались инициалы города, номер гимназии и буква «Г». Например, 3-я Петербургская гимназия имела следующую монограмму: «СПБ. 3.Г.». 5-я Московская гимназия соответственно: «М5.Г.». Номер гимназии всегда находился в центре монограммы, выделялся по высоте и ширине от букв, указывающих город и гимназию. Фуражки гимназисты носили зимой и летом. Зимних шапок гимназисты и учащиеся других учебных заведений не имели. Летом на тулью надевался чехол из коломянки. Зимой, в холода, надевали наушники из черного фетра на коричневой байке внутри. Наушники надевались прямо на ухо, как чехол, по низу были соединены черной резинкой. Кроме того, в морозы надевали башлык цвета натуральной верблюжьей шерсти, отделанный серой тесьмой.

Каждодневная форма гимназистов состояла из суконной гимнастерки синего цвета (темнее, чем на фуражке) с серебряными выпуклыми пуговицами, подпоясанной черным лакированным ремнем с серебряной пряжкой, на которой были выгравированы те же буквы и цифры, что и на эмблеме (но без пальмовых ветвей). Гравированные буква и цифры были закрашены черной краской.

Брюки у гимназистов были черные, без канта, ботинки черные, на шнуровке. Летом гимназисты носили коломянковые гимнастерки с серебряными пуговицами. Пуговицы были не пришиты, а приклеплены к гимнастерке специальными медными колечками, чтобы можно было легко их снять при стирке.

Старшеклассники обычно ходили не в гимнастерках, а в куртках со стоячим воротником, как у морского кителя. Под куртку надевали крахмальный воротничок. Застежка была боковая, скрытая, на крючках. Поверх куртки надевался пояс. В некоторых гимназиях гимнастерки и куртки приняты были не синие, а серые, брюки же всегда были черного цвета.

Гимназисты имели также выходную форму — мундир, темно-синий или темно-серый, однобортный, с обшитым серебряным галуном воротником того же цвета, что и мундир. Этот мундир носили и с ремнем и без ремня (вне школы). К мундиру надевали крахмальный воротничок. Шинель была типа офицерской, светло-серая, двубортная, с серебряными пуговицами, петлицы синие, в цвет фуражки, с белым кантом и с пуговицей.

Гимназические шинели были холодные и на вате, со стеганой серой подкладкой из шерстяной саржи. Вместо кашне носили черный суконный нагрудник, как у матросов. Ученикам младших

204. Институтка. Петербург
205. Воспитанник императорского училища правоведения (младший класс)
206, 207. Гимназисты
208. Студент. Петербург
209, 210. Воспитанники Александровского лицея. Петербург
211. Студент Петербургского университета
212. Студент Петербургского технологического института
213. На занятиях в химической лаборатории электротехнического института. Петербург. 1890 г.
214. Студенты Петербургского электротехнического института. 1900 г.

204
205

206
207

191

209
210

211
212

213

214

классов разрешался зимой черный каракулевый воротник.

Постоянным атрибутом гимназистов был ранец. Он был из черной кожи, крышка обшита тюленьим мехом серо-зеленого цвета.

Форма реалистов, в общем, была тождественна по фасону и типам костюмов с гимназической; разница была только в цветах. Так, фуражки реалистов были черные, с желто-оранжевым кантом. Эмблема была позолоченная и вместо буквы «Г» на ней значились «РУ» (реальное училище). Шинель реалиста — черная, с позолоченными пуговицами, а петлицы черные, с желто-оранжевым кантом. Черными же были и куртки и гимнастерки. Летом гимнастерки были коломянковые, как у гимназистов. Мундиры у реалистов были черные, с золотым галуном на воротнике; пояс был черный, с позолоченной пряжкой и инициалами «РУ».

Городские школы (четырехклассные училища, находящиеся в ведении городских дум) имели форму, состоящую из черных фуражек с красным кантом и околышем, с черным лакированным козырьком. Эмблема помещалась на околыше и представляла собой позолоченный венок с монограммой «ГУ» (городское училище). Зимой учащиеся ходили в черных косоворотках (застежка на левую сторону) и в черных же брюках. Летом носили коломянковые косоворотки с медными выпуклыми пуговицами без эмблемы. Полагалась им также двубортная шинель (военного покроя) с красными петлицами, но обычно учащиеся — дети бедных родителей, рабочих, мелких служащих — из всей формы носили только фуражки.

Форма коммерческих училищ повторяла форму реальных училищ, с той только разницей, что фуражка имела зеленый кант и околыш, а эмблемой являлся «жезл Меркурия» (эмблема торговли и промышленности). Петлицы на шинелях также были зеленые, а пуговицы, в отличие от пуговиц гимназистов и реалистов, были не гладкие, а тоже с изображением жезла Меркурия. Этот жезл был изображен и на пряжках между буквами «КУ» (коммерческое училище).

Форма студентов высших учебных заведений

Студенты университетов носили фуражки специального «университетского» цвета — светло-зеленого со слегка голубоватым оттенком. Околыш фуражки и кант были из голубого сукна. Летом на фуражки натягивали чехол из белого пике. Каждодневной формой одежды студента университета являлась двубортная тужурка (типа матросского бушлата) с голубыми петлицами, золотыми пуговицами, на которых был изображен двуглавый орел. Эти тужурки были зеленоватые, а летом студенты носили и серые, цвета и фактуры офицерской шинели. Под тужурку надевалась косоворотка белая, цветная или вышитая (так ходило демократическое студенчество), подпоясанная поясом-шнурком с кистями или узким кожаным затяжным ремнем.

Студенты надевали под тужурку крахмальный стоячий воротник и к нему черный бантик-«бабочку». При стояче-отложном воротничке носили обычный галстук черного цвета.

Брюки шили из диагонали того же зеленого цвета, что и тужурки, узкие, без отворотов, часто на штрипках. Обувь носили черную — ботинки на шнуровке или штиблеты; полуботинок (туфель) не носили.

Парадной формой студента университета был сюртук военного образца с высоким стоячим воротником голубого цвета. Сюртук был двубортный, с золотыми пуговицами. По высокому обшлагу шел голубой кант, он шел и по борту и по задним клапанам, на которых были две пуговицы наверху и две внизу.

С левой стороны сюртука имелся маленький кармашек для шпаги, которую полагалось надевать в особо торжественных случаях. Внутри кармашка пришит суконный или замшевый чехол, куда и вставлялась шпага, из карманчика торчала только рукоятка.

Богатые студенты носили сюртук на белой подкладке из шерстяной саржи (как на военных мундирах), отсюда эпитет «белоподкладочник», которым наделяли реакционных студентов. Под сюртук белоподкладочники носили однобортный жилет из такого же материала, как сюртук, с небольшими шалевыми отворотами и двумя нижними карманами. Летом жилет мог быть белым, из пике или ластика; пуговицы на нем были золотые, размера гимнастерочных.

Демократическое студенчество сюртуков почти не носило как из-за дорогизны материала и шитья, так и потому, чтобы не быть похожими на белоподкладочников.

Шинель студентов университета была из касторового сукна того же зеленоватого цвета, как и форма, с голубыми суконными петлицами фасона офицерской шинели. Зимой под шинель подстегивался черный каракулевый воротник.

Белоподкладочники иногда ходили в «николаевских» шинелях. Это была шинель с пелериной и бобровым воротником. Шинель была двубортная, но не застегивалась, а запахивалась. В то же время студенты часто из всей формы носили только фуражку, особенно характерно это было для десятилетия, предшествующего Октябрю.

Окончившие университет получали право ношения университетского значка, представляющего собой белый ромб, в середине которого находился синий эмалевый крест с удлиненной ниж-

ней частью. Вверху на белом ромбе был золотой двуглавый орел. Значки были двух размеров: фрачный — поменьше, его носили в правом лацкане фрака или сюртука, и мундирный — побольше, его носили с правой стороны на груди. После свержения самодержавия некоторое время значки оставались, отламывали только орла.

Форма студентов технических институтов, будучи в своей основе единообразной, все же различалась цветом, кантами, вензелями на контрпогонах, значками (эмблемами) на фуражке и пуговицами; каждый институт в мелочах отличался от другого.

В отличие от университетской формы, тождественной для всех университетов, фуражки студентов институтов имели черный или темно-зеленый бархатный околыш, темно-зеленую тулью и три канта цвета, присвоенного данному институту.

Тужурки и брюки студентов институтов были такого же покроя, как и тужурки университетских студентов. Цвет их был большей частью черный, но были и исключения: студенты, например, института путей сообщения имели тужурки и брюки зеленоватого цвета. Воротники тужурок были черные или темно-зеленые, в зависимости от института. На бархатных воротниках петлиц не носили, а только эмблемы на нижних уголках воротника.

Вместо бархатных воротников студенты некоторых институтов носили бархатные петлицы с кантом цвета, присвоенного институту, и с эмблемой, помещенной в петлице. Воротники были обшиты кантом. На институтской тужурке носили контрпогоны, представляющие собой почти квадрат из бархата, обшитого со всех сторон кантом с позолоченным или посеребренным вензелем-инициалом того царя, имя которого носил институт. Вензель и пуговицы всегда были одного цвета (золотые или серебряные).

Сюртук студентов института имел вид чиновничьего сюртука. Он был открытый, с отворотами, носился обязательно с крахмальным воротничком, черным галстуком (бантиком) и крахмальными манжетами; сзади были прорезные вертикальные карманы, поверху и низу которых было по пуговице; на обшлагах были две маленькие пуговицы того же чекана (рисунка), что и большие.

Шинели были того же фасона, что и у студентов университета, но черные. Бархатных воротников на шинелях не носили, были только петлицы. Эмблема и чекан на пуговицах институтской шинели были тождественны.

О некоторых различиях в форме основных технических институтов дает представление следующая таблица:

Название	Эмблема и пуговицы	Канты	Вензеля на контрпогонах
Технологический институт	Скрещенные гаечный ключ и молот	Синий	—
Институт путей сообщения	Скрещенный якорь и топор, посеребренные	Салатно-зеленый	+ А I
Институт гражданских инженеров (строительный)	Скрещенные топор и лопата, позолоченные	Темно-красный	+ Н I
Горный институт	Скрещенные два молота, позолоченные	Синий	Е
Электротехнический институт		Желтый	А Ш
Политехнический институт	Скрещенные две латинские буквы Р. (П), позоленные	Зеленый	—

Помимо высших учебных заведений существовали так называемые привилегированные учебные заведения. Это были одновременно и средние и высшие учебные заведения, являющиеся интернатами. Учились в них лишь дети аристократии и верхов военной и гражданской бюрократии. Окончившие эти учебные заведения, как правило, могли рассчитывать на быструю и легкую военную или гражданскую карьеру.

К этим заведениям относились: Пажеский корпус, выпускавший офицеров для гвардии; Александровский лицей, выпускающий чиновников для ведомств министерств иностранных дел, внутренних дел и императорского двора, а также училище правоведения, выпускавшее своих воспитанников для органов юстиции.

Формы лицеистов и правоведов были почти тождественны — отличались только цветом кантов и эмблемами. Головным убором у лицеистов была черная фуражка с красным кантом по тулье и красным околышем; у правоведов, соответственно, вместо красного цвета был зеленый.

Каждодневной формой были тужурки и брюки с кантом. На тужурке петлицы в цвет канта и околыша. Шинели были черные, с петлицами. Зимой лицеисты и правоведы (старших классов) ходили в «николаевских» черных шинелях с пелеринами и с бобровыми воротниками. Обязательно носили белые замшевые перчатки, а также шпагу. Парадный мундир их был однобортным с очень высоким воротником и обшагами красного или зеленого цвета. По воротнику шло шитье. На обшлагах пуговицы размещались горизонтально по верху обшлага. Парадным головным убором лицеистов и правоведов была черная фетровая двууголка. При парадной форме правоведы и лицеисты носили вместо ботинок лаковые штиблеты на резинке.

IX. Одежда дворян и бюрократии

Царская Россия была страной мундиров. Мундир являлся своеобразным иероглифом, по которому можно было понять, на какой ступеньке социальной лестницы стоит его обладатель, какова его значимость, где и кем он служит. Само наличие мундира, хотя бы самого простого и скромного, автоматически ставило его обладателя выше простонародья.

От сановников и генералов до восьмилетних гимназистов-приготовишек — все представители привилегированных сословий (состоящие на государственной службе, учащиеся и другие) имели свою узаконенную форменную одежду. Узаконенную и в буквальном и в переносном смысле слова. В конце огромных фолиантов законов России были помещены многочисленные таблицы с изображением всевозможных военных и гражданских мундиров, сопутствующих им деталей с указанием натуральных размеров, а также с подробнейшим описанием, как и когда носить ту или иную форму, какого она цвета, из чего она шьется и какую имеет отделку. Казалось бы, что общего между законами и формой железнодорожных кондукторов или учащихся училища виноградарства! Общим, оказывается, было то, что любая форма, ее детали имели «высочайшее» утверждение, то есть лично были утверждены царем, и тем самым приобретали силу закона, которого нельзя было отменить или изменить без царского «высочайшего» соизволения [4].

Придумывание и введение новых форм, особенно военных, было любимым занятием российских императоров, каждый из которых свое вступление на престол ознаменовывал в первую очередь новыми образцами мундиров, не задумываясь при этом, во что это обходится государству. Каждый полк, каждое ведомство, каждое учебное заведение имело свою форму, к тому же в нескольких вариантах: парадную, каждодневную, выходную, зимнюю, летнюю. К примеру, офицеры гвардейской тяжелой кавалерии имели по пять-шесть перемен формы. По три перемены имели рядовые солдаты этих же полков.

Стоимость парадного, расшитого золотом мундира сенатора была равна месячному окладу министра. Государство выделяло вновь назначенным сенаторам и другим сановникам специальное ассигнование на «постройку мундира».

Страсть к мундиру охватывала порой и тех, кому он и не был положен,— купцов, фабрикантов. Если их предки в начале и середине XIX века довольствовались скромными купеческими кафтанами, то они в конце XIX—начале XX века хотели импонировать окружающим, да и самим себе, не только капиталами, но и расшитым мундиром, двууголкой и плюмажем и шпагой. Они вносили крупные пожертвования, исчисляемые сотнями тысяч, а иногда и миллионами в фонд «Ведомства императрицы Марии», которому приданы были приюты, дома для престарелых, больницы и прочие «богоугодные заведения» [5]. Взамен получали право на ношение весьма эффектного, напоминавшего придворную форму, мундира этого ведомства. Уровень великолепия мундира прямо соответствовал размеру пожертвования. Каждый купец, не желая иметь мундир хуже, чем у его конкурента, «соревновался» в суммах взносов. «Ведомство императрицы Марии» процветало. Остается только неизвестным, что, в конце концов, перепадало из этих пожертвований опекаемым детям, старикам и больным. На пуговицах этого богоугодного ведомства был изображен не обычный двуглавый орел, а пеликан, кормящий своих птенцов,— символ отеческой любви. Но дух незабвенного Земляники, попечителя богоугодных заведений из гоголевского «Ревизора», сохранялся среди чиновников ведомства и в XX веке, и они прочно держали одно из первых мест по взяточничеству и хищениям в общероссийском масштабе.

Парадные формы, которые по идее символизировали мощь и величие империи, исчезли за несколько лет до революции. Их ликвидировала первая мировая война, нанесшая серьезные удары по «колоссу на глиняных ногах», каким оказалась Российская империя. В последующий период правящая верхушка стала подчеркивать не свою обособленность от народа, а, наоборот, свое «слияние» с ним. Сам «самодержец Всероссийский» надел солдатскую гимнастерку. Но история уже ускоряла свой бег — приближался 1917 год.

Самым высшим привилегированным сословием Российской империи к началу XX века оставалось дворянство, из которого комплектовались придворные, верхи бюрократии, командный состав армии и флота [6].

Военные придворные звания и знаки отличия

Для полковников и генералов, принадлежащих к высшей аристократии, преимущественно титулованных (графы, князья), а также для членов царской семьи (великих князей) были установлены следующие придворные звания: флигель-адъютант, генерал-майор свиты его императорского величества и генерал-адъютант. Полковник, имеющий звание флигель-адъютанта, носил погоны не того полка, к которому он принадлежал, а специальные погоны, присвоенные царской свите. Погоны были серебряные, с вышитыми на них золотом монограммой Николая II и короной; канты были белые, суконные. Погон был на красном суконном подбое (подкладке). Погон был поэтому несколько шире обычного, именно за счет этой полоски. Просветы — красные.

Флигель-адъютант помимо специальных погон носил на правом плече плетеный серебряный шнур — аксельбант с двумя серебряными наконечниками, на которых имелись позолоченные двуглавые орлы и царские вензеля. В наконечниках иногда находились автоматические карандаши.

Аксельбант пристегивался под правым погоном специальным хлястиком из красного приборного сукна на пуговицу, находящуюся под нижним краем погона. Передний (более короткий) плетеный конец аксельбанта прикреплялся серебряной ниткой к третьей пуговице кителя, а задний плетеный конец — на вторую пуговицу кителя. В петлю на аксельбанте продевалась рука.

На гимнастерках концы аксельбанта крепились произвольно, но так, чтобы задний конец был укреплен выше переднего. На шинели аксельбантов не носили.

Следующим по званию был генерал-майор свиты его величества. Он имел военный чин генерал-майора и носил серебряные генеральские погоны с вензелями и кантами, как у флигель-адъютанта, и такой же аксельбант.

Высшим военно-придворным званием был генерал-адъютант. Этого звания мог быть удостоен генерал в чине генерал-лейтенанта или полного генерала. Погоны генерал-адъютант носил соответственно своему чину, так же как и вице-адмиралы и адмиралы. Во всем остальном их ничто не отличало от генерал-майора свиты, в том числе и аксельбанты.

В тех случаях, когда флигель-адъютант, генерал-майор свиты или генерал-адъютант только носили это звание, но фактически не состояли в свите царя, погоны у них были такими, какие присвоены их полкам и корпусам (то есть они могли быть и золотые; в таком случае вензель был серебряным, а аксельбант — золотым).

Если генерал-адъютант был вице-адмиралом или адмиралом, то на его адмиральских погонах имелся вышитый серебром вензель Николая II с короной и он носил золотой аксельбант.

Петлицы на шинелях членов свиты были красные с белым кантом. Фуражки они носили по присвоенной им основной форме.

Чиновники и их мундиры

Лица, состоящие на государственной службе в министерствах, ведомствах и других гражданских учреждениях, имеющие тот или иной класс в соответствии с Табелью о рангах, введенной еще Петром I, назывались чиновниками [7].

Слово «чиновник» происходит от глагола «чинить» (то есть делать, устраивать, распоряжаться, чинить суд и расправу) и от слова «чин», что, по Далю, означает «степень жалованного служебного значения, достоинства, класса».

Всего в Табели о рангах было четырнадцать классов. На самой низкой, четырнадцатой ступеньке служебной иерархий стоял коллежский регистратор, а на самой высшей, первой — канцлер империи (гражданское звание, соответствующее фельдмаршалу). Лиц, имевших это звание, в царствование Николая II в России не было. Последним канцлером империи при Александре II был министр иностранных дел князь А. М. Горчаков (лицейский товарищ А. С. Пушкина). Практически самое высокое звание имел действительный тайный советник. Табель о рангах гражданских чинов соответствовала табели военных чинов (это давало возможность коллежскому асессору Ковалеву, герою гоголевского «Носа», называть себя майором). Чиновники до коллежского асессора были приравнены к обер-офицерам, от коллежского асессора до статского советника — к штаб-офицерам, от действительного статского советника до канцлера империи — к генералам. Следует заметить, что статские советники или статские генералы уже именовались не чиновниками, а сановниками. Чиновники, как и военные, титуловались в соответствии с чином (классом): «ваше благородие», «ваше высокоблагородие», «ваше превосходительство» и «ваше высокопревосходительство» [8].

В отличие от офицерства чиновники были более дифференцированы как по социальному происхождению, так и по образовательному цензу. Между коллежским регистратором, окончившим зачастую только церковноприходское училище, и тайным советником, окончившим лицей или училище правоведения и принадлежавшим к титулованному дворянству, разница была больше, чем, скажем, между подпоручиком и генералом.

Непроходимая социальная пропасть лежала между коллежским регистратором и тайным со-

ветником. Случаи, когда скромный коллежский регистратор доходил до высших степеней чиновничьей иерархии, были крайне редки.

Вот примерно как это могло бы происходить. Молодой человек, выходец из мелкой купеческой среды или духовенства, реже из мещанства, поступает на службу писарем в какое-нибудь государственное учреждение, а затем сдает экзамен на «чин» и получает звание коллежского регистратора. Через несколько лет чиновник получает следующее звание и награждается орденом Станислава 4-й степени. Этот орден давал «личное» дворянство — обладатель ордена становился дворянином, но его семья оставалась в прежнем сословии. По мере успешного продвижения по службе чиновник повышался в классе и, получив орден св. Владимира 4-й степени, становился дворянином «потомственным», что означало уже юридическое включение его и его потомства в ряды правящего класса — дворянства и открывало дорогу к самым высоким постам.

В большинстве случаев верхушку чиновничества составляли питомцы привилегированных учебных заведений (лицей, училище правоведения), выходцы из среды потомственного и титулованного дворянства.

К чиновникам были приравнены и учителя средних учебных заведений, профессура и представители высших учебных заведений, инженеры, врачи, находящиеся на государственной службе. Все они имели соответствующие звания и носили на форменных фуражках круглую чиновничью кокарду. Женщины, состоящие на государственной службе, званий не получали, но могли быть награждены орденами [9].

Представители высшего чиновничества (министры), их «товарищи», (то есть заместители), начальники ведомств и департаментов (губернаторы) часто имели придворные звания: камер-юнкер, камергер, гофмейстер, шталмейстер, егермейстер [10].

Покрой и фасоны гражданской форменной одежды в общем были схожи с военной формой, отличаясь от нее только цветом материала, выпушек (кантов), цветом и фактурой петлиц, фактурой и рисунком плетения погон, эмблемами, пуговицами — словом, деталями.

Такое сходство становится понятным, если вспомнить, что за основу всех гражданских форм была принята форма военных чиновников, бывшая сама лишь разновидностью офицерской. Если регламентируемая военная форма в России ведет свое начало с эпохи Петра I, то гражданская форма возникла гораздо позднее, в первой четверти XIX века. После Крымской войны, в конце 1850-х годов, как в армии, так и в гражданских ведомствах были введены новые формы, покрой которых более соответствовал моде тех лет и был удобнее. Некоторые элементы предшествующей формы сохранились лишь на парадной одежде (рисунок шитья, двууголки и т. п.).

К началу XX века значительно возросло число министерств, ведомств и управлений, появились новые должности и специальности, которых не было при установлении существующих форм. Возникла масса централизованных и ведомственных приказов и циркуляров, вводивших новые формы, устанавливающие зачастую противоречивые правила и фасоны.

В 1904 году была предпринята попытка некой унификации гражданской форменной одежды по всем министерствам и ведомствам. Правда, и после этого вопросы гражданской форменной одежды оставались крайне сложными и запутанными. Формы, введенные в 1904 году, просуществовали вплоть до 1917 года, более не подвергаясь изменениям.

Головные уборы различались по фасону, цвету выпушек и петлиц, цвету и рисунку эмблем и чекану пуговиц, цвету воротников и обшлагов на полукафтанах, цвету и рисунку шитья (золотого или серебряного), рисунку плетения на погонах.

Внутри каждого ведомства к тому же форма видоизменялась в зависимости от класса и разряда (чина) ее носителя. Так чиновников низших классов — от коллежского регистратора (XIV класс) до надворного советника (VI класс) — помимо знаков различия отличали друг от друга рисунки и размещение шитья на парадном мундире.

Существовала еще дифференциация в деталях фасона и расцветках формы между разными департаментами и управлениями внутри ведомств и министерств. Разница же между служащими центральных ведомств и служащими тех же ведомств на периферии (в губерниях) овеществлялась лишь в пуговицах. Служащие центральных ведомств имели пуговицы с чеканным изображением государственного герба, то есть двуглавого орла, а служащие на местах носили губернские пуговицы, на которых в венке из лавровых листьев изображался герб данной губернии, над ним корона, а под ним — ленточка с надписью «Рязанская», «Московская», «Воронежская» и т. п.

Верхняя одежда (пальто, плащи, шинели, накидки) чиновников всех ведомств была черного или черно-серого цвета (маренго).

Меховые воротники на пальто были из черной мерлушки, а на шинелях с пелериной («николаевских») — бобровые. Зимние шапки из черной мерлушки с суконным донцем в цвет сюртука; такого же цвета были тульи фуражек.

Полукафтан (парадный мундир), сюртуки, мундирный фрак (вицмундир) и брюки к ним были обычно черно-зеленого (бутылочного) цвета. Только для чиновников министерства просвещения и Академии художеств был установлен тем-

но-синий цвет. Тужурки (их еще называли дорожным полупальто), кителя и брюки к ним были черные или черно-серые. Летом носили сюртуки, жилеты, а иногда и брюки из рогожки (отбеленного или небеленого полотна) или из ластика (плотная хлопчатобумажная ткань с диагоналевой выделкой). Из этого же материала шили чехлы на фуражки.

Обувь составляли черные штиблеты или ботинки на шнуровке. Высокие сапоги разрешалось носить только при тужурке, кителе или сюртуке — во время пребывания в командировке.

Одежду дополняли: крахмальный воротник (стоячий или стояче-отложной), крахмальные манжеты, а также черный бантик в обычные дни, белый — в праздничные.

Знаки различия по чинам были едиными для всех министерств и ведомств. Их прикрепляли к петлицам или на погоны — в тех случаях, когда таковые были присвоены *. Петлицы имелись на всех видах форменной одежды, кроме полукафтана и мундирного фрака. Они имелись также на внутренней стороне мехового воротника и накидки. На петлицах была эмблема министерства или ведомства, такая же, как на фуражке, но меньшего размера.

У лиц, не имевших классного чина, но состоявших на государственной службе, были «чистые» суконные петлицы с кантами и эмблемой, а у всех классных чинов — петлицы из бархата. На всех разновидностях формы, кроме сюртуков, были петлицы с большой пуговицей. При наличии погон петлицы могли быть как с обозначением чина, так и гладкими, с одной только эмблемой.

Ношение той или иной разновидности формы строго регламентировалось общими и ведомственными правилами. Лицам, не имевшим классного чина, во внеслужебное время форму носить запрещалось. Классные чины во внеслужебное время ходили в форме (обязательно при шпаге) или в партикулярном платье — по желанию.

В присутствие, то есть на службу, чиновники должны были являться в будничной форме — в сюртуках или тужурках.

В ряде случаев чиновники были обязаны приходить в праздничной форме. К таким случаям относились: торжественные приемы у начальства (при вступлении его на пост или уходе), представление высшему начальству, получение награды или нового назначения, отъезд в командировку или в отпуск и возвращение из них.

Отставные чиновники имели право носить форму, но без погон. Их заменяли петлицы с обозначением класса.

Во время первой мировой войны, когда нарушились строгие правила ношения военной формы, чиновники тоже перестали соблюдать свои правила. Чиновники высоких рангов (включая министров) стали надевать в присутствие партикулярную одежду — визитки и пиджаки. Парадная форма вышла из употребления. Стали носить фуражки при штатской одежде и т. д. Перестали носить двууголки, шпаги при сюртуках, да и сами сюртуки заменялись по большей части кителями и тужурками. В то же время плащи, пальто, форменные фуражки продолжали носить вплоть до Октябрьской революции и даже после нее (сняв только с фуражек царские гербы и кокарды, а с шинелей и тужурок петлицы). Эмблемы технических служб — топор и якорь у железнодорожников, различные молотки и гаечные ключи на фуражках — сохранялись и после Октябрьской революции.

Большинство ведомств и министерств имело специальную парадную форму, но только для лиц с IV класса и выше, то есть от имеющих звание действительного статского советника до действительного тайного советника. Остальные чиновники в торжественных случаях носили обычную форму, но с некоторыми дополняющими деталями.

Парадной формой чиновников был полукафтан — однобортный мундир с застежкой на девять пуговиц и брюки с лампасом из галуна (на-

215. Петербургский сановник
216. Коллежский асессор. Петербург
217. Коллежский секретарь. Петербург. Начало XX в.
218. Петербургский чиновник
219. Группа городских голов из восточных городов России. Петербург. 1913 г.
220. Чиновник в «николаевской» шинели
221, 222. Петербургские чиновники
223. Камер-юнкер императорского двора. Петербург
224. Группа петербургских чиновников
225. Чиновник морского ведомства в чине статского советника. Петербург
226. Камер-юнкер императорского двора. Петербург. До 1915 г.
227. Петербургский чиновник
228. Шталмейстер двора его величества. Петербург
229. Камергер императорского двора, начальник Николаевской железной дороги. Петербург. 1913 г.
230. Петербургский чиновник. До 1915 г.
231. В дежурной комнате Петровского отдела Петербургского пожарного общества. 1908 г.
232. Техник связи с переносным телефонным аппаратом «Л. М. Эриксон и К°»
233, 234. Телефонные аппараты

* Гражданские погоны назывались еще продольными плечевыми знаками различия.

215
216

217
218

220
221

222
223

224

225
226

227
228

229
230

231
232

233
234

чиная с IV класса). В некоторых министерствах и ведомствах носили к парадному мундиру брюки в цвет полукафтана, в других — брюки из белого сукна (также с лампасами из галуна).

Чиновники до IV класса носили с парадным мундиром двууголку, а с IV класса — двууголку, расшитую золотом или серебром, в зависимости от цвета шитья.

При парадной форме надевали все ордена, орденскую ленту (старшего из имеющихся орденов), шпагу и белые перчатки, а также белый жилет, но он не был виден.

Полукафтан чиновников различных классов отличался рисунком и размещением шитья на воротнике, обшлагах и полах. Внутри министерств различные департаменты и управления имели свой рисунок шитья. Он менялся и по территориальным признакам. К примеру, каждый учебный округ министерства народного просвещения имел свой рисунок шитья.

Нетрудно представить, какое огромное разнообразие типов парадных мундиров бытовало, если на их виде сказывались: а) принадлежность министерству или ведомству; б) принадлежность департаменту; в) местонахождение (город или округ); г) класс (чин) носителя мундира.

Для лиц, занимающих должности ниже IV класса (до чина статского советника), парадная форма состояла из открытого сюртука, застегнутого на четыре пуговицы, жилета, брюк, галстука-бантика, крахмального воротничка, крахмальных манжет, фуражки или черной фетровой двууголки, шпаги.

При этом варианте обязательно надевались белые перчатки, ордена и медали.

Чиновники VI и V классов надевали к праздничному варианту белые галстуки и жилеты.

Другим видом праздничной формы был мундирный фрак. Его имели право носить лица не ниже VI класса. Никаких знаков различия на нем не было. Мундирный фрак носили как с черным, так и с белым галстуком. При белом галстуке носили белый жилет. Из орденов — только звезды и шейные кресты.

Все должности в государственном аппарате царской России были расписаны по классам.

Чиновники IV, III и II классов (от действительного статского советника до действительного тайного советника) представляли верхушку царской администрации и занимали самые высокие должности. Как правило, должность, скажем, II класса должен был занимать чиновник этого класса, но в практике на верхних ступеньках административной лестницы встречались и отклонения от этого правила как в ту, так и в другую сторону. Например, чиновник V класса (статский советник) мог замещать должность IV класса. В этом случае он, не будучи генералом, занимал генеральскую должность и носил генеральскую форму.

От прочих чиновников статского советника отличали следующие особенности их форменной одежды:

1. Рисунок и размещение шитья на парадных полукафтанах, брюках с лампасом и двууголках.

2. Пальто и плащи у них были с выпушками присвоенного данному ведомству цвета. Борта (отвороты) пальто и плащей шили из приборного сукна, в цвет выпушкам; того же цвета была подкладка.

3. Донышко зимней мерлушковой шапки было из приборного сукна в цвет кантов. По окружности донышка и крест-накрест шел узкий галун в цвет пуговиц (золотой или серебряный).

4. Сюртуки статских генералов имели выпушки по воротнику, обшлагам и «листочкам», а у тужурок помимо выпушек имелись и борта из приборного сукна.

Статские советники, занимавшие должности министров или их заместителей, а также главноуправляющих ведомствами и департаментами или их заместителей, носили погоны на всех видах форменной одежды, кроме парадных мундиров и мундирных фраков. Погоны высших чинов министерства были шире обычных чиновничьих.

Каждое министерство, ведомство, департамент имели свой особый рисунок плетения и свою фактуру погон. Причем в некоторых министерствах и ведомствах погоны носили все чиновники независимо от класса, в большинстве же министерств они были только у высших чинов. Но и тут было много путаницы и несоответствий, не поддающихся кодификации.

К примеру, чиновники некоторых министерств, не носившие обычно погон, при выезде в командировку их надевали (чиновники Переселенческого управления); чиновники министерства иностранных дел (служащие посольств и консульств) носили погоны только за границей.

В министерстве юстиции погоны были у прокуроров и следователей, а также у чиновников Межевого (землемерного) управления, не говоря уж о чиновниках Главного тюремного управления, которые вообще носили военную форму.

Погоны служили привычным символом власти, подымающим их носителей над обычными людьми. Следует добавить, что до 1904 года чиновники всех министерств и ведомств, включая даже учителей, носили поперечные погоны, такие же, как у студентов технических институтов, а продольные погоны были только у чиновников военного и морского министерств.

X. Купеческая одежда

В начале XX века купечество (в особенности петербургское и московское) значительно отличалось своим жизненным укладом от купцов — героев пьес А. Н. Островского. Естественно, это нашло свое выражение и в костюмах.

Долгополые сюртуки, сапоги бутылками, косоворотки уступили место фракам и визиткам, модным костюмам, часто сшитым за границей, а жены купцов затмевали зачастую своими парижскими туалетами и шляпами светских дам.

Все же специфическая купеческая манера одеваться не исчезла совсем и продолжала существовать рядом с тем новым, но, так сказать, на обочине. Верными старой манере одеваться остались провинциальные купцы, в особенности из старообрядцев (они и в столицах в большинстве сохранили свой уклад и традиционный купеческий костюм). Сохранился он и у средних и мелких лавочников, которые в начале XX века одевались так, как богатые купцы в последней четверти XIX века.

Своеобразие купеческого костюма заключалось главным образом не в том, что купцы носили какие-то особые вещи, которых, кроме них, не носил никто, а в сочетании вещей. Некоторые из них были заимствованы у «господ», другие имели крестьянское происхождение, но, конечно, рознились от своих народных образцов качеством и дороговизной.

Традиционный купеческий костюм в этом смысле исключительно ярко отражал социальное положение купечества, вышедшего из крестьянства и добравшегося до положения экономически господствующего класса.

«Господские» костюмы, вошедшие в купеческий обиход, подверглись своеобразной стабилизации, несмотря на то, что мода приносила все новые изменения фасонов (скажем, сюртуков — менялись фасоны отворотов, количество пуговиц и т. д.).

Купцы носили сюртуки, модные в 70—80-х годах XIX века,— длинные, застегивающиеся на четыре пуговицы по борту (в начале XX века в обиход общей моды вошли сюртуки с застежкой на три и даже две пуговицы); лацканы их были без шелка, хотя по моде тех лет требовалось покрывать их шелком, целиком или наполовину — от петли лацкана. Зачастую купеческие сюртуки (опять-таки по моде 70—80-х годов XIX века) обшивались по вороту, отворотам, бортам и обшлагам (если обшлага были отрезные) тоненькой шелковой тесьмой.

Купеческие сюртуки шились из черного крепа или кастора; встречались сюртуки синие, серые из блестящей шерстяной ткани — альпака или люстрина. Серые сюртуки носили преимущественно летом. Синие сюртуки иногда шили из фактурного материала с выделкой в рубчик или диагональ.

Пуговицы на купеческих сюртуках были очень маленькие, размером в двухкопеечную монету, плоские, обтянутые матовым шелком. Под шелком была скрыта пуговица из вороненной (чтобы не ржавела) стали, пришивавшаяся за ушко. Пуговицы на бортах, сзади и на обшлагах были одного размера. При отрезных обшлагах обычно нашивались три пуговицы, при цельных рукавах две, но носили сюртуки и без пуговиц на рукавах.

Жилеты при сюртуках носили с глухим вырезом — однобортные или двубортные, из того же материала и с такими же пуговицами (шесть-семь штук по борту), что на сюртуке. Если сюртук был обшит тесьмой, то тесьмой обшивался и жилет по вороту, отворотам (если они были) и карманам.

Очень распространены были штучные жилеты (сшитые из другого материала, чем сюртук). Штучные жилеты были суконные, шелковые, бархатные, с тисненым узором. Обычно они были цветные, украшенные орнаментом или цветами, вышитыми или вытканными. Фасоны у них были такие же, как у черных жилетов. Шелковые и бархатные штучные жилеты почти всегда обшивались тесьмой, и их носили с сюртуками, не имевшими тесьмы. Пуговицы на штучных жилетах были другие, чем на сюртуке — круглые или плоские стеклянные, роговые или перламутровые.

Промежуточной формой между сюртуками и поддевкой — основными видами купеческого костюма — была так называемая сибирка. Сибирка спереди напоминала сюртук, но застегивалась наглухо, а воротник имела отложной; застегивалась она, как поддевка, на левую сторону на крючках. Пуговицы ее были нашиты, как на сюртуке, но играли лишь декоративную роль. Сзади сибирка имела сборы, как на поддевке. Иногда вместо сборок были на ней плоские складки по бокам разреза и две пуговицы, как

235. Купеческий мундир старшины гильдии
236. Приказчик с женой. Петербург
237. Кандитат коммерции, мясник-оптовик
238. Купец

235
236

237
238

на сюртуке или бекеше. Реже на сибирке была обычная сюртучная спинка. Сибирку шили из черного или синего крепа или сукна.

Как сюртуки, так и сибирки иногда делали на теплой стеганой подкладке, что давало возможность носить их как верхнюю одежду.

Поддевка имела небольшой стоячий воротник, косые или прорезные карманы, застегивалась на левую сторону на крючки, сзади имела сборы или складки. При этих складках иногда делали разрез на спине. Шили поддевки из черного или синего сукна. Летом щеголи из молодых купцов носили также белые суконные поддевки.

Поддевки носили и как верхнюю зимнюю одежду. В этих случаях их делали на стеганой теплой подкладке и отделывали мехом по вороту, борту, карманам и разрезу сзади. Иногда на такой зимней поддевке делали маленькие нагрудные накладные карманы типа газырей с меховой отделкой по верху кармана.

Под сюртук и поддевку купцы одевали белую или светлых расцветок косоворотку. Они были полотняные, шелковые или атласные, иногда вышитые по вороту, подолу и рукавам.

Внутри помещения (дома, лавки, трактира) чаще всего носили косоворотку с одним жилетом, обязательно украшенным толстой часовой цепочкой из золота, серебра или томпака (сплав меди и цинка, похожий внешне на золото) с висящими на ней брелоками.

Рубашку носили навыпуск, не заправляли ее в брюки, подпоясывались шелковым шнуровым поясом с кистями или тканым узеньким поясом из шерсти; на концах его также были кисти; завязка пояса была с левой стороны.

К сюртуку купцы изредка надевали крахмальный невысокий, отложной воротничок. Галстуком служил шнурок с помпонами или черный бантик, концы которого прятались под воротничок.

Брюки купцы заправляли, как правило, в сапоги. Брюки были широкими — типа шаровар, с напуском на голенище. Их шили из крепа или сукна в цвет сюртука. Часто носили брюки в мелкую клеточку или в полоску — более светлых расцветок, чем сюртук или поддевка. Встречались также шаровары из плиса (сорт бархата на хлопчатобумажной основе) с небольшим ворсом. Плисовые шаровары носили преимущественно молодые купцы или приказчики.

Купцы носили и пиджаки, только двубортные, с застежкой на три или четыре, а то и пять пуговиц по борту, с глухим вырезом, напоминающие своим видом бушлат. Сзади пиджак имел разрез. Карманы были только нижние. Если владелец пиджака носил очки, то слева доверху делали полукруглый прорезной карман, специально для футляра очков. Пиджаки носили черные или темно-синие, из крепа, сукна или диагонали. Брюки были из того же материала.

Летом носили светло-серые или светло-коричневые пиджаки того же фасона или однобортные из люстрина либо альпака. Пуговицы на пиджаках были либо такие же, как на сюртуках, либо обычные роговые или кокосовые, с пришивкой сквозь пуговицу. На пиджаках из альпака пуговицы часто были перламутровые. Носили летом и чесучовые пиджаки, однобортные, с перламутровыми пуговицами. Под пиджаки из люстрина, альпака или чесучи надевали жилеты из такого же материала. Брюки к таким пиджакам носили шерстяные.

Пальто купцы носили из черного или синего драпа или сукна, двубортные, с застежкой на пять-шесть пуговиц по борту и с отложным воротником, часто покрытым бархатом. Пальто были длинные, сзади имели разрез.

Как уже говорилось, теплые сюртуки или поддевки часто заменяли демисезонные пальто.

Некоторые носили тяжелые долгополые шубы, обычно на хорьковом, енотовом или лисьем меху. Верх шубы делался из кастора черного или темно-синего цвета или из сукна. Воротники у богатых купцов были бобровые, часто шалью. Распространены были воротники из черного каракуля или скунса. По борту шубы были пришиты язычки с петлями, при помощи которых шуба застегивалась. Часто шубы имели меховые обшлага из того же меха, что и воротник.

Зимним головным убором купцов служили меховые шапки. Наиболее распространенными фасонами были круглые бобровые шапки с донышком из котика или бархата. Под такую шапку приделывали часто лаковый козырек (как на фуражке). Носили также черные каракулевые шапки фасона «гоголь» и шляпы с полями, целиком сделанные из черного каракуля, а также каракулевые шапки, напоминающие современные «москвички». Реже встречались лисьи круглые шапки. Их носили преимущественно в провинции и не очень богатые купцы. Основным головным убором служил черный или темно-синий картуз из крепа или диагонали с матерчатым или черным лаковым козырьком. Купеческий картуз имел канты (для жесткости) из того же самого материала. По нижнему канту околыша шел шелковый шнурок. При ветреной погоде этот шнурок крепился за петлю к пуговице сюртука или пальто.

Летом носили белые картузы из сукна или чесучи, а также серые из люстрина или альпака. Эти картузы были преимущественно с матерчатым козырьком. Картузы, в отличие от фуражек, подбородных ремешков не имели.

Фасоны купеческих сапог были достаточно разнообразны, общим был прямой срез голе-

ница и то, что оно было гораздо шире, чем у обычных высоких сапог. Сапоги были мягкие и на твердом футере (подкладка), шевровые или лаковые. Носили также сапоги с «гамбургскими передами» (лаковые голенища и матовые головки); носили и «крюки» — сапоги, у которых головки не были пришиты, а составляли единое целое с голенищами, для этого головки специально вытягивались на фабриках.

Сапоги имели множество складок (гармошку). Чем больше складок, тем считалось шикарнее. Складки эти были толщиной примерно в палец и имели совершенно правильную круглую форму. Для этого под кожу вшивалась круглая веревка — получалось кольцо; отступая полсантиметра, снова вшивали кольцо. Таких колец на сапоге было пять-шесть.

Сапоги шились как на рантах, так и без них. Носки сапог имели круглую или удлиненную форму. Некоторые заказывали специально сапоги со скрипом. Для получения скрипа между подошвой и стелькой делали прокладку из бересты или насыпали туда сахарный песок.

Различны были и фасоны каблука. Пожилые купцы обычно носили сапоги почти без каблуков. Были сапоги с высоким каблуком, небольшим по площади основания, а также каблуки с выемкой сзади, что делало их несколько похожими на дамский каблук. Такой каблук назывался «в рюмку».

Любопытно отметить, что даже под брюки навыпуск купцы надевали часто высокие сапоги вместо ботинок или штиблет. В ненастную погоду на сапоги надевали глубокие галоши, почти закрывающие головку сапога; носили также и высокие резиновые или кожаные ботики.

Зимой на сапоги надевали фетровые боты или валенки с галошами. Реже носили фетровые белые валенки, обшитые кожей.

Перчатки носили только зимой и осенью, преимущественно черного цвета.

Примерно так же, как купцы, одевались некоторые приказчики и мещане побогаче, мелкие лавочники и ремесленники, но их костюмы были менее разнообразны, проще и шились из более дешевых материалов (сукно, шевиот).

XI. Одежда православного духовенства

Православное духовенство и его организация

Православная церковь на протяжении веков была опорой и верным слугой самодержавия. Актом коронации на царство, проводимым высшим духовенством, церковь объявляла царя помазанником божьим и тем самым подчеркивала божественное происхождение царской власти.

Со времен царя Алексея Михайловича (отца Петра Великого), уничтожившего институт «патриархов Московских и всея Руси» и сославшего последнего патриарха, Никона, в монастырь, главой православной церкви считался сам царь «божьей милостью самодержец Всероссийский». Это было одной из причин, по которым православная церковь превратилась в неотделимую часть царской государственной машины.

Помимо чисто религиозных обрядных функций церковь осуществляла функции воспитания народа в нужном царизму направлении путем проповедей, провозглашаемых с амвонов церквей, через сеть начальных школ, принадлежавших церкви (они так и назывались «церковно-приходские школы») и бывших в сельских местностях зачастую единственными, где можно было научиться начаткам грамоты и арифметики. Церковь с ее обрядами сопутствовала жизни каждого подданного Российской империи православного вероисповедания. В ведении церкви были также и регистрация рождений, смертей, оформление браков и разрешения на развод — в общем, все, что сейчас называется «актами гражданского состояния».

Церковь не оставляла своим вниманием армию и военно-морской флот. В каждом полку и на каждом корабле был свой священник. В средних учебных заведениях одним из обязательных предметов был закон божий, преподаваемый священником-законоучителем. Если закладывалось новое здание, открывалось новое торговое или промышленное учреждение, спускался на воду пароход или начинала действовать новая железная дорога, открывалось предприятие, даже кабак,— все это «освящалось» специальными молебнами. В зависимости от богатства владельца предприятия и значимости самого предприятия молебен служили не только рядовые священники, но и архиереи и даже митрополиты. Наряду с государственной цензурой существовала и духовная, запрещавшая те книги и статьи, в которых она находила идеи «вредоносные для духа православия», а таковыми неизменно оказывались любые идеи, в той или иной мере направленные против царской власти. В общем, трудно найти в дореволюционной России такую отрасль жизни, в которую не вторгалось бы духовенство.

Церковь верой и правдой служила царизму на протяжении всей его истории, выступая против народно-освободительного и революционного движения, а также всякого, как тогда говорили, «свободомыслия».

Особо опасные враги самодержавия, а значит и церкви, отлучались от церкви и предавались анафеме — церковному проклятию. Вплоть до Октябрьской революции в церквах и соборах предавались анафеме Гришка Отрепьев (Димитрий Самозванец), Степан Разин, Емельян Пугачев и... Лев Толстой, чьи произведения на религиозно-моральные темы признаны были Святейшим синодом [11] вредными и противоречащими духу православной церкви.

Имела церковь и свой арсенал карательных мер по отношению к «заблудшим овцам»: наложение эпитимьи, отдача под церковный надзор и поучение, запрещение в течение определенного срока посещать церковь, принудительный пост, отправка в монастырь на покаяние и т. д.

Церковь принимала также прямое участие в карательных мерах самодержавия. Во всех тюрьмах была должность тюремного священника. Священник присутствовал при казнях (в том числе и политических заключенных), добиваясь раскаяния и в случае такового отпуская грехи. В период нарастания революционного движения, перед первой русской революцией 1905—1907 годов, церковь принимала деятельное участие в создании для рабочих организаций, которые должны были отвлечь их от участия в революционном движении. Одним из руководителей такой организации был агент департамента полиции священник Гапон, который вывел 9 января 1905 года рабочих Петербурга с царскими портретами и хоругвями на Дворцовую площадь под пули солдат и казаков.

Для активной борьбы с революционным движением церковь вкупе с полицией и жандармерией создала из лавочников, приказчиков, уго-

ловных элементов и наиболее темных, отсталых рабочих ряд черносотенных организаций («Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др.).

Православная церковь вела активную борьбу со старообрядцами, или, как их еще называли, раскольниками, не принявшими церковную реформу, проведенную патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, с разного рода сектантами (хлысты, молокане, духоборы и другие). Церковь занималась также миссионерской деятельностью по обращению в православие и тем самым принудительной русификацией народов Сибири и Дальнего Востока.

Православная церковь была могущественной экономической и финансовой силой царской России и принадлежала к числу самых крупных землевладельцев.

Духовенство делилось на две категории: так называемое белое духовенство и черное духовенство. К белому относились дьяконы (дьячки) и священники, или, как их еще называли, иереи, протоиереи (протопопы) и протопресвитеры. Белое духовенство обслуживало церкви и соборы, жило в квартирах и домах, считаясь особым привилегированным сословием, называемым «духовным».

Черное духовенство было монашеским, жило в монастырях и лаврах. В старой Руси монахи назывались чернецами из-за цвета одежды. К черному духовенству кроме монахов и монашек относились иеромонахи (монахи-священники), игумены и архимандриты, настоятели (главы монастырей). К черному духовенству относилось и все высшее духовенство: архиереи или епископы, архиепископы, стоящие во главе епархий (церковных округов), и, наконец, митрополиты — высший чин (сан) православной церки в дореволюционной России; они управляли наиболее крупными епархиями Петербурга, Москвы, Киева и некоторых других городов.

Всей православной церковью управлял Святейший синод. Синод помещался рядом с сенатом в великолепном здании, построенном К. Росси на Сенатской площади в Петербурге. Тем самым как бы подчеркивалось единство православия и самодержавия. Наблюдал за деятельностью синода от лица царя — главы православной церкви, а фактически руководил и направлял всю деятельность синода светский (то есть не духовного звания) сановник, именуемый обер-прокурором Святейшего синода, входящий и в состав правительства как министр. В частности, обер-прокурором синода был пресловутый Победоносцев.

Чиновный аппарат синода, так же как и аппарат консисторий (епархиальных присутственных мест), был светским, а не духовным.

Белое духовенство и его одеяние

В Царской России белое духовенство являлось одним из профессиональных сословий, своего рода замкнутой кастой. Даже фамилии представителей духовного сословия были в большинстве случаев особые — по названию церквей (Рождественские, Троицкие, Богоявленские, Богословские, Успенские и т. д.).

Белое духовенство имело право жениться (в отличие от черного духовенства). Женились они преимущественно на дочерях священников или дьяконов, часто приносящих в приданое место (приход) своего отца. Следует заметить, что жениться священник или дьякон мог только один раз (отсюда поговорка «последняя у попа жена»). В случае смерти жены (попадьи) священник уже не мог занимать свою должность и обычно вынужден был постригаться в монахи, становился иеромонахом, то есть монахом-священником, но не в своей церкви, а в монастыре. В редких случаях вдовый священник получал так называемую епитрахильную грамоту, которая давала ему право исполнять свои обязанности в прежнем приходе без пострижения в монахи.

Учились будущие священнослужители в специальных учебных заведениях интернатного типа — духовных семинариях и духовных училищах *.

Окончив семинарию, семинарист, желающий занять церковную должность, обязан был сначала жениться и затем «рукополагался» архиереем в сан священника (то наиболее способные) или в сан дьякона и получал назначение в тот или иной приход (то есть церковь, обслуживающую церковными службами и обрядами — «требами» население определенного, приписанного к ней района). Приходы бывали богатые и бедные, в зависимости от достатка жителей прихода, так что экономически священник в значительной степени зависел от щедрот своих прихожан.

Дальнейшее образование некоторые священники продолжали в духовных академиях, дававших высшее богословское образование и открывавших после пострижения в монахи путь к высокой церковной карьере.

Все представители белого духовенства носили длинные, до плеч, волосы, бороды, усы. Это, а также костюм особого покроя сразу выделяло их из толпы.

Обыденный (не ритуальный) костюм белого духовенства назывался рясой. Ряса представляла собой длинный, до пят, балахон, сшитый в та-

* Они назывались еще бурсами. Нравы и быт их обитателей ярко и достоверно описаны в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского.

лию, с двумя складками на спине. В складках находились глубокие прорезные карманы. Рукава рясы были очень широкие книзу — раструбом и заворачивались они наружу; воротничок был низким, стоячим. Застегивалась ряса на левую сторону при помощи двух клапанов на пуговичках, обтянутых материей (один — на воротнике, а другой — на талии). По борту рясы шла скрытая застежка на крючках. Шилась ряса из шерсти, шелка (в том числе и муара) или из плотной хлопчатобумажной материи любого темного цвета, обязательно на подкладке того же цвета, как и сама ряса, либо в тон. Летом носили рясы из чесучи, коломянки светлых тонов. Самой богатой считалась ряса из шелкового муара. Протоиереи, в просторечии — протопопы, а также протопресвитеры (высший сан белого духовенства) носили фиолетовые рясы.

Под рясу надевался так называемый подрясник. Он имел почти такой же крой, как ряса, но несколько короче, с более узкими рукавами и воротником.

Склонные к щегольству священники надевали под подрясник крахмальный стоячий воротничок и манжеты. Крахмальное белье носили также и соборные протодьяконы (главные, или первые, дьяконы). Эту должность занимали обладатели низких голосов — баса или баса-октавы.

Непременным атрибутом священника был наперсный крест (от славянского «перси» — груди). Крест был серебряный или позолоченный, обычно с изображением распятия. Носился он на длинной цепочке, завязанной сзади на шее узлом. Дьяконы и дьячки крестов не носили. Священники, окончившие духовную академию, кроме того, носили академический значок — небольшой крестик из серебра с эмалью. Значок висел на короткой цепочке с левой стороны воротничка по борту. Каждая академия имела свой особый значок. Ордена и медали священники носили на колодках с левой стороны груди. Если они были награждены орденами высоких степеней, то носили их на длинных орденских лентах выше наперсного креста, на шее.

Белое духовенство носило брюки вправленными в высокие черные сапоги с низкими каблуками или вообще без каблуков. Брюки навыпуск духовные лица не носили.

Головные уборы были разнообразны: цилиндры с низкой расширяющейся кверху тульей из черного велюра или фетра (их так и называли «поповские»), черные котелки, реже фетровые шляпы из черного велюра. Летом распространены были среди духовенства соломенные шляпы или цилиндры. Зимой носили меховые круглые шапки (лисьи или бобровые) с верхом из котика или черного бархата (обычно из так называемого польского бобра, реже из дорогого камчатского). Существовал еще один головной убор, носимый в любой сезон,— так называемая скуфейка; она представляла собой остроконечный колпак из бархата или сукна. Скуфейки были черные, синие, темно-красные; протоиереи носили фиолетовые. Скуфейка надевалась также при молебнах на открытом воздухе и при крестных ходах с облачением.

Верхней одеждой служили пальто специального покроя, напоминающие рясу, со скрытой застежкой на левую сторону, с широкими рукавами. Пальто имело воротник, крытый бархатом, и отвороты, как на обычном гражданском пальто. Такого же кроя делалась и шуба. Воротник был из бобра, лисы или выдры под котик.

Сельское духовенство носило также тулупы или сшитые по образцу «духовного» пальто.

Шили одежду для духовенства специальные «портные духовного платья», как они писали на своих вывесках.

Пожилые священники ходили с высокими тростями типа посоха, изображенного на известной картине И. Е. Репина «Протодьякон». Носили они также зонтики и галоши, зимой — фетровые боты, а в сельских местностях и валенки. Священники носили кожаные перчатки только черного цвета, вязаные перчатки и варежки без рисунка, темных тонов.

Ритуальный (обрядовый) костюм духовенства составляли ризы и облачение. Ризы делались из серебряной или позолоченной парчи, из бархата с вытканным металлическими нитями орнаментом (чаще всего с изображением креста), или из одного бархата с отделкой позументом и нашитыми парчовыми крестами, или из шелка, также обшитые позументом и с аппликацией из парчовых крестов. Подкладка риз была из шелка тканого рисунка или гладкого. Цвета были самые разнообразные: зеленые, синие, красные, белые. Черные ризы надевались только при отпевании умерших и на панихидах. Обычно черные ризы были бархатные, обшитые серебряным позументом.

В богатых и почитаемых соборах и церквах священники и дьяконы имели несколько разнообразных комплектов облачения; в бедных церквах — не более двух. Иногда ризы насчитывали две с лишним сотни лет и представляли художественную и историческую ценность.

У священников и дьяконов ризы были разного типа. Дьяконы носили так называемый стихарь. Это длинная рубаха из парчи или бархата, длиной до пят, с круглым вырезным воротом и с широкими рукавами, чуть ниже локтя. Кроме того, на запястья надевались специальные манжеты (поручи) из парчи или бархата, украшенные позументами и крестами. Под стихарь надевался шелковый подризник, напоминающий подрясник.

Дьякон совершал обряды в церкви с непокрытой головой. Во время крестных ходов, похорон, службы на воздухе надевал скуфейку.

Облачение священника было значительно сложнее. Помимо стихаря и поручей оно состояло еще из так называемой фелони. Это был род плаща из парчи или бархата, надеваемого на стихарь. Сзади фелонь была чуть короче стихаря, а спереди совсем короткой, примерно до подмышек. На спине фелони был большой крест из парчи или из позумента.

На шею священник надевал епитрахиль — узкую полоску из парчи или бархата, украшенную позументом и крестами. Спереди она свисала почти до края стихаря. Епитрахиль являлась, так сказать, рабочей частью облачения: нижний конец ее священник держал в руках при службе и накладывал ее на головы прихожан, пришедших к исповеди, покрывал ею руки венчающихся и т. д.

Все части облачения застегивались на специальные «церковные» пуговицы — маленькие, круглые, сделанные из филиграни (тонкой металлической, серебряной или позолоченной проволоки) и пришивающиеся за ушко.

Облаченные в ризы священники никаких орденов и знаков не надевали, на священнике был только наперсный крест. Другой специальный крест, серебряный или позолоченный, иногда украшенный цветными драгоценными камнями священник держал в руках. Во время богослужения духовенство переодевалось (облачалось) в ризы, которые хранились в специальном помещении за алтарем и царскими вратами в восточной части церкви. Помещение это так и называлось — ризница. Помимо риз в нем хранились и другие предметы для совершения обряда — чаши «святых даров», церковные книги, хоругви, кадила, которые держали дьяконы при богослужении, и т. д. Ризницы существовали только в соборах и церквах. В часовнях, не имеющих алтаря, ризниц не было, не было там и своего причта. Те немногие виды церковной службы (чтение «часов», отсюда и название часовня), которые можно было совершать без алтаря, служило духовенство, пришедшее в часовню уже облаченными в ризы.

Некоторым священникам (главным образом протоиереям) высшее церковное начальство жаловало в знак награды камилавку — головной убор ведрообразной формы (широким концом кверху). Делалась она из бархата ало-синего или фиолетового цвета. Надевалась при облачении в ризу вместо скуфейки.

Из числа протоиереев назначались так называемые благочинные старшие священники над несколькими приходами.

Существовал еще и почетный сан для протоиереев — протопресвитер. Этот сан имели настоятели некоторых крупных и особо чтимых соборов, а также главы военного, военно-морского и придворного духовенства.

Форма обращения «мирян» к представителям белого духовенства была «отец» с прибавлением сана (например, «отец дьякон», «отец протоиерей») либо имени («отец Василий», «отец Александр»). Так же обращались представители духовенства друг к другу.

Низшими представителями белого духовенства были дьячки и пономари. Они обычно не имели или почти не имели духовного образования. Функции их были разнообразны: они помогали священникам во время служб, закрывали и открывали церковь, обслуживали прихожан мелкими «требами», записывали имена для молебнов «за здравие» и «за упокой», зажигали свечи и лампады, читали псалтырь над покойниками. В «Горе от ума» Фамусов, обращаясь к Петрушке, говорит: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой». Вообще в русской литературе образ дьячка чаще всего бывал комическим. Более значительных по духовному званию лиц нельзя было затрагивать.

Фактически относились к причту, не будучи людьми духовного звания, звонари и церковные сторожа (эти функции зачастую совмещались) и регенты — хормейстеры церковного хора. В небольших церквах хор формировался из прихожан. В соборах и больших богатых приходах хор состоял из профессионалов певчих. Пели в хоре только мужчины и мальчики. Певчие имели специальную форму одежды: длинный, до пят, кафтан из цветного сукна, обшитый позументом, с вырезом на груди и с длинными прорезными рукавами. Рукава на спине завязывались узлом. Под кафтан надевался шелковый или атласный камзол типа кавказского бешмета со стоячим воротником, обшитым позументом. Камзол застегивался на крючки. Узкие рукава этого камзола просовывались сквозь прорези рукавов кафтана.

Головных уборов певчие не имели (кроме певчих при полковых церквах). Военные певчие носили фуражки того полка, к которому принадлежали. Цвет их костюмов соответствовал цвету парадных мундиров данного полка. Регент обычно дирижировал хором, будучи одетым в черный сюртук с крахмальным воротником и черным галстуком.

В провинции и в сельских местностях регент одевался проще — в пиджак или даже в косоворотку.

Военные регенты носили форму данного полка и погоны военных чиновников (как и дирижеры военных оркестров).

При каждой церкви был церковный староста, или, как он еще назывался, ктитор. Его

выбирали прихожане из своей среды. Он являлся их представителем при настоятеле, решал с ним вместе хозяйственные дела церкви. Должность эта считалась почетной. Занимали ее обычно богатые горожане, а в селе кулаки. Никаких знаков различия или специальных костюмов церковные старосты не имели.

Черное духовенство и его одеяние

В отличие от белого духовенства, единого по своему сословному происхождению, черное духовенство было по происхождению разнородным — от титулованного дворянства (вспомним хотя бы «Отца Сергия» Л. Н. Толстого) до крестьян.

При пострижении в монахи человек утрачивал свою фамилию и имя, получал новое имя, зачастую такое, которое носили только монахи, не употребляемое в миру.

Монастыри были мужские и женские. Главой являлся настоятель, руководивший всей деятельностью монастыря — как религиозной, так и экономическо-хозяйственной. Настоятели монастыря имели звания: игумен и — самое высшее — архимандрит. Помощник настоятеля — отец келарь (заведующий мирскими делами).

Настоятельницы женских монастырей именовались игуменьями (архимандритского звания настоятельницам не присваивали). Настоятели и настоятельницы назначались из дворянства или купечества. Настоятели из простого сословия были исключением.

Все монахи мужского монастыря назывались братией. Братия была неодинакова по составу. Часть ее составляли послушники, или бельцы, готовящиеся в монахи, но еще не принявшие «ангельский чин» (то есть пострижение). Послушанием назывался всякий труд ради «смирения и покорности». Далее следовали рясофорные монахи-послушники, которым было дано право носить рясу и клобук, но без мантии. Затем монахи, или иноки, иеромонахи, то есть монахи-священники, имеющие право служить церковные службы, и схимонахи, или схимники-монахи, прошедшие обряд вторичного пострижения, налагающий на них особо строгие правила или обеты (например, обет молчания), или заживо замуровавшиеся в своих кельях, откуда они никогда не выходили, и кормили их через окошечко; спавшие в гробу, носившие вериги и т. д. Фанатизм схимников умело использовался монастырями для привлечения богомольцев, так как схимники считались почти святыми.

Такая же градация существовала и в женских монастырях — от послушниц до схимниц, только не было иеромонашек, так как женщины не могли служить церковную службу.

Сами монастыри, или, как их еще называли, обители, разделялись на собственно монастыри и лавры. Лаврами назывались монастыри особо древние и чтимые, с многолюдной братией. Наиболее знаменитыми были Троице-Сергиева (в Загорске под Москвой), Киево-Печерская (в Киеве), Александро-Невская (в Петербурге). Существовали также монастыри, носящие название «пу́стынь» (например, Сергиева пустынь, Оптина пустынь). Это были монастыри, образовавшиеся в прошлом вокруг жилья отшельника-пустынника.

Монастырский комплекс зданий заключал в себе одну или несколько церквей, несколько часовен, жилые помещения для братии, состоящие из отдельных келий, общих трапезных, мастерских, хозяйственных построек (сараи, конюшни и т. д.) и гостиниц для богатых паломников. Часто здесь же было расположено монастырское кладбище. Весь комплекс был обнесен кирпичной стеной со сторожевыми башнями.

В Древней Руси монастыри играли большую роль как опорные крепости — форпосты против вражеского нашествия, и выбор места их постройки был часто связан со стратегическими соображениями. Строили их по берегам рек на возвышенности или на пересечении важных путей. В случае вражеского нашествия окрестное население искало убежища за крепостными стенами монастырей, а братия превращалась в гарнизон. Монастыри, построенные в XIX—XX веках, конечно, уже не имели оборонного значения, но традиции остались, и по-прежнему монастыри обносились глухими стенами.

Монахи носили рясы и подрясники, схожие по фасону и крою с одеждой белого духовен-

239. Священник и церковный староста. Петербург
240. Петербургский митрополит
241. Старообрядческий епископ. Петербург. 1915 г.
242. Священник с женой. Петербург. 1915 г.
243. Петербургский священник. До 1915 г.
244. Монашки, собирающие средства на построение храма. Петербург
245. Настоятельница женского монастыря
246. Член училищного епархиального совета. Петербург
247. Старообрядческий епископ. Петербург. До 1915 г.
248. Семинаристы. Петербург
249. Священник. Петербург
250—253. Монахи и схимники
254. Молебен при закладке железнодорожного моста. Петроград. 1916 г.
255. Нищие у входа в церковь
256. Похоронный катафалк

239

240
241

242
243

246
247

248
249

250
251

252
253

254

255

ства, но с более узкими подолом и рукавами. Рясы и подрясники шились из шерсти или плотной хлопчатобумажной ткани. Игумены и архимандриты носили рясы и подрясники из черного шелка.

Характерной чертой монашеского костюма был широкий кожаный пояс с металлической пряжкой без шпенька. Пояс назывался «катаур» (любопытно, что тем же словом назывался ремень, при помощи которого кожаная подушка на казачьем седле крепилась к основе седла). Катауром перепоясывали подрясники. В черте монастыря монахи обычно ходили без рясы, в одном подряснике. Ряса одевалась в торжественных случаях, а в особо торжественных к ней еще добавлялась мантия — длинная, до земли, пелерина из черной шерсти. Нагрудные кресты носили только иеромонахи, игумены и архимандриты.

Головным убором монахов был клобук — ведрообразная шапка из фетра или сукна. У игуменов и архимандритов клобук был из бархата или шелка. С клобука опускалось на плечи и спину шелковое покрывало. Монахи чаще всего носили только камилавку. Она же служила головным убором для послушников. Послушники носили только подрясники, причем они могли быть и не черного цвета, а темно-серого или темно-коричневого.

Архимандриты в торжественных случаях надевали черную шелковую мантию, украшенную на груди бархатными вставками красного или зеленого цвета с вышитыми на них золотом или серебром крестами или орнаментами. Это нагрудное украшение называлось скрижали. Игумены и архимандриты иногда надевали по два нагрудных креста. Один из крестов был ладанкой для частицы мощей. При клобуке и мантии игумены и архимандриты держали в руках высокую трость с цилиндрическим или круглым металлическим набалдашником, укрепленным сверху маленьким крестом. Характерной деталью были четки из кости или камня, которые держали в левой руке.

Костюм монахинь в основном был сходен с костюмом монахов, только подрясник и ряса были несколько шире. Вместо камилавок монахини носили черные платки, плотно охватывающие лицо (в них была вшита резинка) и целиком закрывающие волосы. Игумены носили клобуки и нагрудные кресты. При мантии и простые монахини также надевали клобуки. Послушницы носили черные платки-косынки такого же фасона, как у сестер милосердия.

Отличительной чертой костюма схимонахов был специальный головной убор, напоминающий своим видом капюшон со спадающими на грудь длинными ушами. Его шили из черного сукна и украшали вышитым серебром изображением черепа со скрещенными костями, крестами и буквами «ХВ» («Христос воскресе»). Иногда схимонахи надевали род епитрахилей, также из черного сукна и тоже расшитого серебром.

Схимников именовали не «отцом», как обычных монахов, а «старцем», независимо от возраста. Любопытно вспомнить, что «старцем Григорием» именовался своим высокопоставленными поклонницами и поклонниками пресловутый Распутин.

Говоря о монахах и монахинях, следует упомянуть также о многочисленных в дореволюционной России разного рода странниках и странницах. Это были богомольцы, проводящие всю свою жизнь в странствиях по святым местам от одного монастыря к другому, бродяги и нищие по образу жизни. Элементами своего костюма они напоминали монахов и монашек. Носили скуфейки и черные платки. На шею вешали кресты, иконки и складени. В руках держали посохи. С торбами для доброхотных подаяний они исхаживали пешком вдоль и поперек всю Россию, а иногда добирались и до Афона или «святой земли» — Палестины. Взамен за монастырское гостеприимство они в своих странствованиях вербовали новых богомольцев из среды купечества и крестьянства, рассказывая всякие небылицы о чудесах и исцелениях, будто бы имевших место в том или ином монастыре.

К высшему духовенству — иерархам — относились архиереи, епископы, архиепископы и митрополиты. Архиереям и епископам был присвоен титул «преосвященный», архиепископам — «высокопреосвященный», а митрополитам — «высокопреосвященный» и «священнейший». Формой обращения к ним было «ваше преосвященство» и «ваше высокопреосвященство».

Древнее слово «владыка» (как титул, так и форма обращения к архиереям и митрополитам) преимущественно применялось духовенством.

Архиереи, стоящие во главе епархий (церковных округов), имели звание епископов (называли их еще епископальными архиереями). Под началом архиерея-епископа могли быть и другие архиереи — так называемые викарии или викарные архиереи, являющиеся помощниками или наместниками епископа в городах, входящих в данную епархию. Архиереи, стоящие во главе наиболее крупных епархий, носили звание архиепископов.

Высшее церковное звание «митрополит» имели главы Петербургской, Московской и Киевской епархий. Из числа метрополитов и архиереев комплектовался Святейший синод — высший орган церковной власти.

Обыденный костюм архиереев и митрополитов был одинаковый: черные рясы и подрясники

из тонкой черной материи — шелка или шерсти. Вместо наперсного креста носили панагию — круглый или овальный образ на эмали, слоновой кости или на золоте в рамке, усыпанной драгоценными камнями и висящей на золотой цепи (одновременно с панагией могли носить и наперсный крест). Разница была только в головном уборе. У архиереев это был черный клобук с черной пелериной, а у митрополитов белый с белой же пелериной. Кроме того, на митрополичьем клобуке был спереди укреплен бриллиантовый крест. (Архиепископы тоже иногда носили бриллиантовый крест на черном клобуке.)

Мантия архиереев была «гиацинтового» цвета (красно-бурая или красно-золотистая). Скрижали были из золотой парчи, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Мантия митрополитов была сиренево-фиолетового цвета, скрижали на ней были вышиты жемчугом и камнями по золотой парче. Опирались архиереи и митрополиты на высокий посох с набалдашником в виде буквы «Т» из золота или серебра, украшенного цветными драгоценными камнями. К золоту и камням церковных регалий архиереи и митрополиты добавляли также одну или несколько звезд царских орденов, а также орденские кресты и медали.

Еще более внушительное впечатление производил их костюм для богослужения. Головным убором служила митра — круглая высокая шапка из золотой парчи, украшенная иконами и усыпанная камнями и жемчугом. Золотые ризы тоже были расшиты жемчугом и камнями. Посох был золоченый, усыпанный камнями. Золотом и камнями были расшиты даже сапоги из бархата.

Облачались архиереи и митрополиты не в ризнице, как священники, а на специальном архиерейском месте в соборе. Причем процесс облачения являлся уже частью церковной службы.

Во время церковного богослужения, проводимого архиереем или митрополитом, под ноги им клали специальные круглые подушки с вышитым или вытканным изображением летящего орла, поэтому называемые орлецом. Архиерей передвигался по храму, ступая с одного орлеца на другой. Специальный причетник, именуемый орлейщиком, подкладывал их ему под ноги, не давая ступить на пол. Орлецы должны были символизировать как бы вознесение архиерея на небо. Не только орлецы, но и то, что архиерея вели под руки дьяконы и протодьяконы, что службу он вел, окруженный сонмом духовенства, что пел во время службы специальный архиерейский хор певчих и что сама церковная служба была не такая, как когда служили обычные священники, все это было рассчитано на то, чтобы вызвать благоговение и священный страх к особе иерарха не только у простых верующих, но и у низшего и среднего духовенства.

XII. Форма обращения и одежда в армии и военно-морском флоте

Форма обращения в царской армии

Форма обращения, существовавшая в царской армии, подчеркивала ее классовый характер. Все вышестоящие чины, от ефрейтора до генерала, обращались к солдату на «ты» и называли его «рядовой» или по фамилии.

Солдат должен был обращаться на «вы» уже начиная с унтер-офицеров и говорить «господин ефрейтор», «господин унтер-офицер», «господин фельдфебель» (или вахмистр). К офицерам (от прапорщика до капитана включительно) обращались со словами «ваше благородие»; к подполковникам и полковникам — «ваше высокоблагородие»; к генерал-майорам и генерал-лейтенантам — «ваше превосходительство»; к полным генералам (от инфантерии, артиллерии, кавалерии, инженер-генералов) — «ваше высокопревосходительство».

Офицеры к унтер-офицерскому составу обращались на «ты» и по фамилии, часто не упоминая звания; если же упоминали звание, то без фамилии. Форма обращения унтер-офицерского состава к офицерам и генералам была такая же, как у рядовых.

Ни солдатам, ни унтер-офицерам офицеры (генералы тем более) руки не подавали. В то же время к вольноопределяющемуся (часто выходцу из привилегированных классов — дворянства, купечества) обращались «господин вольноопределяющийся» и на «вы». Также на «вы» и «господин» обращались к юнкерам и кадетам — будущим офицерам.

Офицеры, низшие по чину, к высшим обращались «господин поручик», «господин капитан», «господин полковник». Такая же форма была и в обращении высших по чину к подчиненным.

К генералам офицеры обращались, титулуя их, «ваше превосходительство» или «ваше высокопревосходительство». Форма «господин генерал» до Февральской революции не употреблялась. В обращении генералов друг к другу также употреблялось титулование.

Если офицер или генерал имели графский или княжеский титул, то подчиненные обращались к ним, титулуя их не по военному чину, а по титулу: «ваше сиятельство», «ваша светлость». Начальник же обращался к ним: «граф» или «князь».

После свержения самодержавия обращения «ваше благородие», «ваше превосходительство» и другие были отменены. Остались только «господин капитан», «господин генерал» — обращения, просуществовавшие вплоть до Октябрьской революции.

Следует добавить, что в белых армиях дореволюционное титулование офицерского и генеральского состава было восстановлено.

Погоны и эполеты

По своему внешнему виду повседневные погоны дореволюционной армии были схожи с так называемыми «повседневными» золотыми и серебряными погонами Советской Армии, но со следующими различиями:

1. Цвета кантов и просветов означали не род войск (как теперь), а тот или иной полк.
2. Звездочки были не металлические, а вышитые: на золотых погонах — серебром, на серебряных — золотом.
3. Размер звездочек был единым для всех чинов, от прапорщика до генерала.
4. Номерные полки армии имели на погонах вышитые номера.
5. Полки, имеющие шефов (главным образом в гвардии), имели на погонах так называемую «шифровку» (вышитый вензель с короной над ним).

Повседневные офицерские погоны были двух типов: пристяжные жесткие — их носили на кителях, мундирах, сюртуках; пришивные — мягкие, которые носили на шинелях, а потом стали носить на гимнастерках и френчах. Фасон погон, носимых на гимнастерках, был такой, как на пристяжных погонах (с прогонной пуговицей и трапециевидным обрезом верхнего края). По сути дела, это были пристяжные погоны, снятые с жесткого подбоя и нашитые.

Полевые погоны на шинелях были изготовлены из шинельного сукна (без подбоя), просветы на них были вышиты золотисто-желтым шелком.

Звездочки на погонах были металлические черно-зеленого цвета (оксидированные); при-

креплялись они сверху погона. Форма звездочек была более тонкой и плоской, чем звездочки, носимые средним комсоставом Советской Армии. Посередине звездочки был круг. Лучи звездочки имели горизонтальные штампованные полоски.

Был и другой вид полевых погон — погоны из шелкового галуна светло-зеленого цвета с вытканными цветными просветами и кантами из приборного сукна. Погоны эти носились преимущественно на кителях, гимнастерках и френчах.

Звездочки на них были точно такими, как на шинельных, полевых погонах, но носили и золотые и серебряные, а иногда даже вышитые.

Помимо звездочек на погонах — как повседневных, так и полевых — носили эмблемы, обозначающие род войск. Эмблемы были как вышитые, так и металлические прикрепленные. Цвет эмблемы был всегда таким же, как у звездочек.

Пехота, кавалерия, казаки эмблем не имели. Артиллерия имела эмблему, сохранившуюся до нашего времени в Советской Армии,— две скрещенные пушки, пулеметные части — силуэт пулемета системы «Кольт» (на треножнике). Автоброневые части имели эмблему (тоже сохранившуюся до нашего времени) — ось с двумя колесами и рулем посередине, между двумя крыльями. Железнодорожные войска имели эмблемой скрещенные топор и якорь, саперные — скрещенные кирку и лопату, военные врачи — змею, обвивающую чашу (эта эмблема тоже сохранилась до нашего времени). Авиация имела эмблемой двуглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в лапах пропеллер и меч (после Февральской революции орел был лишен короны). Эмблемы помещались выше звездочек.

Средний офицерский состав (в русской армии он назывался «обер-офицерский») включал в себя чины от прапорщика до капитана (в кавалерии — ротмистра, в казачьих частях — есаула), имел погоны с одним просветом (полоской).

Прапорщик носил одну звездочку. Следует указать, что звания «прапорщик» в мирное время не было. Прапорщик — офицер, не имеющий специального военного образования (кадетский корпус и юнкерское училище), а окончивший трехмесячные курсы прапорщиков. Существовало даже выражение «курица не птица, прапорщик не офицер».

Следующим чином был подпоручик (в кавалерии — корнет, в казачьих войсках — подхорунжий), он носил две звездочки.

Поручик имел три звездочки, расположенные одна сверху на просвете, две внизу, у края погона.

У штабс-капитана (в кавалерии — штабс-ротмистра, в казачьих частях — подъесаула) было четыре звездочки: две верхние на просвете, одна под другой, две нижние у края погона (расположение звездочек соответствовало расположению звездочек на погонах капитана Советской Армии).

Капитан (в кавалерии — ротмистр, в казачьих войсках — есаул) имел чистый погон, без звездочек.

Старший командный состав именовался в старой русской армии штаб-офицерами и состоял из подполковников и полковников (звание майора, существовавшее ранее в русской армии, было упразднено в 1884 году, появилось вновь только в Советской Армии).

Штаб-офицеры имели погоны с двумя просветами (такие, какие носит старший офицерский состав Советской Армии) и звездочки такой же величины, как у обер-офицеров.

Подполковник носил погоны с тремя звездочками, расположенными, как на погонах полковника Советской Армии. Полковник (в казачьих войсках — войсковой старшина) носил «чистый» погон, без звездочек.

Погоны генералитета были такие же, какие носят генералы Советской Армии — из серебряного или золотого галуна (полоски) особого плетения, с зигзагообразным рисунком (просветом). Царские погоны были несколько шире.

Звездочки генеральских погон были такого же размера, как и на офицерских погонах. Генералы носили на погонах номера и шифровки тех частей, по спискам которых они значились. Генерал-майор носил на погонах две звездочки, расположенные горизонтально, генерал-лейтенант — три звездочки, расположенные, как на погонах подполковника (одна наверху, две внизу). Полный генерал носил «чистый» погон — без звездочек. Генерал от артиллерии носил на золотом погоне вышитую серебром эмблему — две скрещенные пушки, инженер-генерал — саперную или железнодорожную эмблему, вышитую золотом на серебряном погоне. Генералы от кавалерии и инфантерии эмблем не носили, но могли носить вышитые номера и шифровки. Отставные генералы носили на золотом погоне серебряный просвет (зигзаг), а на серебряном — золотой.

Генералы, отчисленные с действительной службы в запас, имели так называемый «погашенный» погон: по нижнему концу золотого погона шла серебряная горизонтальная полоса, по серебряному — золотая, звездочка оставалась без изменения.

На парадных мундирах и сюртуках офицеры и генералы носили кроме погон также эполеты. Обер-офицеры носили эполеты без бахромы, штаб-офицеры — с бахромой, генералы — с «жирной» бахромой. Бахрома делалась из так называемой канители — серебряной или золотой.

Все роды войск армии, кроме кавалерии, носили эполеты с обтянутым сукном полем на таком же подбое и с теми же кантами, звездочками, номерами и шифровками, как на погонах. Все эмблемы и звездочки были вышитые.

Гвардейская пехота носила эполеты, сплошь затянутые серебряным или золотым галуном.

Кавалерия — как армейская, так и гвардейская,— а также казаки носили эполеты из металла (золото и серебро) чешуйчатой формы на цветном суконном подбое. На кавалерийских эполетах звездочки, шифровки и номера были металлические, накладные. Бахрома была такая же, как на других эполетах. Цвет полей эполет в армейской пехоте зависел от номера данного полка в дивизии. Поле эполет было красного цвета у первого и второго полков, синее — у третьего и четвертого. Гренадерские полки носили эполеты с желтым полем.

У гусарских офицеров вместо эполет был витой шнуровой погон из серебряной или золотой канители. Просветов на эполетах не было; их иногда заменяла бахрома той или иной толщины.

Офицеры конной артиллерии носили золотой кавалерийский эполет с двумя скрещенными пушками из накладного металла. Офицеры пешей артиллерии носили эполет пехотного образца. Военные врачи в офицерских и генеральских чинах носили серебряные эполеты с черным бархатным полем и с металлическим ободком вокруг того места поля, где крепилась бахрома.

Эполеты крепились к мундиру при помощи погонной пуговицы и специального галуна (контрпогона), пришитого к плечу, под который просовывался эполет. Во время первой мировой войны эполеты уже не носили.

Положение и одежда вольноопределяющихся

Вольноопределяющиеся — этим забытым ныне словом именовались молодые люди, имевшие среднее или высшее образование, призванные на действительную службу (в условиях мирного времени) и служившие в армии не три года, как все солдаты, а только год. Причем им предоставлялось право самим определить род оружия и полк, в котором они хотели проходить службу (отсюда и само слово «вольноопределяющийся»).

Во время войны этот выбор был ограничен родом оружия. Вольноопределяющийся при прохождении службы имел ряд льгот. Он мог, например, не стричься под машинку, иметь не казенное, а свое обмундирование и обувь, сшитые по размеру и с офицерским шиком, но обязательно из солдатского материала. Офицеры не имели права говорить вольноопределяющемуся «ты», обращались к нему «господин вольноопределяющийся».

Во время прохождения службы вольноопределяющийся оканчивал полковую школу и выходил в запас со званием «прапорщик запаса». Из таких прапорщиков во время войны состоял по преимуществу средний офицерский состав.

Вольноопределяющимся, имеющим законченное высшее образование, по уставу не разрешалось носить на форме университетский или институтский значок, тем не менее во время войны вольноопределяющиеся, а также и прапорщики начали их носить, демонстративно подчеркивая свое отличие от кадрового офицерства.

Погоны вольноопределяющегося были обычные солдатские — обшитые с трех сторон специальным витым оранжево-черным шнурком шириной с кант.

Если вольноопределяющийся имел чин унтерофицера, то на погоне носил соответствующие нашивки, или, как называли это солдаты, лычки.

В конце войны появились даже вольноопределяющиеся — юнкера, зачисленные по призыву в юнкерские училища; они носили обычный юнкерский погон, но обшитый оранжево-черным шнурком.

Генералы и их одежда

Генеральских чинов (званий) в царской армии было три — генерал-майор, генерал-лейтенант и полный генерал.

Полные генералы именовались по роду войск: генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, генерал от инфантерии (пехотный), генерал-инженер (инженерных войск).

Существовало еще звание генерал-фельдмаршал, но обладатель этого высшего звания в рядах армии не был. Последний генерал-фельдмаршал, граф Милютин, министр Александра II, умер в 1912 году.

Генерал-майор и генерал-лейтенант титуловались «ваше превосходительство», полный генерал и генерал-фельдмаршал — «ваше высокопревосходительство».

По Табели о рангах генерал-фельдмаршал считался «особой первого класса», полный генерал — второго, генерал-лейтенант — третьего, генерал-майор — четвертого.

Генералы командовали войсками военных округов, корпусами, дивизиями. Занимали посты генерал-губернаторов и военных губернаторов. В гвардии они командовали полками и отдельными бригадами.

Генеральские чины имели также начальники и профессора военно-учебных заведений.

Генерал, входящий в состав царской свиты,

так и назывался «генерал-майор свиты его величества», а генерал-лейтенанты и полные генералы носили звание генерал-адъютантов. Отличительным признаком свитских генералов был аксельбант золотой или серебряный по цвету погон, носимый на правом плече. Кроме свитских генералов аксельбант (серебряный) носили только генералы Генерального штаба.

Свитские генералы носили на погонах помимо обозначения чина вышитый царский вензель с короной над ним и белые канты. Между кантом и галуном погона чуть виднелся красный просвет погонного подбоя (подкладки). Канты у погон других генералов были разных цветов, в зависимости от родов войск и полков, по которым генералы числились. Генеральские эполеты имели толстую — «жирную», как ее называли, бахрому, каждая нить бахромы кончалась петелькой. Расположение звездочек было таким же, как и на погонах.

Кавалерия (в том числе и казаки) и конная артиллерия носили эполеты из позолоченной или посеребренной латуни; они состояли из отдельных полукруглых частиц, что делало эполет гибким; звездочки и вензеля на погонах этого типа были накладными, из металла.

Все виды эполет были на суконном подбое и крепились к мундиру или сюртуку (на одежде других типов эполеты не носили) при помощи погонной пуговицы и шнурков у воротника и контрпогона — узкого галуна с кантами, в цвет эполета, нашитого поперек плеча. Для этого эполет пропускали под контрпогон. Кроме того, под широкой частью эполета была укреплена металлическая узкая пластинка, при помощи которой эполет крепился прямо к плечу, но носили эполет и без этого добавочного крепления.

Эполеты гвардейской пехоты имели поле, обтянутое серебряным или золотым галуном. Золотой же галун был у пешей артиллерии, а серебряный галун — у инженерных войск и Генерального штаба.

Генералы армейской пехоты имели эполеты с суконным полем в двух первых (по номеру) полках дивизии, с синим в двух остальных и с желтым у гренадерских полков. Эполет по краям был обшит галуном.

Отличительной чертой генеральской формы были красные канты на шинелях. Канты шли по воротнику, обшлагам, клапанам, карманам, хлястику и бортам. Кроме того, отвороты шинели были из красного приборного сукна. Такие же канты и отвороты были на нестроевой форме — генеральской тужурке, представляющей собой, по сути дела, укороченную до длины бушлата шинель с прямой спиной, без складки и хлястика.

На всех видах брюк генералы носили двойной красный лампас по бокам канта. Парадные мундиры генералов имели специальное шитье по воротнику и обшлагам.

Все остальные детали формы ничем не отличались от офицерской. Также не отличались от офицерских головные уборы, оружие, обувь.

Парадная форма гусарских генералов выделялась следующим:

на рейтузах они имели спереди специальное генеральское шитье из галуна с зигзагообразным рисунком, окруженным серебряным и золотым шнуром;

воротник и обшлага доломана (гусарский мундир) были обшиты таким же галуном; кроме того, гусарский генерал носил особую гусарскую накидку в виде куртки — ментик, даже если данному полку он не был по форме положен; ментик по вороту и обшлагам также имел галун. Ментики носили только четыре полка: два в гвардии — царскосельские и гродненские гусары, и два в армии — павлоградские и елизаветградские гусары.

Обычно на груди генералов висело множество крестов и медалей. На шее — крест ордена Владимира, Анны или Станислава. Если за боевые заслуги — то крест с мечами, если «за службу» — то без мечей.

При парадной форме у редкого генерала не была надета через плечо лента орденов Станислава или Анны. Владимирская лента была очень высокой наградой и встречалась редко, так же как орден Белого орла или Александра Невского [12].

При наличии у генерала нескольких орденских лент, то есть орденов 1-й степени, надевалась только одна лента самого высокого из имеющихся орденов. Остальные ордена 1-й степени были представлены только звездами.

Белый эмалевый офицерский крест ордена св. Георгия имел четыре степени. Орден 4-й степени висел на груди, 3-й — в петлице, 2-й — на шее (встречался очень редко, так как для того, чтобы его получить, нужно было быть награжденным до этого крестами 4-й и 3-й степеней). Орденом св. Георгия 1-й степени (лента со звездой) за всю русскую военную историю были награждены только трое: Петр I, А. В. Суворов и М. И. Кутузов.

Как уже было сказано, повседневная форма генералов не отличалась от офицерской. Генералы чаще, чем офицеры, носили сюртуки и брюки навыпуск со штиблетами. На этих штиблетах обязательно носили накаблученные шпоры. В ненастные дни и зимой на генеральские штиблеты надевали галоши; офицерам носить галоши не разрешалось. Задник галош был окован медной пластинкой с прорезом для шпор.

Во время первой мировой войны генеральская каждодневная форма подверглась той же эволюции, что и офицерская. Генералы тоже ста-

ли носить гимнастерки и шинели из солдатского сукна без красных кантов и отворотов, а парадную форму вообще больше не носили; появились генеральские полевые погоны. На кителях и гимнастерках они были из светло-зеленой тесьмы, сохраняющие узор золотых погон. Звездочки были или вышитые, или накладные из черно-зеленого металла. Эти погоны не получили широкого распространения, и генералы продолжали носить на упрощенной форме погоны старого образца. Чаще встречались шинельные погоны. Они были из солдатского сукна, и на них был вышит желтым шелком «генеральский зигзаг», звездочки были накладные — из черно-зеленого металла.

Средний возраст генералов был пятьдесят-шестьдесят лет. Более молодые генералы встречались весьма редко. Во время первой мировой войны молодых генералов стало больше, но в то же время появилось и много старых, призванных на действительную службу из запаса и даже из отставки.

Наряду с молодыми генералами из полковников, носящими подстриженные «энглизированные» (то есть под английские) усы, можно было встретить генералов с длинными усами и подусниками и даже бакенбардами по моде времен Александра II. Для военных вообще было характерно подражать фасонами бород и усов царствующему императору. Поэтому большинство генералов носили бороды и усы под Николая II или Александра III.

Отставные генералы и генералы запаса имели специальные, «погашенные» погоны. На обычных генеральских погонах зигзаг был того же цвета, как поле погона. На погонах генералов запаса по нижнему краю погона шла широкая горизонтальная полоса из галуна другого цвета (на золотом поле серебряная, и наоборот). Отставные генералы имели на золотом поле серебряный зигзаг, на серебряном поле золотой.

В остальном форма у запасных и отставных генералов не отличалась от формы генералов действительной службы. В царской армии было очень много отставных генерал-майоров. Это объяснялось тем, что выходящим в отставку присваивался следующий чин, поэтому все полковники превращались в генералов. Именно из этой категории генералов, часто живущих только на пенсию, вербовались так называемые свадебные генералы, которых для почета приглашали за соответствующее вознаграждение на купеческие свадьбы. Трагикомический образ такого свадебного генерала выведен А. П. Чеховым в лице капитана II ранга Ревунова-Караулова в пьесе «Свадьба».

Генералы, бывшие генералами и до отставки, имевшие поместья и капиталы, по выходе в отставку заседали в правлениях банков и акционерных обществ или просто жили в своих поместьях, занимаясь коневодством или охотой. После свержения самодержавия большинство генералов признало Временное правительство и осталось на своих постах; некоторых особенно реакционных и жестоких генералов потребовали убрать сами солдаты.

Особенности костюма чинов Генерального штаба

Офицеры и генералы, причисленные к Генеральному штабу, носили серебряные погоны с двумя просветами на черном подбое с красными кантами. Между галуном и кантом была видна узкая полоска подбоя. Погоны были несколько шире обычных. На воротнике кителя по верху и низу (линии пришива воротника) был красный кант. При сюртуке и мундире был воротник из черного бархата, также с кантами по верху и низу воротника. Офицеры Генштаба носили серебряный аксельбант. Хлястик для пристежки аксельбанта был из черного приборного сукна. На правой стороне груди генштабист носил академический значок (Академии Генерального штаба), представляющий собой посеребренный венок из лавровых листьев, внутри которого был укреплен двуглавый орел. Петлицы на их шинелях были черные бархатные с красным кантом и посеребренной пуговицей, околыш фуражки черный бархатный с красными кантами внизу и наверху околыша, кант на тулье тоже красный.

Во время войны с полевой формой офицеры Генерального штаба иногда носили аксельбанты из шерстяного шнура светло-зеленого цвета. Наконечники же оставались такими, как обычно.

Солдатская одежда

К началу первой мировой войны солдаты имели полевую форму, состоящую из очень короткой гимнастерки защитного цвета, без карманов, с застежкой на четыре пуговицы на левую сторону. Летние гимнастерки были из хлопчатобумажной ткани, а зимние — суконные. Солдатские брюки (шаровары) носили в сапоги и были при летней форме бумажные, из той же ткани, что и гимнастерки, а суконные были у пехоты, артиллерии и всех других родов войск, кроме кавалерии,— черные, без кантов; у кавалеристов они были серые с синеватым оттенком.

Шинели были, в общем, схожи с теми, которые носят сейчас солдаты Советской Армии, но темно-серого цвета и с более широкими воротниками; хлястик был прямее и длинный. Дореволюционная солдатская шинель была длиннее, чем носят в Советской Армии. Особенно

длинные, до земли, шинели носили кавалеристы. Кавалерийская шинель имела разрез сзади до хлястика.

Одежда морских офицеров и адмиралов

У морских офицеров было значительно больше видов форменной одежды, чем у армейских офицеров.

Головных уборов у них было два. Во-первых, фуражка черная, с тремя белыми кантами, черным лакированным козырьком и черным подбородочным ремнем, а также кокардой общеофицерского образца на околыше. Летом на фуражке носили белый чехол. Другим головным убором была черная фетровая двууголка, которую носили с парадным мундиром.

Морские офицеры имели три кителя:

синий суконный однобортный китель со стоячим воротником и двумя верхними карманами с клапанами, последние застегивались на кнопку;

китель из рогожки или ластика с двумя накладными карманами и двумя разрезами сзади, его носили с черными и с белыми брюками (белые брюки были из того же материала, что и китель);

синий китель из хлопчатобумажного материала, такого же фасона, как белый; его носили с черными брюками, надевали только на корабле и преимущественно офицеры, связанные с обслуживанием машинного отделения или же артиллерии.

Корабельной формой одежды являлась также черная суконная двубортная тужурка типа бушлата, но несколько короче. Тужурка имела на отложном воротничке синие петлицы с черным кантом (китель петлиц не имел).

Полупарадной, выходной, или, как тогда называли, «визитной», формой одежды был черный двубортный сюртук на пять пуговиц по борту с четырьмя пуговицами сзади и задними прорезными карманами в фалдах. Обшлаг рукава был отрезной; пуговицы на обшлагах того же чекана, что и большие,— золотой орел и два скрещенных якоря (так называемые гимнастерочные) — пришивались одна ниже отреза, другая выше. Сюртук носили с крахмальным стоячим воротничком и черным галстуком-бантиком. Под сюртук надевался жилет из того же материала, однобортный с застежкой на шесть гимнастерочных пуговиц. Летом под сюртуком носили белые пикейные жилеты. Брюки при сюртуке были на штрипках. Сюртук морские офицеры носили с погонами и с эполетами, китель и тужурки — только с погонами; петлиц на сюртуке не носили.

Парадной формой одежды морских офицеров был черный двубортный мундир с вышитыми на воротнике и на столбиках (украшение на обшлагах) якорями. Мундир носили с эполетами. На корабле и вне строя — с брюками навыпуск, на сухопутном параде — с брюками в сапоги. При мундире носили двууголку или фуражку.

Брюки морских офицеров и адмиралов при любой форме одежды, включая и парадную, выпушек и лампасов не имели.

Верхней одеждой каждого морского офицера служила черная двубортная шинель общеармейского кроя с застежкой на шесть пуговиц по борту, с петлицами (синие с черным кантом). Летом морские офицеры носили суконные пелерины с прорезными карманами для руки, с пристяжным капюшоном. Застегивались пелерины пряжкой из двух львиных голов, соединенных цепочкой. Воротник был отложной, с петлицами и пуговицами. Пелерину носили с погонами и без них.

На кораблях при вахтенном дежурстве и штормах офицеры носили черные клеенчатые дождевики с капюшонами.

Обувью офицеров были черные штиблеты или ботинки, а также высокие сапоги пехотного типа с прямым обрезом голенища. Моряки шпор не носили. Шпоры надевались только на сухопутном военном параде, когда командиры частей ехали верхом.

При белых брюках офицеры носили белые парусиновые туфли (полуботинки).

Даже пояса у морских офицеров были нескольких типов. При кителях и сюртуке носили узкий пояс для кортика, обтянутый черной шелковой репсовой лентой и украшенный позолоченными изображениями львиных голов. Пояс застегивался металлической застежкой в виде изогнутой змеи. Одна сторона змеи была прикреплена к львиной голове, а другая продевалась в петлю, имеющуюся на другой львиной голове. Львиными головами были украшены и пасики (ремешки для подвески кортика). При кителе пояс надевался под китель, при сюртуке — поверх сюртука.

Парадный пояс был из золотой парчи с черными вытканными на ней полосками и с овальной металлической пряжкой, украшенной накладным якорем. В особо торжественных случаях на пояс надевался при помощи петли так называемый «шарф» — два конца из той же парчи с золотыми кистями внизу. Пасики парадного пояса были из того же материала, что и пояс, и украшены львиными головами. И, наконец, на шинели носили затяжной кожаный пояс общеофицерского образца, но черного цвета, с пряжкой на одну шпильку. Пасики были тоже черные кожаные, прикрепленные к муфте, надеваемой на пояс.

Личным оружием офицеров был кортик — короткий трехгранный кинжал с ручкой из слоновой кости, в черных лакированных ножнах с медной оковкой. Кортик носили без темляка.

На парадах и при десантных операциях офицеры носили палаши — прямые сабли в черных ножнах с медной охваткой, с черной рукоятью и с медной гардой. На палашах носили темляки, черные, с серебряной кистью — пехотного типа. Офицеры, имеющие орден св. Анны 1-й степени, носили красные темляки с желтыми кантами.

Огнестрельным оружием морского офицера служил наган, который носили в черной кобуре, висящей на пасиках, прикрепленных к муфте, надеваемой на ремень с правой стороны. На муфте был сделан маленький патронташ. К нагану был прикреплен черный плетеный кожаный шнурок, который надевали на шею. На параде шнурок был золотой с черным. Наган носили только при кителе (тогда пояс надевался под китель) или на шинели. Наплечной портупеи морские офицеры не носили.

Погоны морских офицеров были золотые, с черным кантом и черным подбоем, имели черные просветы, вышитые серебряные звездочки.

Низший офицерский чин — мичман — имел один просвет и одну звездочку; младший лейтенант — две звездочки; лейтенант — три звездочки; старший лейтенант — четыре звездочки; капитан 3-го ранга — один просвет без звездочек; капитан 2-го ранга — два просвета и три звездочки; капитан 1-го ранга — два просвета без звездочек.

Погоны офицеров-артиллеристов, штурманов, инженер-механиков были серебряными, на черном подбое, с черными кантами и с золотыми звездочками. Пуговицы их были серебряные. Воинские звания эти категории офицеров имели общеармейские: поручик, капитан, подполковник, полковник, генерал.

Адмиралы носили золотые погоны на черном подбое с золотыми же зигзагами и с двуглавыми орлами, вышитыми черной шерстью, в середине был щиток с андреевским флагом царской России, состоящий из двух голубых полос в виде буквы «Х». Контр-адмирал имел одного орла; вице-адмирал — двух; адмирал, или, как тогда говорили, полный адмирал,— трех орлов.

Существовало еще звание генерал-адмирала, равное фельдмаршалу. Единственным генерал-адмиралом в царствование Николая II был великий князь Алексей (брат Александра III), умерший в 1908 году. Генерал-адмирал носил на адмиральских погонах с тремя орлами еще вышитые серебром скрещенные фельдмаршальские жезлы.

Эполеты морских офицеров и адмиралов были золотые и просветов не имели, а звездочки были серебряные, вышитые. Эполеты морских офицеров, от мичмана до капитана 3-го ранга, не имели бахромы; капитаны 1-го и 2-го рангов имели тонкую бахрому, адмиралы — толстую. На адмиральских эполетах были вышиты такие же орлы, как на погонах. Если морской офицер имел придворное звание флигель-адъютанта (обычно это были капитаны 1-го ранга), то он на погонах и эполетах носил вензель Николая II. На погонах вензель вышивали, а на эполетах он был накладным металлическим. Вензель состоял из короны, под ней — буква «Н», внутри буквы — маленькая цифра «II». Кроме того, флигель-адъютант носил на правом плече аксельбант, а на шинели — не обычные флотские петлицы, а петлицы царской свиты — красные с белым кантом. Те же отличия имели адмиралы, носящие придворное звание генерал-адъютанта.

С изменением морской формы, произведенным в мае 1917 года, были ликвидированы погоны и петлицы у офицеров и адмиралов; их заменили нарукавные шевроны (нашивки) по английскому типу. Шевроны шли вокруг рукава, начиная от обшлага; имели разную толщину для младших офицеров от мичмана до старшего лейтенанта, для старших — капитанов 3-го, 2-го и 1-го рангов и для адмиралов. Верхний шеврон имел петлю и был одной ширины и одного типа для всех званий. Остальные шевроны были прямые.

Изменились и другие атрибуты формы. Сменились пуговицы. На них был выбит якорь, сохранившийся на военно-морских пуговицах до наших дней. Разнились эти пуговицы от современных тем, что не имели ободка. Общеофицерская кокарда, которую носили моряки, уступила место так называемой «капусте» — венку из лавровых листьев,— посередине которой был вмонтирован маленький якорь. Над якорем была укреплена золотая звездочка. Сначала новую эмблему носили на фуражках старого образца, но вскоре они были заменены фуражками, заимствованными из английской морской формы,— так называемыми «капитанками», околыш которых был обтянут черной шелковой репсовой лентой, а тулья уменьшена по сравнению с прежней фуражкой и лишена кантов. Козырек тоже изменил форму, стал более плоским и без выпуклой полоски. Вместо ремешка стали носить тонкий золотой шнурок.

Сюртуки и мундиры были отменены. Офицеры стали ходить в тужурках и кителях. Эта форма явилась прообразом советской морской формы первых лет Советской власти: были изменены рисунки «капусты» и значительно изменен характер шевронов. Они стали короче, исчезла петля, изменили ширину, и сверху были увенчаны золотой звездочкой. В несколько измененном виде шевроны существуют на флоте по сей день у плавающего на кораблях офицерского состава.

Одежда морских кадетов

В России был только один морской кадетский корпус — в Петербурге. Называли его «Морской кадетский корпус цесаревича Алексея». Это наименование и было вытиснено на ленточке бескозырок, которые в остальном не отличались от матросских.

Вся форма кадет была схожей с матросской, за исключением погон, имевших белый кант, и золотого металлического якоря. На форменках и голландках кадеты носили не контрпогоны, а обычные, но узкие погоны с якорем. Бушлаты были больше похожи на офицерские тужурки, и на них были не петлицы, а золотые столбики. Под бушлаты надевали крахмальные воротники и манжеты. На шинелях носили обычные морские петлицы. На поясе морские кадеты носили черный прямой палаш с черным же эфесом и черной оковкой. Темляк был из черной кожи. Воспитанники старших классов морского корпуса именовались гардемаринами и производились в офицеры (мичманы) непосредственно в корпусе, так как, в отличие от сухопутных (армейских) корпусов, морской корпус соединял в себе кадетский корпус и так называемые гардемаринские классы, соответствующие юнкерскому училищу.

Корпус и юнкерское училище имел также пажеский корпус.

Гардемарины, которые с первых классов учились в морском корпусе, носили белые погоны, окаймленные по типу юнкерских золотым галуном; на их погонах был металлический якорь.

Гардемарины, поступившие из других корпусов или средних учебных заведений, носили черные погоны. Они так и назывались — черные гардемарины. Особенно много появилось их в годы войны.

Офицерство из рядов черных гардемаринов было более демократичным по составу, и из него вышло много командиров Советского Красного Флота (например, черным гардемарином был командир легендарной Волжской флотилии в гражданскую войну Ф. Ф. Раскольников; черным гардемарином был и адмирал флота СССР И. С. Исаков).

Вольноопределяющиеся флота

Вольноопределяющиеся на флоте встречались гораздо реже, чем в армии. Вербовались они преимущественно из студентов технических высших учебных заведений. Они носили обычную матросскую форму.

Погоны на бушлатах и шинелях у них были окаймлены оранжево-черным шнурком (таким же, как у вольноопределяющихся в армии). На форменках и голландках помимо обычного контрпогона вольноопределяющиеся флота носили перпендикулярно к центру контрпогона оранжево-черный шнурок по всей длине плеча.

Матросская форма

Форма матросов в дореволюционное время и в период февраля — октября 1917 года хотя и была схожа с современной матросской формой, но в то же время значительно отличалась от нее кроем и рядом деталей.

Головным убором, как и теперь, служила черная бескозырка с тремя белыми кантами (на современной — два канта). Тулья бескозырки была меньше, чем носят теперь, и имела овальную форму. Околыш был обтянут черной репсовой лентой, оканчивающейся двумя «хвостами» с напечатанными на них золотой краской якорями. Черноморский флот и Гвардейский экипаж носили «георгиевские» черно-оранжевые ленты. Золотой же краской были напечатаны на ленте названия кораблей или экипажей.

Во времена парусного флота экипажем называлась отдельная команда в тысячу человек — полное число матросов для стопушечного трехпалубного корабля; позже экипажем стали именовать морскую часть, состав которой не был приписан к определенному кораблю флотилий или частей береговой обороны. Кокарду на бескозырках матросы носили на тулье. Кокарда была значительно меньше солдатской, но такая

257. Прапорщик
258. Подпрапорщик. Петербург
259. Вольноопределяющийся во время первой мировой войны
260. Подпрапорщик
261. Прапорщик
262. Генерал-майор кавалерии в походной форме. Петербург. До 1915 г.
263. Штабс-офицер кавалерии
264. Подполковник. 1914—1917 гг.
265. Солдат казачьих войск. Петербург
266. Прапорщик
267. Фельдфебель. Петербург
268. Урядник казачьего полка
269. Военный писарь. Петербург
270. Мичман флота, адъютант в парадном мундире. Петербург. До 1915 г.
271. Гардемарин с матерью. Петербург
272, 273. Группа моряков на капитанском мостике перехода «Нижний Новгород». Кострома. 1913 г.
274. Взвод дворцовых гренадер на Дворцовой площади. Петербург. 1914 г.

257
258

259
260

261
262

263
264

265

266
267

268
269

270
271

272

274

же по фасону и расцветке. Зимних шапок матросы не имели. В мороз носили специальные наушники из черного сукна, подбитые изнутри бежевой байкой, надевающиеся прямо на уши и соединенные под подбородком черной резинкой. В сильные морозы матросы носили башлыки того же типа и расцветки, что и солдатские. Летом на тулью бескозырки надевался белый полотняный чехол. Матросы носили тельняшки в сине-белую полоску. Некоторые флотилии и части береговой обороны имели тельняшки в красно-белую полоску (например, части Одесской береговой обороны).

Синие суконные рубахи с воротником сзади — форменки — были схожи с теперешними. Различие заключалось в том, что они были длиннее и шире, а также имели более высокие манжеты с другим типом складок. Под форменкой носилась так называемая голландка — белая полотняная рубаха с голубым воротником с тремя белыми напечатанными полосками. Голубыми были и манжеты, также украшенные тремя белыми полосками (полоски олицетворяли три великие победы русского флота: при Гангуте, Чесме и Синопе). Голубой воротник выпускался поверх воротника форменки. Летом голландку носили одну, без форменки. И форменка и голландка заправлялись в брюки.

Матросские брюки из черного сукна шили с так называемым откидным передком (то есть без гульфика) и без клеша. Клеш появился только во время Февральской революции, точнее, с 4 мая 1917 года, когда произошла реформа морского костюма, за основу которой была принята английская морская форма. Матросские брюки канта не имели, подпоясывались черным ремнем с черной пряжкой. Гвардейский экипаж имел белые пояса из лосиной кожи. На пряжке этого пояса был вытеснен двуглавый орел несколько меньшего размера, чем на солдатской пряжке, а под орлом — два скрещенных якоря. Тот же рисунок (чекан) был и на золотых морских пуговицах.

Верхней одеждой матросов являлись бушлат и шинель из черного шинельного сукна. Бушлат был длиннее, чем современный, более мешковатый по краю, застегивался на шесть пуговиц по борту. На бушлате и шинели носили темно-синие петлицы с черным кантом, к которым были пришиты пуговицы. Матросы гвардейского экипажа носили бушлат, окаймленный по вороту и борту белым кантом. Шинель была с застежкой на крючках и с шестью фальшивыми пуговицами посередине; сзади шинель имела хлястик на двух пуговицах и шлицу (разрез) с четырьмя маленькими пуговицами по краю.

На бушлате и шинели матросы носили погоны из того же материала, солдатского фасона. На погонах была литеровка — трафарет желтой масляной краской. Матросы, принадлежащие к командам кораблей, носили литеровку флота или флотилии.

Матросы, приписанные к кораблям, имели литеровку, состоящую из заглавной буквы данного флота и буквы «Ф» («Ч. Ф., «Б. Ф.»); матросы флотилии — заглавную букву названия флотилий прописью «Ф» и маленькую букву «л»; матросы экипажей — «ГеЭ», «1Б. Э.», «2Б. Э». Матросы береговой обороны — «Б. О».

Чины (звания) унтер-офицерского состава обозначались на погонах нашивками из желто-оранжевой тесьмы с красными полосочками по краям и были схожи с армейскими. Одну узкую полоску имел старший матрос (в армии — ефрейтор), две — младший унтер-офицер (в армии — то же звание), три — старший унтер-офицер (то же звание), одну широкую — боцман (в армии — фельдфебель).

Боцманы и унтер-офицеры носили фуражки с козырьком, без ленты, с кокардой на околыше, форменках и на голландках. Матросы носили контрпогоны — поперечный короткий погон (без пуговицы) — с теми же нашивками и литеровкой, как на обычном погоне.

Под матросские бушлат и шинель надевали черный суконный галстук, плотно охватывающий шею и оканчивающийся небольшим полукруглым куском материала, лежащим на груди у ворота (этот морской галстук сохранился и в современной матросской форме).

Был еще один вид костюма — роба (от французского «robe» — платье). Он состоял из рубахи и брюк, сшитых из брезента. Костюм этот матросы носили только на корабле во время уборки или ученья. С левой стороны робы на груди была пришита тесьма с личным номером матроса.

Матросы носили высокие сапоги из черной юфти. На палубе и вне строя сапоги надевались под брюки. На марше, на парадах и при десантных операциях брюки надевались в сапоги. Были у матросов и ботинки солдатского типа, их носили с робой.

Личным оружием матросов была винтовка, несколько короче солдатской (драгунская). Приклад и деревянные части винтовки — черные с черным же наплечным ремнем (гвардейский экипаж имел белые ремни) и с трехгранным штыком. Патронташи носились не на поясе, как в армии, а на специальном черном ремне, надетом через левое плечо. Патронташ висел почти на уровне пояса с правой стороны. Гвардейский экипаж имел патронташный белый ремень.

Морские унтер-офицеры носили с левой стороны тесаки — широкие кинжали в черных ножнах и с медной витой ручкой, несколько напоминающие древнеримские мечи. Тесак висел на специальной петле на поясе. У гвардейского

экипажа эта петля была белая. На шее у унтер-офицеров висели на цепочке металлические дудки — особого рода свистки, при помощи которых на корабле подавались команды. Отсюда известное выражение «свистать всех наверх», то есть вызывать команду из кубрика на палубу.

Как уже говорилось, Временное правительство приказом от 4 мая 1917 года изменило флотскую форму. Больше всего это коснулось формы офицеров. У матросов были только отменены погоны и петлицы, а также изменен чекан пуговиц и пряжки (вместо орла с двумя скрещенными якорями появился один большой якорь, сохранившийся на пуговицах советского флота). Матросы и на берегу стали носить брюки навыпуск. Появились брюки-клеш и черные ботинки на шнуровке. На пряжках вместо орла был введен якорь.

Унтер-офицерский состав флота стал носить на околыше фуражки металлические якоря. Знаки различия (нашивки) в связи с отменой погон перешли на рукава форменок, голландок, бушлатов и шинелей.

Матросы-вестовые (денщики), обслуживающие в качестве официантов офицерские кают-компании, подавали к столу, одетые в белые голландки, белые брюки и белые парусиновые туфли; им обязательно полагались белые нитяные парчатки.

Форма вестовых, находящихся при офицерах, ничем не отличалась от обычной матросской формы.

Обувь в армии и военно-морском флоте

Солдаты царской армии были обуты в высокие сапоги черного цвета из юфтовой (яловой) кожи; голенища сапог были более высокими, чем носят теперь солдаты, с большим количеством складок.

Пехотинцы и кавалеристы носили сапоги различных фасонов. У пехотинцев голенища были более низкими, имели ровный (прямой) обрез. У кавалеристов голенище было выше и имело так называемый козырек, доходящий спереди до колена. Кроме того, на кавалерийских сапогах каблук был меньше по площади, чем у пехотинцев. Это делалось для того, чтобы можно было надеть шпоры, так как широкий каблук требовал бы удлинения вилки шпор.

Казаки, хотя и были кавалеристами, носили сапоги пехотного образца, потому что козырек был неудобен для заправки шаровар, а также и потому, что казаки шпор не носили, так как при посадке в казачьем седле шпоры были бесполезны. Исключение составляли казачьи гвардейские полки: лейб-гвардии сводный и лейб-гвардии атаманский.

С 1915—1916 года, когда в армию были призваны большие контингенты запасных старших возрастов, а также много новобранцев, вследствие чего ощутилась нехватка обмундирования, в пехоте появились ботинки и обмотки (бинты). Солдатские ботинки делались из грубой кожи черного цвета: фасон колодки был таким же, как и на высоких сапогах. Вместо шнурков использовались сыромятные ремешки. Ботинки были цельные, то есть без пришивного носка.

Обмотки изготовлялись из плотной хлопчатобумажной ткани защитного или серого цвета. Обмотки пропускались сквозь катанное ушко, имевшееся на заднем шве ботинок, а затем навивались вокруг ноги почти до колена и завязывались при помощи двух тесемок, имевшихся на конце обмотки. Кроме солдат-запасников и вновь призванных ботинки носили также кадровые солдаты, сносившие свои сапоги, причем не редкостью были среди них ботинки, поверх которых надевались голенища от старых, сношенных сапог вместо обмоток. В 1917 году, когда стало доставляться английское и французское обмундирование, в том числе и обувь, появились английские коричневые ботинки и английские же шерстяные обмотки горчичного цвета, ставшие в годы гражданской войны основным типом обуви белогвардейской пехоты.

Основным типом офицерской обуви были высокие сапоги. Сапоги шились из шевро или хрома черного цвета разнообразных фасонов как по колодке, так и по форме голенища. Фасонов колодок было три: узкие, круглые и появившиеся во время войны так называемые «бульдоги» (с возвышением на носке). Голенища были на мягкой, обычно замшевой, подкладке и твердом футере, то есть с прокладкой из жесткой кожи, идущей от верха голенища до гармошки. Верх голенища был прямым либо с козырьком. Голенища были очень узкие — между ногой и голенищем нельзя было просунуть палец. Поэтому надевание и снятие сапог было весьма длительным и мучительным делом. Надевались сапоги при помощи специальных крючков, зацепляемых за ушко сапог. Внутрь насыпали тальк или канифоль. Снять же сапоги офицер обычно не мог без помощи денщика и специального приспособления в виде дощечки с вырезом для каблука. При помощи дощечки нога выходила из головки сапога, но застревала в подъеме голенища. Денщик становился спиной к офицеру и тянул сапог, а офицер другой ногой упирался в спину денщика, и общими усилиями сапог наконец снимался.

Сапоги являлись предметом особой заботы и щегольства офицеров дореволюционной армии. Любопытно, что в мирное время для участия в параде офицеры заказывали специальные сапоги, голенища которых зашивались на ноге. Снять

такие сапоги было невозможно, и поэтому голенища распарывались на ноге после парада.

В отличие от современных высоких сапог офицерские сапоги имели голенища, сшитые по икре, поэтому правые и левые голенища были разной формы (для этого делались специальные правила — колодки для голенищ — на левую и правую ногу).

Во фронтовых условиях офицерские сапоги оказались крайне неудобными. Сапоги на твердом футере вообще перестали носить, а голенища сапог на мягкой подкладке стали делать с застежкой на два ремешка (сзади или сбоку) или на шнуровке. Такие сапоги хорошо сидели на ноге, их было легко надеть и снять.

Офицерские сапоги имели каблук специальной формы. Он был небольшим по площади, довольно высоким, сзади скошенный, в общем напоминающий женский венский каблук. Скошенность каблука давала возможность шпоре «падать» с каблука, что считалось шиком. При высоких сапогах шпоры носились только на ремешках.

Другой формой обуви являлись черные штиблеты на резинке, их носили при брюках навыпуск. Во время войны они почти вышли из употребления. Носили их преимущественно военные врачи и чиновники. Штиблеты имели цельную головку (без пришивного носка). Шпоры на штиблетах носили так называемые винтовые или накаблучные. Они прикреплялись к задку каблука при помощи специального острия находящегося внутри вилки шпоры, а концы вилки привинчивались к бокам каблука. Шпоры на ремешке со штиблетами не носили.

В 1916—1917 годах появились и широко распространились ботинки с крагами. Сначала носили их офицеры авиации и автоброневых войск, а потом стали носить и штабные и пехотные офицеры, чиновники разного рода военизированных учреждений, а также гражданские лица, носившие бриджи. В крагах, например, ходил и сам глава Временного правительства — А. Ф. Керенский.

Ботинки с крагами были на шнуровке, часто с носком фасона «бульдог». Краги представляли собой как бы точный слепок икры. Делались они из толстой кожи или из хрома, наклеенного на толстую кожу. Спереди имели разрез, застегивались при помощи специальных железных пластинок, вшитых в кожу, и, кроме того, затягивались наверху ремешками на пряжке. Был еще тип краг, поверх которых обвивался ремень, стягивающий крагу на ноге. В 1917 году стали появляться краги коричневого цвета (их носили с коричневыми ботинками). Шпоры при ботинках с крагами обычно не носили.

Одновременно с ботинками и крагами появились высокие ботинки на шнуровке. Они были распространены гораздо меньше краг. Носили их преимущественно офицеры авиации, автомобильных и мотоциклетных войск. Ботинки были черные и коричневые. Носы ботинок были пришивные, чаще всего фасона «бульдог», некоторые ботинки имели по верху голенища пришитый кожаный манжет, застегивающийся на два ремешка с пряжками, назначением которого было закрыть завязки шнурков. С высокими ботинками шпор не носили.

Во фронтовых условиях зимой офицеры носили теплую обувь. Чаще всего это были фетровые валенки кофейного или белого цвета, с обшитыми коричневой кожей носками и задниками. Валенки были и цельные и сшитые из войлока. В таком случае спереди и сзади они обшивались по шву кожаным узким ремешком. Носили также бурки — кавказские теплые сапоги, сшитые из черного войлока с начесом (из такого войлока делались кавказские войлочные плащи без рукавов — бурки, отсюда название перешло на обувь). Головки бурок целиком обшивались поверх войлока черной мягкой кожей. Валенки и бурки носили при бекеше, реже при шинели. Они не были строевой формой обуви.

Уставной обувью матросов были высокие сапоги пехотного образца. На корабле матросы носили сапоги под брюки навыпуск. В строю, на суше (парады, десант) брюки вправлялись в сапоги. В тех случаях, когда матросы надевали робы, вместе с ними надевались грубые ботинки без пришивного носка. Ботинки на шнуровке у матросов появились только после Февральской революции 1917 года (в царском флоте ботинки носили только морские офицеры).

Офицеры военного флота при брюках на выпуск носили либо черные штиблеты на резинке, либо ботинки на шнуровке с пришитым носком. При белых брюках были парусиновые белые полуботинки — туфли. На суше (на параде или при десантных операциях) носили высокие сапоги пехотного образца с прямым обрезом голенища. Если офицер ехал верхом, то на сапоги надевались шпоры. В пешем строю шпор не носили.

Носить высокие сапоги на шнуровке и ботинки с крагами у морских офицеров было не принято.

Особенности одежды казаков

Совершенно особым родом кавалерии были казачьи войска. От обычной регулярной кавалерии они отличались костюмом, вооружением, седловкой, строем; наименованием офицерского состава и условиями прохождения военной службы. Поэтому казаки считались иррегулярным родом войск.

В дореволюционной России казаки были особым военным сословием. За богатые земельные наделы, закрепленные царским правительством за казаками, и за ряд налоговых и других льгот казаки должны были многие годы находиться на военной службе и являться для ее прохождения в своей форменной одежде, со своим конем и своим оружием. С семнадцати-двадцати лет казаки числились «малолетками» (допризывниками). С двадцати до пятидесяти пяти лет — «служилыми», то есть годными для военной службы. В этот период их могли призвать на действительную службу, войну, учебный сбор и т. д. С пятидесяти пяти до шестидесяти лет казаки считались «домоседными», то есть запасными, и только после шестидесяти лет переходили в разряд отставных.

Исторически образовавшиеся из беглых — от произвола царей, воевод и помещиков — людей, поселившихся на окраинах Русского государства, управляемых своими законами и выбранными из своей среды предводителями — атаманами, казаки поначалу представляли собой вольницу, выдвинувшую из своей среды Ермака, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева.

Приученные к умиротворениям и усмирениям, казаки вполне логически оказались именно теми военными частями, которые использовались в период первой русской революции 1905—1907 годов для разгона революционных выступлений рабочих, студентов и крестьян, для усмирения восстаний против царизма на окраинах империи.

Казачество разделялось на отдельные казачьи войска: Донское, Уральское, Оренбургское, Кубанское, Терское, Сибирское, Амурское, Забайкальское, Уссурийское и Астраханское. Войска эти разнились друг от друга покроем и цветом формы и численным составом. Самыми многочисленными казачьими войсками были Донское и Кубанское. Самым малочисленным — Астраханское, выставлявшее в военное время один полк, причем неполного состава (четыре сотни вместо обычных шести).

Донское войско в начале XX века в военное время выставляло 51 полк полного состава, 22 конно-артиллерийские батареи и 6 орудий в каждой. Кроме того, имело в резерве так называемые второочередные части — 30 сотен и 22 батареи.

Из донских казаков было сформировано также два лейб-гвардейских полка — лейб-гвардии казачий и лейб-гвардии атаманский. Вдобавок к ним еще имелся один лейб-гвардии резервный казачий полк. В резервных полках и батареях числились казаки старших возрастов.

Еще более многочисленным было Кубанское казачье войско, состоявшее из потомков запорожских казаков, сохранивших украинские фамилии и украинский язык. Кубанцы были единственным казачьим войском, в рядах которого кроме кавалерии и артиллерии были пехотные части — так называемые пластуны (от слова «пласт»). Пластуны-казаки, сражавшиеся в пешем строю, были еще у запорожцев — прямых предков кубанских казаков.

Кубанцы и терцы носили форму, перенятую с одежды кавказских горцев,— папахи, бешметы, черкески с газырями, кинжалы на поясе, бурки,— чем резко отличались от остальных казачьих войск, одетых в фуражки, чекмени (род однобортной короткой поддевки со складками сзади, застегнутой на крючки по центру), шаровары с лампасами и шинели общеармейского образца.

Каждое казачье войско имело свой, присвоенный ему цвет лампасов, погон и кантов.

Прибор (то есть цвет погон, пуговиц и шитья) у всех казачьих войск был серебряный, а у казачьей артиллерии — золотой.

Казаки были вооружены пиками с граненым острием. Древко (тело пики) было из железной трубы, окрашенной в темно-зеленый цвет. Пика имела две кожаные петли — одну внизу, другую посередине. В нижнюю петлю казак вставлял ногу, сидя верхом, а верхнюю надевал на правую руку. Казачьи шашки отличались от кавалерийских тем, что эфес их был без гарды (металлической петли вокруг рукоятки). Шашки казачьего образца были взяты на вооружение Красной и Советской Армией. Казачье вооружение дополняла укороченная винтовка или карабин, которую казаки носили за спиной. Казачий патронташ представлял собой длинную узкую кожаную или брезентовую сумку, носимую на груди через левое плечо. Револьверы в казачьих войсках имел только унтер-офицерский состав. Экипировку казаков дополняла неизменная нагайка — камчуг, бывший грозным оружием в их руках при всяких «усмирениях». Камчуг, или, как ее чаще называли, камча, с одного удара разрезал, как ножом, толстое пальто, перебивал тонкую доску.

Седловка казаков отличалась от общекавалерийской. Уздечки были без мундштуков, имели только один трензель. Седло имело высокие луки, накладную мягкую кожаную подушку, пристегнутую к основанию седла кожаным ремнем — катауром. Кожа седла была черная или темно-коричневая. Стремена висели ниже, чем на кавалерийском седле, так как казаки ездили почти стоя на стременах. Основание стремени было овальным. К седлу пристегивалась шлея, охватывающая шею лошади, проходившая между передними ногами и закрепленная к подушке. От задней луки седла шел по хребту лошади продольный ремень

оканчивающийся петлей, пропускаемой под репицу лошади. Цвет ремней шлеи был черный или темно-коричневый. Уздечка и шлея часто были украшены набором из серебра или белого металла. Седловку дополняли переметные сумы — два кожаных мешка, укрепленных сзади седла по бокам лошади.

Конский состав в каждом казачьем войске был другим по своему виду и породе. Гвардейские и донские казаки ездили на донских лошадях, высоких, стройных, с горбоносой мордой, с тонкой шерстью, обычно рыжей или гнедой масти.

Кубанские и терские казаки имели лошадей кавказского происхождения — карабахов и кабардинцев. У оренбургских и семиреченских казаков лошади были киргизской и казахской породы — малорослые, с короткой шеей и ногами, очень выносливые и неприхотливые. Лошади забайкальских, сибирских, амурских и уссурийских казаков были еще меньше, с большой головой, с мохнатой шерстью, местной (монгольской, якутской и тунгусской) породы, преимущественно серой или белой масти.

Лошадь была предметом особой заботы казака, тем более что она была его собственная, а не казенная. Это нашло отражение в ряде пословиц: «Казаку конь себя дороже», «Казак сам голодает, а лошадь сыта», «Казак без коня, что солдат без ружья».

На своих конях казаки показывали чудеса джигитовки: например, ездили стоя на седле, держа в руках кипящий самовар; подлезали на всем скаку под брюхо лошади и, зацепив одной ногой за стремя, свешивались с седла вниз головой и т. д. Многие казачьи номера вошли в репертуар цирковых джигитов.

Казачьи лошади были приучены прибегать на свист своего хозяина, ложиться на бок, превращаясь в живой бруствер, чтобы казак мог, схоронившись за ним, вести огонь.

Во время казачьей атаки их кони принимали участие в битве — били передними ногами и грызли неприятельских коней и всадников.

Казаки атаковали своим особым строем в одну шеренгу, именуемым лавой. Лава имела дугообразную вогнутую форму с выдвинутыми вперед флангами. Фланги смыкались, охватывая противника в клещи.

Казачьи войска применялись главным образом для разведки боем (как тогда называлось — рекогносцировки) и для преследования отступающих неприятельских частей.

Славились казачьи войска также своей мобильностью. Известны случаи, когда казаки за сутки проходили в конном строю до ста верст и сразу вступали в бой. Бесспорно, они были одними из лучших кавалерийских соединений мира.

Все неприятельские армии с XVIII по XX век больше всего боялись казаков, так как храбрость, внезапность появления и действия, особая тактика делали их грозными противниками.

Прохождение казачьего полка в строю тоже отличалось своеобразием. Впереди казачьего полка вприсядку плясали плясуны, аккомпанируя себе на бубнах, балалайках и ложках. В полковом оркестре помимо обычных духовых и ударных инструментов были включены гармонисты, рожечники. Впереди оркестра везли бунчук — высокое древко с медной тарелкой наверху, украшенное двумя конскими хвостами и обвешанное колокольчиками. Бунчук в Турции был знаком власти военачальников-пашей. Были однобунчужные, двух-, трехбунчужные паши. От турок этот символ перешел к украинским гетманам, а через запорожцев — к казакам, потеряв со временем значение символа власти и превратившись, благодаря колокольчикам, в музыкальный инструмент.

Казачий командный состав носил особые звания. Унтер-офицеры именовались урядниками, фельдфебели (вахмистры) назывались старшинами. Казачьими офицерскими званиями были: хорунжий (подпоручик, в кавалерии — корнет), сотник (поручик), подъесаул (штабс-капитан , в кавалерии — штабс-ротмистр), есаул (капитан, в кавалерии — ротмистр), войсковой старшина (полковник).

Казачьи офицеры помимо специфической казачьей формы могли носить и общеофицерскую — фуражки, китель, сюртуки, гимнастерки, шинели, сохраняя от казачьей формы только синие шаровары или бриджи с лампасами (брюки навыпуск казачьи офицеры не носили) и шашку казачьего образца, а офицеры гвардейских казачьих полков — саблю в никелированных ножнах с рукоятью из слоновой кости, носимую, как палаш, на поясной портупее.

Крупные поселения казаков назывались станицы, поэтому казаков именовали станичниками. Во главе станицы стоял станичный атаман. На эту должность назначался казачий офицер, проживающий в данной станице, избранный на станичном кругу (сходе).

Во главе нескольких станиц стоял окружной атаман, а во главе всего отдельного казачьего войска (в мирное время) войсковой атаман — по чину генерал, часто бывший одновременно военным губернатором. Во время войны командующим данным казачьим войском являлся наказной атаман — тоже генерал.

Казаки, в мирное время живя по станицам, носили форму или ее элементы — чаще всего фуражки и шаровары.

Люди, жившие в станицах и не принадлежащие к казакам, назывались «иногородними».

Головным убором казака летом была беско-

зырка (до 1907 года), после — фуражка с широкой тульей, синего или сине-лилового цвета, с цветным околышем, а после 1914 года — защитного цвета. Зимой и при парадной форме казак надевал черную папаху с цветным донцем.

Каждодневная форма казака — гимнастерка (белая до 1907 года), затем защитная, синие шаровары с лампасами, узкий затяжной ремень с пряжкой на один шпенек. В гвардейских полках пояс и портупея были из белой кожи.

Гвардейские казаки при парадной форме носили черные мерлушковые папахи-кивера, с андреевской звездой вместо кокарды и белым султаном с левой стороны. Под звездой висело плетеное из белого шнура украшение, оканчивающееся двумя длинными шнурами с плетением и кистями на концах, свисающими с правой стороны, ниже погона. Донце папахи-кивера имело лопасть — клиновидное окончание донца, свисающее с правой стороны до низа папахи-кивера.

Каждодневной формой головного убора гвардейских казаков служила папаха с андреевской звездой вместо кокарды. Над звездой была медная ленточка с надписью «За отличие».

Казачий мундир называли чекмень; был он без пуговиц, застегивался по центру на крючки. По его вороту и обшлагам (треугольной формы) имелся кант; на вороте — по одной тесемочной петлице с каждой стороны. На обшлагах было по одному столбику. У лейб-гвардии казачьего полка чекмень был красный, у атаманского — голубой, у остальных полков — темно-синего и сине-лилового цвета.

Казачьи унтер-офицеры имели широкий серебряный галун по воротнику и по обшлагам.

Шинели казаков были общеармейскими кавалерийского образца, у гвардейских казаков — пехотного образца, но с разрезом до хлястика. Сапоги были высокие, с прямым обрезом голенища, но длиннее (выше) пехотных. Гвардейские казаки носили шпоры, армейские не носили.

Казачий костюм дополнял башлык из верблюжьей шерсти, обшитый белой тесьмой. В военное время зимой казаки носили нагольные полушубки с боковой застежкой на крючках, с разрезом сзади и прорезными карманами. Сибирские и забайкальские казаки носили даже валенки.

Цвет прибора каждое казачье войско имело свой. Этого цвета были лампасы, околыши фуражек, донца папах, погоны рядовых казаков, просветы (полоски), подбой на эполетах и погонах офицеров.

Приборное сукно было: у донцов — алое, у уральцев — малиновое, оренбуржцев — голубое, у забайкальцев, уссурийцев, амурцев — желтое.

Кубанские и терские казаки были одеты в бешметы и черкески с газырями. У кубанцев бешметы были красные, черкески — черно-синие. У терцев — бешметы голубые, черкески — темно-серые. Погоны и донца папах были в цвет бешмета. Пояса были кавказские, узкие, с набором. На поясе висел кинжал.

Унтер-офицеры имели галун по вороту бешмета, а вместо шинели носили черные бурки.

С начала первой мировой войны, в 1914 году, стали носить черкески защитного, табачного или коричневого цвета с черными и темно-серыми бешметами.

Сапоги носили без шпор.

XIII. Полиция и жандармерия. Структура аппарата и формы одежды

Полиция

Структура полицейского аппарата царской России была сложной и разветвленной [13]. Возглавлялась она департаментом полиции министерства внутренних дел. Высшим начальственным чином этого департамента был товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией; ему подчинялся директор департамента.

Департаменту были подвластны все виды полиции: наружная, сыскная (уголовная), речная, конная, земская (сельская). Исключение составляли политическая и дворцовая полиции. Политическая полиция (охранка) находилась в ведении III отделения «Собственной Его Величества Канцелярии». Функции политической полиции осуществлял Отдельный корпус жандармов, который подчинялся шефу жандармов, одновременно являвшемуся товарищем министра внутренних дел. Эту должность занимал часто гвардейский генерал, бывший одновременно царским генерал-адъютантом, что обеспечивало ему непосредственный доступ к царю. Следует подчеркнуть, что во главе жандармерии стоял не профессиональный жандарм, а лицо, приближенное к царю. Это повелось еще со времен Николая I — организатора жандармерии, поставившего во главе ее своего любимца, графа Бенкендорфа.

Дворцовая полиция, функцией которой являлась внешняя охрана дворцов, царя и великих князей, находилась в ведении министра императорского двора.

Главной задачей всех этих полицейских служб было охранять устои Российской империи и пресекать всяческие проявления недовольства царским режимом. Само собой разумеется, что все эти политические службы работали координированно. Особо тесные связи были у политической полиции и жандармерии с наружной и сельской полицией.

Персонал департамента полиции в основном состоял из гражданских чиновников, которые носили форму, присвоенную министерству внутренних дел. В аппарате департамента обычно работали и немногочисленные чины наружной полиции. Средние и высшие чины полиции могли иметь звания военные и гражданские, в зависимости от того, каким образом они попали на службу в полицию — из армии или с гражданской службы. И те и другие носили форму, присвоенную наружной полиции, с той лишь разницей, что лица, имеющие воинское звание, носили погоны военного образца, овальную офицерскую кокарду и серебряный тканый офицерский кушак, а имеющие гражданские звания — узкие чиновничьи погоны с чиновничьими же звездочками, гражданскую круглую кокарду и матерчатый кушак.

Если департамент полиции объединял все полицейские службы в масштабах империи, то в масштабах города это осуществлялось управлением полиции данного города. Во главе его стоял градоначальник [14]. В Петербурге и Москве этот пост занимали гвардейские генералы.

Форма одежды полицейских чинов

Градоначальник носил форму того полка, по которому он числился, или форму генерала царской свиты.

Непосредственным руководителем губернской полиции был полицмейстер. Полицмейстеры числились по полиции, а не по полкам и носили полицейскую форму, имели обычно звание от полковника до генерал-майора, а если были чиновниками, то статского и действительного статского советника.

Полицмейстер, если он был генерал-майором или действительным статским советником, носил круглую каракулевую шапку типа кубанки, белую с красным донышком, а если был полковником или статским советником, то черную с зеленым донышком, на шапке был укреплен серебряный двуглавый орел, над ним офицерская или чиновничья кокарда. Фуражки — темно-зеленые, с красными кантами (два по окольшу, один по тулье), козырек черный лакированный. Ремешка на полицейских фуражках не было.

Верхней одеждой служила светло-серая шинель такого же кроя, как армейская.

Полицейские в чине от генерал-майора и выше носили генеральскую шинель с красными кантами по борту, воротнику, обшлагам, хлястику и с такими же красными отворотами из приборного сукна. Зимой шинель могла быть на

стеганой теплой подкладке; у офицеров — серого цвета, у генералов — красного. К теплой шинели полагался черный каракулевый воротник, но могли быть теплые шинели и без меховых воротников.

Полицейские в генеральских чинах носили иногда шинели с пелеринами и бобровыми воротниками (однотипные военным «николаевским» шинелям).

Повседневной формой офицерского и генеральского состава полиции служил темно-зеленый сюртук общеармейского образца с воротником того же цвета и с красными кантами по борту, воротничку, обшлагам и задним клапанам — «листочкам». К сюртуку полагался стоячий крахмальный воротничок и круглые манжеты. Еще более обыденной формой считался китель общеармейского образца с прямыми обшлагами, как у пехоты. По борту кителя, обшлагам и клапанам карманов шли красные канты.

Полицейские офицеры носили брюки трех фасонов: шаровары и суженки — в сапоги или брюки навыпуск — со штиблетами. Китель и сюртук можно было носить на выбор — с сапогами или со штиблетами, а парадный мундир только с шароварами и сапогами. Сапоги носили непременно со шпорами, а штиблеты — не всегда.

Парадный мундир полицейских офицеров и генералов оставался неизменным со времен Александра III, вплоть до 1917 года. А крой одновременно с ним введенного и ему аналогичного армейского парадного мундира изменился после японской войны 1904 — 1905 годов. Полицейский мундир стал выглядеть анахронизмом.

Полицейский парадный офицерский мундир был такого же цвета, как сюртук, с одноцветным воротником, но без пуговиц и застегивался на правую сторону на крючки. На воротничке, бортах и обшлагах имелись красные канты. По длине он был почти такой, как сюртук; сзади, от талии книзу, шли заглаженные складки.

Воротник и обшлага генеральских мундиров украшало сложное серебряное шитье специального рисунка. На офицерских мундирах шитье было только спереди воротника, на обшлагах — столбики, но не военного образца, а повторяющие рисунок шитья на воротнике — нечто вроде запятых. Парадный мундир носили как с погонами, так и с эполетами — серебряными, на красном подбое с красными кантами и просветами. У полицейских, имеющих военный чин, эполеты общеармейского образца сплошь серебряные, с золотыми звездочками, у гражданских чинов серебряными были только звездочки, а поле эполет — суконным, в цвет мундира, с белой никелированной оковкой по широкому концу эполет.

Парадный мундир надевался обязательно с поясом (кушаком); у военных чинов он был серебряным, у гражданских — суконным, в цвет мундира, с красными кантами по краям и по перехвату (пряжке).

Полицейские офицеры и генералы носили шашку пехотного образца на серебряной перевязи. При сюртуке и белом кителе иногда шпагу. На шашке полицейских военных чинов были темляки пехотного образца с кистью бочонком. Ленточка темляка была черной, с серебряной двойной строчкой по краям. Имеющие орден св. Анны 4-й степени носили темляк на «анненской ленточке» — малиновой, с желтой каймой по краям. Полицейские гражданского чина носили серебряный темляк с «открытой» кистью на серебряном же круглом шнуре вместо ленточки.

Револьвер в черной лакированной кобуре полицейские офицеры носили обычно только при кителе или поверх шинели; поясом в парадных случаях служил серебряный кушак, а в других — черный кожаный ремень. Револьверный шнур был общеармейского офицерского образца.

Летом полицейские офицеры натягивали белый чехол на тулью фуражки и надевали белый хлопчатобумажный двубортный китель без кантов, того фасона, который армия не носила уже начиная с русско-японской войны. Полицейским офицерам полагались также серые накидки-пелерины с капюшоном общеофицерского кроя и цвета. На накидке были петлицы и погоны. Петлицы темно-зеленого цвета, с красным кантом; такие же петлицы и на шинелях. Пуговицы серебряные с двуглавым орлом. Офицеры и генералы носили белые замшевые перчатки.

В 1915 — 1916 годах отдельные полицейские офицеры, подражая армейским, начали носить френчи и фуражки защитного цвета.

Начиная еще с 1866 года, все города делились на полицейские участки. Во главе участка стоял участковый пристав. Полицейские участки, в свою очередь, были разделены на околотки, которыми ведали околоточные надзиратели. Нижние чины полиции, несшие постовую службу, назывались городовыми.

Кроме полицейских персонал участка состоял из чиновников, которые ведали паспортами, канцелярией и обслуживали полицейский телеграф. Чиновники носили форму министерства внутренних дел. Приставы и полицейские офицеры (помощники приставов) носили форму, описанную выше. Если околоточный надзиратель имел офицерский чин, то он носил офицерскую форму. Но чаще всего они имели чин старшего унтер-офицера или фельдфебеля. В таком случае их форма отличалась от формы полицейских офицеров.

Основное отличие заключалось в цвете и крое мундира — черный, двубортный на крючках; по вороту, борту, обшлагам — красные канты; по

вороту и обшлагам шел еще серебряный выпуклый «кованый» галун. Парадный мундир околоточного был того же цвета и кроя, но на облагах столбики из серебряного галуна. Поверх мундира околоточные носили пояс из черного сукна с красными кантами по длине и по перехвату (пряжке). К шинели надевали черные лаковые кожаные пояса с никелированной пряжкой на один зубец.

Околоточные носили черные шаровары с красным кантом, сапоги на твердом футере, с лаковыми голенищами; на улице околоточные, в отличие от военных, имели право надевать галоши. Задники галош имели специальные прорези для шпор, окованные медными пластинками.

Зимой они ходили в черной каракулевой шапке того же типа, что и у полицейских офицеров, но на донышке вместо галуна были красные канты (крест-накрест и по обводу донышка). На ней — серебряный герб города *. Над гербом — кокарда. Околоточный носил такую же фуражку, как и полицейские офицеры: на околыше — герб, на тулье — кокарда; шинель офицерского кроя и цвета, зимой могла быть утепленной, с черным каракулевым воротником.

Околоточные вооружены были офицерскими шашками пехотного образца на серебряной перевязи с офицерским же темляком на черной ленточке, а также револьвером «Смит и Вессон» или наганом в черной лакированной кобуре. Кобура крепилась к поясу. Револьвер имел шейный серебряный шнур, наподобие офицерского. Непременным атрибутом околоточного был свисток на металлической цепочке, висящий по правому борту мундира. Погоны — черные, узкие, с красным кантом и с серебряным галуном по бокам и посередине. За выслугу лет в полиции на погоны помещались нашивки (как у унтер-офицеров — поперек погона, ближе к пуговице). Зимой околоточные носили верблюжьи светло-коричневые, с серебряным галуном, башлыки армейского образца и черные суконные наушники. Летом на фуражку натягивали белый чехол. Летней формой служил белый хлопчатобумажный мундир из ластика, того же кроя, что и суконный, но без галунов и кантов. Вместо шинели носили пальто из серой прорезиненной ткани, того же кроя, как шинель. У Чехова в рассказе «Хамелеон», околоточный надзиратель беспрерывно то надевает, то снимает именно такое пальто.

Околоточными надзирателями обычно назначались люди средних лет или пожилые. Они ходили с бородами или бакенбардами и непременно с усами. Грудь почти всегда была увешана медалями; на шее огромная серебряная, похожая на рубль, медаль «За усердие» с профилем царя.

В Петербурге и Москве околоточные часто носили ордена и медали, пожалованные иностранными монархами. Особенно щедры в этом отношении были эмир Бухарский и шах Персидский.

Нижние чины городской полиции, городовые, комплектовались из отслуживших срочную и сверхсрочную службу солдат и офицеров.

Городовые носили черную мерлушковую круглую шапку с черным суконным донцем, красными кантами крест-накрест и по окружности, или черную фуражку с тремя красными кантами (два по окольшу, один на тулье), с черным лаковым козырьком, без подбородочного ремешка. Летом на тулью надевался светлый коломянковый чехол. На тулье фуражки и на меховой шапке городовых красовалась металлическая никелированная круглая ленточка с острыми концами. На ленточке пробит номер данного городового. Над ленточкой — герб города.

Шинель городового шили из черного шинельного сукна с застежкой на крючках, черными петлицами и красным кантом, на петлицах светлая металлическая пуговица с двуглавым орлом.

Мундир городового почти не отличался от мундира околоточного, но был черного цвета. Черными были и шаровары. На мундир городовые одевали кушак из того же материала, что и мундир, с красными кантами по краям и по перехвату, либо черный затяжной ремень с металлической пряжкой на один зубец. Летом городовые носили мундир того же кроя, но из коломянки. Носили они и гимнастерки солдатского образца, без карманов и манжет, с застежкой на левую сторону на четыре пуговицы. Шили гимнастерки из коломянки либо из хлопчатобумажной ткани светло-горчичного цвета. К гимнастеркам и шинелям полагались кожаные пояса. Обувь — юфтовые сапоги пехотного образца. Шнура городовые не носили.

На бляхе, которую пристегивали слева на груди, указывался уличный номер городового, номер и наименование участка, а также город.

Свое личное оружие (револьвер системы «Смит и Вессон» или наган) — городовые носили в черной кобуре, укрепленной на поясе. В период с 1900 по 1917 год револьвер носили то с правой, то с левой стороны: до войны 1914 года — слева, а перед революцией — справа. К револьверу прикреплялся красный шерстяной шнур с медным перехватом у шеи. По борту шинели или мундира на металлической цепочке висел свисток, сделанный из рога.

Городовые носили также шашку солдатского пехотного образца с коричневой деревянной ру-

* Герб Петербурга представлял собой щит с двумя скрещенными якорями («лапами» кверху) — морским и речным, посредине которых был царский скипетр; герб Москвы — щит с изображением Георгия Победоносца; герб Киева — щит с Михаилом Архангелом.— *Я. Р.*

кояткой и черными ножнами, медными металлическими частями. На этой шашке, прозванной в народе «селедкой», висел кожаный темляк солдатского пехотного образца. Носили шашку с левой стороны на черной ременной перевязи. Кроме шашки и револьвера на поясе городового была кожаная сумка, застегнутая на пряжку.

Петербургские и московские городовые, стоявшие на перекрестках с большим движением, держали в руках жезлы — короткие деревянные палки белого цвета с коричневыми ручками; ими они пользовались для приостановки движения (регулировкой уличного движения — с современной точки зрения — полиция не занималась). Жезлы висели слева на поясе перед шашкой в черном кожаном футляре. В больших городах городовые носили белые нитяные перчатки. В дождь поверх шинели или мундира надевали черные клеенчатые накидки с капюшоном.

Погоны городовых были особого фасона. На плече у рукава были нашиты почти квадратные «карточки» из черного сукна, обшитые со всех сторон красным кантом. К ним прикреплялись знаки различия в виде поперечных полосок из желтой шерстяной тесьмы с двумя красными прострочками по краям. Этих полосок могло быть от одной до трех или не быть совсем. От плеча к воротнику шел красный плетеный шерстяной шнур, пересекающий «карточку» и укрепленный у воротника на погонную пуговицу. На шнуре крепились латунные кольца. Число их соответствовало нашивкам на «карточке».

В случаях возникновения «беспорядков» городовые вооружались дополнительно винтовками с примкнутыми штыками. В дни Февральской революции 1917 года городовые были вооружены даже пулеметами, из которых с чердаков и крыш они обстреливали революционных солдат и рабочих.

Помимо городовых, приписанных к определенному участку и несущих постовую службу, существовал еще так называемый полицейский резерв, непосредственно подчинявшийся градоначальнику или полицмейстеру. Резерв выводился на улицу в экстраординарных случаях — забастовки, демонстрации, революционные выступления, проезды царя, членов царской фамилии или иностранных монархов. Городовые, принадлежавшие к полицейскому резерву, носили такую же форму, как обычные городовые, но без нагрудных блях.

Существовали также соединения конных городовых, именовавшиеся конно-полицейской стражей.

Конно-полицейская стража имелась только в столицах и крупных губернских городах. Подчинялась она градоначальнику (там, где он был) или губернским полицмейстерам. Эта стража применялась как ударная сила при разгоне демонстраций, забастовщиков, выставлялась при царских проездах вдоль улиц, а также осуществляла патрульную службу (обычно конные городовые при патрулировании ездили по четыре или по два).

Форма конно-полицейской стражи соединяла в себе элементы полицейской и драгунской форм: как у полицейских, черного цвета обмундирование, погоны, петлицы, значки на фуражках и шапках; крой же мундиров, с шестью пуговицами сзади, вооружение, фасон зимних шапок и сапоги со шпорами, как у драгун.

Офицерский состав конно-полицейской стражи носил шинели, кителя, схожие по крою с формой армейских офицеров, серо-синие брюки с красным кантом, напоминавшие форму кавалеристов, фуражки с подбородочным ремнем, зимние шапки-«драгунки» из черного каракуля. Спереди на шапках имелся клиновидный вырез, в который вставлялась кокарда, а в парадных случаях — черный султан из конского волоса. Донце шапки — черного цвета, с узким серебряным галуном крест-накрест и по обводу. Галун сзади кончался петлей. Парадный мундир офицера был двубортным, общеармейского образца, с застежкой на пуговицу. Цвет, канты, шитье формы такие же, как у обычной полиции.

Офицеры конной полиции носили кавалерийские шашки более изогнутые, чем пехотные, с кавалерийским темляком, оканчивающимся кистью. Револьверы, револьверные шнуры и пояса были такими же, как у обычных полицейских офицеров. Седловка и оголовье лошадей — общекавалерийского образца. Вольтрапы (суконные подстилки под седло, надеваемые на войлочный потник) были черные, с широкой красной полосой по краю.

Конные городовые (рядовой и унтер-офицерский состав) носили такие же фуражки, как обычные городовые, но с подбородочными ремнями. Зимние шапки-«драгунки» — такие же, как у офицеров, но с красным кантом вместо галуна и не из каракуля, а из мерлушки.

Рядовые конной полиции были вооружены драгунскими шашками с гнездами для штыка на ножнах и револьвером, висевшим справа на поясе в черной кобуре рукояткой вперед. К револьверу был прикреплен красный шерстяной шнур. Укороченные драгунские винтовки конная полиция носила редко. Носили их за спиной, перекинув ремень через левое плечо.

Наиболее часто конная полиция пользовалась резиновой нагайкой с вставленной внутрь проволокой. Удар нагайки был настолько силен, что рассекал, как ножом, самое толстое пальто. «Оружием» служили также широкие крупы громадных лошадей гнедой масти, специально обученных «осаживать» толпу. «Осади на тротуар!» — профессиональный окрик конной полиции.

При парадных мундирах и головных уборах с султанами конная полиция носила белые замшевые перчатки.

Провинциальная (уездная) полиция

Структура организации полиции в небольших (уездных) городах, селах и деревнях была иной, нежели в столицах и губернских городах. Во главе уездного полицейского управления стоял исправник [15]. Эту должность обычно занимал полицейский офицер в чине от капитана до полковника. Ему подчинялась полиция данного уездного города и периферийная — уездная конно-полицейская стража. Территориально каждый уезд был разделен на два-четыре стана, во главе каждого стоял становой пристав — полицейский офицер, в чине штабс-капитана или капитана, реже подполковника. Ближайшим помощником станового пристава был полицейский урядник [16].

Урядниками назывались казачьи унтер-офицеры. По Далю, «уряд» — порядок, обиход, законный или обычный ход, устройство. Отсюда урядник — человек, смотрящий за порядком. Рядовые уездной полиции назывались также старинным словом «стражники».

Стражники являлись представителями конной полиции и комплектовались из местных жителей, отслуживших действительную военную службу в артиллерии или кавалерии. Своим видом они походили скорее на солдат, чем на городовых. Этому впечатлению способствовали их солдатские серые шинели.

Фуражки стражников были темно-зеленого цвета с оранжевыми кантами. На околыше — значок с изображением герба губернии, на тулье — маленькая солдатская кокарда.

Летом стражники надевали светлую коломянковую гимнастерку без карманов, подпоясанную затяжным ремнем (или длинные двубортные белые кители), штаны-суженки серовато-голубые, такие же, как у солдат-кавалеристов, и высокие юфтовые сапоги со шпорами.

Зимой ходили в суконных гимнастерках или двубортных мундирах темно-зеленого цвета того же кроя, что у конно-полицейской стражи, но с оранжевыми кантами. Погоны у стражников были из витого оранжевого шнура, как у городовых, но без карточек у рукава. Пуговицы гладкие, без чекана.

Оружием служили шашки того же типа, как у городовых, и наган в черной кобуре. Револьверный шнур был того же цвета, что и погоны. В особых случаях стражники были вооружены еще и драгунскими винтовками или карабинами.

Седловка коней была общекавалерийского типа, но оголовье обычно было без мундштука, а только с одним трензелем (поводом). Экипировку стражника дополняла плетка или нагайка.

Зимой в сильные морозы, а также в северной части страны и в Сибири стражники носили черные длинношерстные папахи, башлыки, а иногда и полушубки.

Лошади у стражников были разномастные, низкорослые, напоминавшие своим типом крестьянских лошадей. Да и сами стражники, жившие по деревням и занимавшиеся в свободное от службы время сельскохозяйственным трудом, имели сходство с крестьянами — носили длинные волосы, «не по форме», зачастую бороды и не отличались бравым видом.

Офицеры уездной полиции — исправники, становые и их помощники — носили форму такую же, как офицеры городской полиции, с той лишь разницей, что погоны и пуговицы у них были «золотые» (медные), а канты — оранжевые. В 90-х годах столичной полиции были присвоены красные канты, а оранжевые остались только у провинциальной.

Исправники и становые объезжали свои «владения» зимой в санях, а летом в пролетках или тарантасах, запряженных тройкой или парой лошадей с колокольчиками и бубенцами. Исправникам полагался кучер, а у становых приставов за кучера часто сидел стражник. Ездили исправники и становые приставы в сопровождении эскорта из нескольких верховых стражников.

Городовые в губернских и уездных городах по облику мало отличались от столичных. Только пуговицы, значки на головных уборах и бляхи у них были медными, а не посеребренными.

Сыскная полиция

Сыскная полиция, как и следует из ее наименования, занималась сыском, то есть уголовным розыском [17]. Помимо специального управления сыскной полиции при полицейских частях были представительства сыскной полиции. В каждой части имелись сыскные комнаты. Подавляющее большинство аппарата сыскной полиции составляли чиновники. Свою полицейскую чиновничью

275. Конные полицейские
276. Помощник пристава
277. Сотский Саратовской губернии
278. Околоточный надзиратель. Петербург
279. Десятский. Петербург
280. Городовые. Петербург. 1904 г.
281. Вывеска полицейского управления
282. Городовые у входа в участковое управление
283. Пристав адмиралтейской части. Петербург
284. Жандармский ротмистр. Петербург
285. Жандармские офицеры. Петербург

275

276
277

278
279

281

282

283
284

285

форму они носили только в канцелярии. Оперативная же работа выполнялась ими в штатском костюме (извозчиков, лакеев, бродяг и т. п.). Помимо административного следственного и оперативного аппарата сыскная полиция имела многочисленный штат осведомителей в лице дворников, швейцаров, трактирных половых, разносчиков и просто уголовных элементов. Как и все полицейские службы, сыскная полиция занималась и политическим сыском, выполняя поручения охранки или жандармерии.

Среди руководящего состава сыскной полиции были и полицейские офицеры, носившие присвоенную наружной полиции форму без каких-либо специальных отличий.

Наружную охрану многочисленных мостов и набережных в Перербурге-Петрограде несла специальная речная полиция. Личный состав речной полиции комплектовался из матросов и морских унтер-офицеров сверхсрочной службы. Офицеры также были из бывших морских офицеров, по тем или иным причинам оставивших службу на флоте.

Речная полиция располагала гребными и моторными лодками. Помимо обычных полицейских функций она несла спасательную службу. Фуражка и шинель были у речных полицейских такими же, как у сухопутных городовых, но речные городовые носили брюки поверх сапог, как матросы. Летом они носили белые хлопчатобумажные кителя морского фасона из рогожки. При белом кителе на фуражку натягивался белый чехол. Зимой они носили синие суконные кителя и бушлаты флотского образца. Вместо шашки у каждого из них был тяжелый тесак с медной рукоятью. С другого бока на поясе речного полицейского висел револьвер в черной кобуре. Ремень был черный, затяжной, на одну шпильку; пуговицы — посеребренные; на нагрудной бляхе — надпись: «СПБ речная полиция» и личный номер городового.

Офицерский состав речной полиции носил точно такую же форму и оружие, как морские офицеры, с той лишь разницей, что канты у них были красные, а пуговицы, погоны и эполеты (на парадной форме) были серебряными, а не золотыми. Исключение составляли офицеры хозяйственно-административного штата, носившие морские чиновничьи погоны — «адмиральтейские» (узкие, специального плетения, с таким же расположением звездочек, как на чиновничьих петлицах).

Дворцовая полиция

Дворцовая полиция несла внешнюю охрану царских дворцов и дворцовых парков. Рядовые и унтер-офицеры набирались сюда из числа бывших солдат гвардейских полков, которые отличались высоким ростом и бравой выправкой.

Дворцовая полиция имела особую форму. Фуражки носила цвета морской волны с красными кантами, кокардой особого образца (с черным двуглавым орлом на золотистом фоне) на тулье. Зимой черные мерлушковые шапки с донцем цвета морской волны, с галуном у офицеров и кантами на тулье у рядовых; белые замшевые перчатки.

Шинели рядового и офицерского состава были двубортные, офицерского покроя, серые, несколько темнее офицерских. Мундиры были такого же фасона, как и у обычной полиции, но не черные, а цвета морской волны. Погоны рядовых и унтер-офицеров были из серебряного шнура с красными полосками, а у офицеров — такие же, как у обычной полиции. Петлицы цвета морской волны с красными кантами. Пуговицы посеребренные, с двуглавым орлом.

Вооружение состояло из шашки и револьвера в черной кобуре. Нашейный шнур для револьвера был серебряным у офицеров и серебряным в красную полоску у рядовых и унтер-офицеров.

Дворцовая полиция подчинялась министру двора. Во главе ее стоял обер-полицмейстер (генерал-адъютант или генерал-майор царской свиты). Полицию, осуществляющую охрану того или иного дворца, возглавлял особый дворцовый полицмейстер — обычно флигель-адъютант в чине полковника, оперативно подчинявшийся коменданту дворца, в руках которого сосредоточивалось командование как военной, так и полицейской охраной данного дворца. Если военная охрана дворца все время менялась (отдельные гвардейские полки присылали поочередно соответствующие воинские наряды во главе с офицерами), то полицейская охрана каждого данного дворца была постоянной по своему личному составу.

Наружные посты военной охраны дублировались военной полицией, которая фактически контролировала все входы и выходы дворца.

После свержения самодержавия дворцовая полиция была ликвидирована и охрану дворцов как средоточия ценнейших памятников искусства и культуры вели солдаты пригородных гарнизонов.

Жандармерия

Наиболее могущественной системой охраны царского режима являлась жандармерия — политическая полиция империи. Она подчинялась местным губернским властям, а фактически их контролировала и направляла их деятельность «по охране устоев» империи, в свою очередь подчиняясь только «центру» в лице шефа жандармов, коман-

дира отдельного корпуса жандармов, который подчинялся непосредственно только царю[18].

Жандармерия, как и полиция, имела свои разновидности: жандармерия столичных и губернских управлений, железнодорожная жандармерия (каждая железная дорога имела свое жандармское управление), пограничная (она несла службу по охране границ и контролю за въездом в империю и выездом за ее пределы) и, наконец, полевая жандармерия, осуществлявшая функции военной полиции (к ней можно причислить и крепостных жандармов, выполнявших те же функции в крепостях).

Форма обмундирования у всех жандармов, исключая полевых и крепостных, была одинаковая.

Личный состав жандармерии состоял главным образом из офицеров и унтер-офицеров; рядовых почти не было, так как младшие чины комплектовались преимущественно из прошедших сверхсрочную службу в кавалерийских частях (жандармы считались принадлежащими к кавалерии, хотя собственно кавалерийских частей жандармерии было очень мало). Офицерский состав имел военные кавалерийские звания: корнет вместо подпоручика, штабс-ротмистр вместо капитана. Среди унтер-офицерского состава тоже было кавалерийское звание: вахмистр вместо фельдфебеля.

Комплектование офицерского состава осуществлялось в жандармерии совершенно особым путем. Во всех других воинских соединениях служили офицеры, выпущенные в тот или иной полк из юнкерских училищ или переведенные из других полков в процессе военной службы. Жандармские же офицеры были офицерами гвардейской (преимущественно) кавалерии, вынужденные уйти из полка по тем или иным причинам (неблаговидные истории, долги или попросту отсутствие необходимых средств для продолжения дорогостоящей службы в гвардии).

Переходя на службу в жандармерию, офицер формально числился на военной службе, но обратного пути в полк для него уже не было. Несмотря на все могущество жандармерии — самого доверенного и всесильного аппарата царской власти,— жандармский офицер оказывался вне общества, к которому принадлежал по рождению и прежней службе в армии. Жандармов не только боялись, но и презирали. Презирали прежде всего те круги (аристократия, высшая чиновничья знать, офицерство), защиту социальных и имущественных интересов которых проводила жандармерия. Презрение это, конечно, не было вызвано прогрессивными взглядами правящей дворянско-чиновничьей среды. Это было в первую очередь презрение к людям, которые вынуждены были покинуть среду, из которой вышли; оно было направлено на ту или иную личность, служившую в жандармерии, а не на институт в целом.

Переход гвардейца-офицера в жандармерию связан был с необходимостью замять ту или иную некрасивую историю, в которой он был замешан, либо исправить свое материальное положение: жандармы получали оклады значительно выше, чем офицеры в полках, а кроме того, в их распоряжении находились различные специальные ассигнования, в трате которых отчета не требовалось.

Из своего гвардейского прошлого жандармские офицеры сохраняли внешний лоск (отличавший их от полиции) и щеголеватость. Этому помогала и форма, по крою схожая с гвардейскими мундирами.

Так как рядовой жандармский состав вербовался из сверхсрочных унтер-офицеров, то возраст его колебался от тридцати до пятидесяти лет. Жандармы несли караульную службу на вокзалах, пристанях (станционные жандармы), производили аресты, конвоировали арестованных. На политических процессах жандармы стояли в карауле у скамьи подсудимых.

В отличие от городовых жандармы не несли дежурство на постах, а появлялись на городских улицах лишь в исключительных случаях, обычно в конном строю с винтовками через плечо. К подобным случаям помимо разгона демонстраций и забастовок относились торжества с участием высокопоставленных или даже высочайших особ и прочее.

Форма одежды жандармских чинов

Жандармские офицеры носили фуражки с темно-синим околышем и голубой тульей. Голубой цвет был особого, бирюзового, оттенка, он так и назывался: «голубой жандармский». Канты на фуражке были красные, кокарда обычная, офицерская.

Повседневной формой жандарма служил китель обычного кавалерийского типа с треугольными обшлагами. Погоны на нем — серебряные, с красным кантом и голубым просветом. При высоких сапогах носили суженки или полугалифе, серые, с красным кантом, со штиблетами — брюки навыпуск. На сапогах и штиблетах были обязательно шпоры — на штиблетах накоблучные, винтовые, без ремня.

Как и кавалеристы, все жандармы носили кавалерийские шашки и темляки, а в парадных случаях — изогнутые палаши в никелированных ножнах.

Отличительным признаком жандармской формы были серебряные аксельбанты на правом плече (в военных частях аксельбанты носили только адъютанты).

Жандармские офицеры носили синие двубортные сюртуки с голубым воротником и красными кантами. При сюртуке обычно были брюки навыпуск. На сюртуке могли быть как погоны, так и эполеты.

Парадный мундир жандармов был двубортный, темно-синего цвета, с голубым воротником и обшлагами треугольной формы. Шитье на воротнике и обшлагах было серебряным.

Мундир жандармы носили с погонами или с эполетами (металлическими, чешуйчатыми и даже серебряными), а также с серебряным поясом общеофицерского типа и лядункой (патронташ для револьверных патронов), перекинутой на серебряном ремне через левое плечо. На серебряной крышке лядунки — золотой двуглавый орел. Парадный мундир носили только с брюками в сапоги.

Головным убором служила черная каракулевая шапка с вырезом спереди — драгунка. Донце ее было голубое, с серебряным галуном. Спереди драгунки был укреплен металлический двуглавый орел, а под ним офицерская кокарда, несколько меньшего размера, чем на фуражке. Шапку увенчивал белый султан из конского волоса.

При парадной форме жандармские офицеры носили револьвер в черной лакированной кобуре. Револьвер висел на серебряном шейном шнуре. Из холодного оружия у них была гусарская сабля — изогнутый палаш в никелированных ножнах с кавалерийским темляком. Палаш крепился на серебряную поясную портупею.

С кителем жандармские офицеры носили палаш или обычную кавалерийскую шашку. Если надевали палаш, то непременными атрибутами были лядунка и серебряный офицерский пояс.

С сюртуком носили шашку на плечевой серебряной портупее или шпагу.

Шинель жандарма была общеофицерского типа с голубыми петлицами и с красным кантом. До мировой войны жандармские офицеры зимой иногда носили «николаевские» шинели.

Жандармские офицеры почти никогда не снимали знаки кадетских корпусов, юнкерских училищ и знаки своих бывших полков; часто щеголяли в браслетах из цепочки со срезанными плоскими звеньями.

У унтер-офицеров жандармерии фуражки были той же расцветки, как у офицеров, но с солдатской кокардой.

Каждодневную форму жандарма составляли: гимнастерка общевоенного типа с застежкой из четырех пуговиц на левую сторону (погоны на гимнастерке красные с голубым кантом); серые брюки-суженки, сапоги со шпорами, ремень затяжной, с пряжкой на один зубец; красные шерстяные аксельбанты с медными наконечниками на правом плече.

Парадный мундир унтер-офицера был такого же фасона и расцветки, как у офицеров. На него надевали суконный темно-синий пояс с красными кантами. На левом рукаве гимнастерки мундира и шинели были серебряные и золотые треугольные шевроны, означавшие выслугу лет на сверхсрочной службе — в армии или в жандармерии, служба в которой считалась сверхсрочной. Почти каждый жандарм имел большую нашейную медаль «За усердие». Парадный головной убор у рядовых был таким же, как и у офицеров, но не из каракуля, а из мерлушки, и на донце вместо серебряного был красный кант.

Вооружались жандармы кавалерийскими шашками на коричневой перевязи, наганом или револьвером «Смит и Вессон». Револьвер в черной кобуре висел на поясе, прикрепленный к красному шерстяному шейному шнуру. Шинель у жандармов общекавалерийского образца, с петлицами, как у офицеров. Она имела один ряд фальшивых пуговиц и застегивалась на крючки. При парадной форме жандармы вместо шашек носили палаши.

XIV. Некоторые элементы быта и военный костюм в период первой мировой войны и Февральской революции (1914—1917)

Бытовые аксессуары и военный костюм периода первой мировой войны

Первая империалистическая война была в основном войной позиционной. Русская и австро-германская армия месяцами сидели в окопах друг против друга, что не могло не повлиять на эволюцию самого окопа. Из сооружения временного — траншеи, вырытой в земле для защиты от неприятельского огня (главным образом ружейного и пулеметного), он превратился, по существу, в место постоянного пребывания пехоты на передовых позициях. Окоп стал обживаться, изменялся его вид, глубина, планировка. Во внутренних стенках окопа начали делать ниши, в которых солдаты спали; там же хранили оружие и боеприпасы. Стенки окопов укреплялись досками или жердями (чтобы предохранить от осыпания). На насыпи (бруствере окопа) устраивали настил из досок или жердей, покрывая их ветками и брезентом для защиты от непогоды. По верху окопа иногда делали вал из мешков с песком. Дно окопа тоже застилали досками или ветками. Окопы 1917 года своей обжитостью резко отличались от окопов начала войны. В них даже появилась своеобразная мебель, сколоченная из досок или горбылей: нары, столы, скамейки. Окопы по фронту и в глубину соединялись при помощи ходов сообщения. Это были узкие траншеи, имевшие меньшую глубину и ширину, чем окоп. Ходить по ним нужно было пригнувшись. Обычно ходы сообщения имели зигзагообразную планировку, чтобы затруднить противнику ведение прицельного огня.

Окопы не имели никакого отопления, в них было холодно и сыро. В 1915—1916 годах в тылу проводился сбор среди населения теплых вещей для солдат под лозунгом «Холодно в окопах». Но вряд ли эти шарфики и рукавицы спасали положение буквально замерзавших в сильные морозы солдат.

На тех участках фронта, где можно было не зарываться в землю от непосредственного огня противника, солдаты строили шалаши и землянки из досок, жердей, веток; жили и в брезентовых палатках. На линии фронта (но не на передовых позициях) для размещения солдат строились целые городки из дощатых бараков. Строили их там, где солдат было невозможно разместить в обычных жилых постройках.

Штабы воинских частей, жилье для командного состава на передовых позициях размещались в землянках. Это были вырытые в земле, глубже чем окопы, помещения из одной или нескольких комнат, покрытые сверху одним или двумя-тремя рядами бревен (накатов), засыпанных землей для защиты от осколков снарядов. Землянки были изнутри обшиты досками. Потолочный настил держался на столбах, врытых в землю. Землянка имела узкие оконца у самой крыши, дощатые двери. За дверьми была лестница с земляными или дощатыми ступеньками, ведущими наверх. Снаружи землянку иногда обкладывали мешками с песком. Пол землянки был из досок или утрамбованной земли. В жилых генеральских или офицерских землянках на полу лежали ковры и шкуры. Мебель делалась из досок (столы, скамейки, топчапы), но встречались и раскладные кровати, настоящие столы, стулья и кресла.

Освещались землянки при помощи керосиновых ламп, фонарей «летучая мышь». Употреблялись для освещения также керосинокалильные лампы, иногда же электрическое освещение от автомобильных аккумуляторов.

Землянки отапливались железными печками, сделанными из железных бочек или сложенными из кирпича. Окопы солдаты отрывали для себя сами при помощи шанцевого инструмента (пехотной лопатки с короткой ручкой и кирки), входившего неизменно в солдатскую полную выкладку, то есть в число предметов снаряжения, находящегося при каждом солдате. Землянки строили саперы.

Наблюдение проводилось либо из окопа при помощи бинокля, либо при помощи стереотрубы, выдвигаемой выше уровня окопа, либо на деревьях (ствол очищался от веток, а на вершине строилась небольшая платформа с шалашом из жердей, закрытым ветками). Поднимались на та-

кой наблюдательный пункт при помощи примитивной лестницы, укрепленной на дереве.

Чем-то средним между окопом и землянкой были укрытия для артиллерийских орудий. В условиях позиционной войны артиллерия тоже иногда зарывалась в землю. Сверху эти укрытия были защищены накатом, бруствер был заложен мешками с песком, и только ствол орудия торчал из амбразуры.

Лошадей в окопах не держали. Артиллерийские лошади стояли у коновязей за несколько километров от огневой позиции. К артиллерийскому укрытию примыкали окопы, в которых жила орудийная прислуга. Перед окопами и другими укреплениями в некотором отдалении шла полоса проволочных заграждений из колючей проволоки.

Проволочные заграждения состояли из рогаток или козел иксообразной формы, сделанных из кольев и соединенных попарно длинными жердями. Под длине жерди в несколько рядов натягивалась проволока. Был также тип проволочных заграждений, состоящий из одной проволоки без кольев. Заграждение это представляло собой полый цилиндр из колючей проволоки диаметром около одного метра и длиной около двух метров. Такое заграждение просто клали набок и соединяли одно с другим. Полоса проволочных заграждений часто минировалась. В случае если сидящие в окопах солдаты шли в атаку, в заграждениях предварительно делался проход. Для этого откидывались в стороны отдельно стоящие рогатки либо проволоку разрезали специальными ножницами.

Любопытным примером нетипового фронтового строительства могут служить церкви, воздвигаемые из жердей и еловых веток по случаю полкового праздника или награждения личного состава полка и связанного с этим молебна. Обычно церковные службы на фронте (конечно, не на переднем крае) проводились чрезвычайно просто — ставили аналой, складной, как музыкальный пюпитр, завешивали его по бокам кусками церковной парчи. На аналое устанавливались атрибуты, нужные для данной службы (Евангелие, чаша со «святыми дарами», крест и др.). Реже сооружали специальную походную церковь. Это была большая палатка белого цвета. Внутри стоял небольшой алтарь. Собственно говоря, всю «церковь» и представлял собой алтарь с «царскими вратами», так как молящиеся находились не внутри палатки, а вне ее.

К началу первой мировой войны у офицеров была так называемая полевая форма. Введенная после русско-японской войны и не опробованная в военных условиях, она очень быстро, с конца 1914-го — начала 1915 года, стала подвергаться изменениям, упрощениям и приспосабливаться к условиям позиционной войны в окопах. Пожалуй, впервые в истории русского военного костюма этот процесс не регламентировали «высочайшими» повелениями и утверждениями, а он целиком зависел от инициативы самих офицеров и климатических условий того или иного фронта. Некоторое влияние на эти изменения оказали английские и французские офицерские костюмы. Они были гораздо более удобными во фронтовых условиях, в частности тем, что офицеры меньше отличались по внешнему виду от солдат, и это в какой-то мере оберегало их от неприятельских снайперов. Меньшие различия в форме создавали также видимость демократизации армии.

Эволюция офицерского костюма продолжалась вплоть до Февральской и Октябрьской революций. Судя по фотографиям того времени, офицерские костюмы уже мало отличаются от солдатских фактурой, цветом, материалом и покроем. Следует заметить, что спустя некоторое время начнется и обратный процесс. Начало ему было положено корниловскими частями, различными «батальонами смерти» и другими контрреволюционными соединениями, которые всяческими эмблемами и нашивками стремились отделиться от обычных армейских частей. Эта тенденция, наблюдавшаяся среди белого офицерства на протяжении всей гражданской войны, придавала ему порой опереточный характер.

Офицерская одежда в военные годы

С начала войны 1914 года парадную форму не носили. Всякие кивера, каски, цветные фуражки, ментики, мундиры с шитьем исчезли безвозвратно. Но и та форма, которая называлась полевой, тоже выглядела достаточно броско, и воевать в ней было неудобно.

На офицере была надета фуражка защитного цвета с защитного же цвета козырьком и ремешком. Но эта фуражка имела жесткую широкую тулью и цветные канты, положенные тому или иному полку.

Все царские ордена и медали, знаки военных учебных заведений были аннулированы только после Октябрьской революции.

286—288. На Невском проспекте в первые дни мировой войны. Петроград. Август 1914 г.
289. Очередь в мясную лавку на Сытном рынке. Петроград. Апрель 1915 г.
290, 291. Мобилизованные. Петроград. Август 1914 г.
292. У походной кухни
293. Солдаты на отдыхе. 1915—1917 гг.
294. Солдаты. 1915—1917 гг.
295. В прифронтовой полосе. 1915—1917 гг.

286

287

288

289

290

292

293

267

295

Нашивки за ранения носили только офицеры на левом рукаве выше обшлага шинели, френча или гимнастерки. Они представляли собой узкие, в один сантиметр, полоски из золотого галуна длиной 6—7 *см.* Нашивки располагались вертикально друг над другом с просветом в 1,5 *см.*

После свержения самодержавия был введен специальный нагрудный знак из оксидированного металла, изображающий двуглавого орла (без корон) с горизонтальным расположением крыльев. По орлу вилась красная эмалевая лента с надписью «Армия свободной России». Знак носили на левой стороне груди, преимущественно офицеры. Широкого распространения знак не получил.

Офицерская шинель в начале войны была обычная, серого цвета, двубортная, с петлицами и погонами, присвоенными данной части. Офицеры армейских частей сохранили даже номера на погонах, в части, имеющей шефов,— вензеля (монограммы), называемые «шифровкой».

Под шинелью носили короткий китель защитного цвета из диагонали, застегнутый на золотые или серебряные пуговицы. Китель имел нагрудные карманы с клапанами, без пуговиц, обычно на кнопках. По верху воротника, клапанам, борту и обшлагам (треугольным у кавалерии и казаков, прямым у пехоты и в других родах войск) шли цветные канты, присвоенные данной части. У артиллеристов был еще кант по низу воротника.

Офицеры носили брюки-суженки: серо-синие — кавалерия, черные — артиллерия, бутылочные — пехота. Брюки имели канты. Защитные суженки с кантом, предусмотренные полевой формой, надевали редко. Казачьи офицеры носили синие шаровары или бриджи с лампасами цвета данного казачьего войска (донцы — красные, уральцы — малиновые, забайкальцы — желтые, и т. д.). Кубанцы и терцы лампасов не носили.

Сапоги были с узкими голенищами и носками, часто на твердом футере, те же самые, что и в мирное время, которые сам офицер без помощи денщика снять не мог. Офицерское снаряжение состояло из поясного ремня коричневого цвета с медной пряжкой на один зубец. Пояс поддерживался двухплечной портупеей, несколько напоминающей своей формой подтяжки; сзади портупея крепилась к поясу крест-накрест. Длина портупеи регулировалась так называемыми якорьками. На левой портупее был чехол для свистка и специальный ремешок для его подвязки. На поясе, с левой стороны, висела шашка, укрепленная на двух ремешках, из которых первый (ближе к центру) был короче другого. Справа на поясе висела кобура для нагана. Кобура надевалась на пояс при помощи петли. К поясу прикреплен был плетеный круглый ремешок для револьвера. Снаряжение дополнялось еще полевой сумкой, которая крепилась с левой стороны (за шашкой) при помощи специальных крючков (карабинов) к кольцам, имеющимся на поясе.

На шее офицера в специальном чехле висел полевой бинокль. К полевой форме носили коричневые кожаные или замшевые перчатки.

Совершенно очевидно, что если такая форма еще как-то могла быть приемлемой в условиях маневров, то она оказалась нежизнеспособной в условиях войны, тем более позиционной, окопной.

Раньше всего стали исчезать золотые и серебряные пуговицы на шинелях, представляющие очень удобную мишень для немецких и австрийских снайперов. Пуговицы стали обшивать сукном защитного цвета или просто заменять штатскими. Как оказалось, эта полумера не дала эффекта, и шинели стали шить из солдатского сукна (правда, улучшенного), сначала двубортные, а затем просто солдатского фасона, с застежкой на крючках.

Золотые и серебряные погоны заменялись на шинелях погонами и из солдатского сукна, где просветы (полоска) были вышиты желтым шелком. Такие погоны носили даже генералы (у них вместо полосок были зигзаги). Звездочки тоже стали зеленого цвета, причем не вышитые, как раньше, а металлические, похожие на те, которые сейчас носят на полевых погонах офицеры Советской Армии, с той разницей, что звездочки царских офицеров были тоньше, чем носят сейчас офицеры до капитана включительно. В царской армии от прапорщика до генерала все звездочки были одного размера.

На кителях и гимнастерках, которые начали вытеснять кителя, погоны стали носить из шелкового галуна светло-зеленого цвета. Эти погоны сохранили канты, полоски были тканые; звездочки металлические темно-зеленые, а погонные пуговицы тоже стали зелеными.

Гимнастерки носили сначала солдатского фасона, без карманов. Затем появились нагрудные

296. Группа связистов передовых линий. 1914—1916 гг.

297. Отделение телеграфа штаба 12-й и 13-й армий. 1915—1916 гг.

298. Внешний вид броневика «Богатырь». Петроград. 1915 г.

299. Внутренний вид броневика «Богатырь»

300. Солдаты в маскировочных халатах у проволочных заграждений. 1915—1917 гг.

301. Гвардейские офицеры и казак лейб-гвардии атаманского полка на буере. Петербург 1908 г.

302. Группа русских и английских офицеров. 1915—1917 гг.

303. Английский офицер на боевых позициях русского полка. 1915—1917 гг.

296

297

298

299

300

301

302

303

карманы — как прорезные с клапанами, так и накладные пришитые («навесные» или «дутые»), то есть с запасом ширины, спрятанной в складку; пуговицы на гимнастерках были зеленые, гражданского образца, реже металлические обшитые.

Брюки-суженки стали уступать место более удобным бриджам и галифе, заимствованным у англичан и французов (дошедшим с некоторыми изменениями до наших дней); они были синие, черные и защитные. Фуражки стали носить без цветных кантов. Изменению подверглись также и высокие сапоги: сапоги на твердом футере перестали носить; шевро уступило место хрому и юфти, как более стойким материалам. Сапоги стали носить с разрезом и застежкой на два ремешка сзади или на шнуровке — тоже сзади или на внутренней стороне. Это давало возможность быстро надеть их и снять без посторонней помощи.

В условиях зимней кампании, длительного сидения в окопах шинель стала уступать место более теплой одежде. Офицеры начали носить нагольные или крытые защитным сукном полушубки и поддевки. Затем появились бекеши (поддевки, застегивающиеся на крючки, подбитые бараном, белкой или кенгуру и крытые либо солдатским сукном, либо, что было чаще, защитным сукном). Бекеша имела отложной воротник из мерлушки — как серой, так и черной — либо из кенгуру. Карманы были прорезные, вертикальные или скошенные. На груди имелся большой накладной карман с клапаном, а иногда прорезной карман, но тоже обязательно с клапаном. Спинка бекеши была отрезная, сзади — сборки, как на поддевке; были и гладкие, напоминающие сюртук, с разрезом до талии.

Стали появляться фуражки, у которых твердый козырек был заменен мягким, матерчатым; эти фуражки подражали фасону английских офицерских фуражек. Особенно распространены они были после Февральской революции (видимо, потому, что такую фуражку носил Керенский). Внутренняя сторона козырька иногда была из целлулоида. Ремешки на этих фуражках были или из коричневой кожи (как на английских), либо из сукна и имели чисто декоративный характер, так как, в отличие от кожаных, не могли опускаться на подбородок. Пуговицы на фуражках этого типа, как правило, были обтянуты тем же материалом, из которого была изготовлена фуражка. Сама фуражка приобрела мягкую тулью. Наряду с защитными фуражками стали появляться темно-серые и коричневые.

Помимо папах, которые стали принимать все более произвольные формы и цвета и изготовляться не только из мерлушки и каракуля, но и из простой овчины, волка или лисы, стали появляться донесенные с кавказско-турецкого фронта кубанки из черного каракуля. Следует заметить, что все эти различия в одежде соседствовали друг с другом. Для последних лет войны и революции особенно характерно отсутствие единообразия одежды. Каждый офицер в чем-то отличался от другого своим костюмом. Старая форма не исчезла совсем, а сосуществовала с вновь появившейся. Однако носили ее главным образом штабные и тыловые офицеры из старых офицеров запаса. Вновьиспеченные офицеры-тыловики, наоборот, старались иметь более фронтовой вид, чем действительно боевые офицеры.

Обувь также подверглась дальнейшей эволюции — помимо сапог стали носить, подражая англичанам и французам, ботинки и краги как черного, так и коричневого цвета. Летчики, офицеры автоброневых частей предпочитали ходить в ботинках и крагах или в высоких сапогах на шнуровке; носили также ботинки и обмотки. В зимнее время стали носить обшитые кожей валенки, обычно серого или светло-коричневого цвета, а также кавказские бурки черного цвета, с длинным ворсом, с головками, обшитыми кожей.

С 1916 года начали появляться и в скором времени сделались основным типом одежды, решительно вытеснив кителя и гимнастерки, френчи, названные так по фамилии английского фельдмаршала времен первой мировой войны Д'Френча, который несколько модернизировал английскую военную форму. Кстати, галифе названы были по фамилии французского генерала — маркиза Галифе, душителя Парижской коммуны.

Любопытно, что френчам, которые стали носить русские офицеры, послужили образцом не офицерские английские френчи, а солдатские. Объясняется это просто. Английский офицерский френч был открытым, с отворотами, как на пиджаке, и к нему требовалась рубашка с галстуком, что было непривычно для русских офицеров. Солдатский же френч был закрытым, не требовал галстука и по длине больше соответствовал кителю и гимнастерке. Первые русские френчи почти в точности копировали английские, но клапаны верхних карманов делались по типу клапанов кителя; карманы, как правило, были нашивные, а не «дутые», как на английских френчах. Рукава тоже были как на кителе, с пришитым обшлагом. Затем стали появляться варианты. Воротники стали носить не только отложные, но и стоячеотложные. Появились воротники и типа гимнастерочных, то есть стоячие и низкие. Карманы фасоном и форматом стали бесконечно варьироваться. Стали носить на френчах обшлага, как на гимнастерках, обтяжные, с застежкой на две пуговицы, а также с клапанами-«листочками», причем клапан был с одной стороны вшит в рукав, а с другой — имел петлю и пристегивался на пуговицу; иногда пуговиц было две.

Клапан мог вшиваться как в передний, так и в задний шов рукава. Сзади френч имел хлястик, пристегнутый на две пуговицы, или вздержку на резинке (как в современных спортивных пиджаках). Хлястик иногда был вшит в боковые швы спинки френча, а иногда был нашит намертво. В двух последних случаях пуговиц на хлястике не было. Спинка френча была либо гладкой, либо с центральной глубокой складкой, зачастую кончающейся ниже хлястика разрезом (примерно, как на шинели). Иногда были складки и по бокам у пуговиц хлястика.

Словом, разнообразие фасонов было огромное. Пожалуй, не было двух одинаковых по фасону и деталям френчей. Столь же разнообразны были их фактура и расцветки, но преобладали все же защитно-зеленые, серые и коричневые тона. Пуговицы на френчах были либо обшиты тем же материалом, либо кокосовые, либо роговые гражданского образца. Погоны на френче носили главным образом мягкие, пришивные, как на шинелях.

Френч носили как с темными бриджами и галифе, так и с брюками из того же материала.

После Февральской революции стали появляться френчи открытые, которые носили с белой рубашкой и черным галстуком, причем носили их главным образом штабные офицеры и офицеры контрразведки. Этот тип френча был впоследствии особенно характерен для белогвардейских офицеров, не принадлежавших до войны к кадровому офицерству и привыкших к галстуку. Кроме френчей в обиход вошли также кожаные куртки. Кожаные куртки, собственно, давно были в русской армии, но, по уставу, носить их полагалось только летчикам и офицерам автоброневых частей; после Февральской революции их стали носить и офицеры других родов войск. Офицерская куртка представляла собой род бушлата, была двубортной, застегивалась на золотые или серебряные пуговицы шинельного образца.

Воротник эта куртка имела отложной, крытый черным бархатом и окаймленный красным кантом. Сзади был ровный хлястик, застегнутый внахлест на две горизонтально расположенные пуговицы, а спереди имелись два вертикальных прорезных кармана наверху и два прорезных с клапанами внизу. Появились также так называемые тренч-коты, или берберри,— траншейные пальто, названные так по названию английской фирмы «Берберри», которая их производила. Это были непромокаемые пальто из брезента или прорезиненной ткани типа габардина или коверкота, двубортные или однобортные, с поясом и без пояса. Пуговицы были кожаные плетеные. В эти пальто к концу войны оделись английские и французские офицеры. Фасон этой очень удобной и практичной одежды дошел до наших дней с небольшими изменениями.

Личное оружие офицеров также подверглось изменению. Вместо нагана все чаще стали носить автоматические пистолеты типа браунинга; офицерская шашка, более кривая у кавалерии и слегка изогнутая у пехоты, зачастую заменялась декоративной кавказской шашкой в серебряных ножнах с серебряным или из слоновой кости эфесом, а иногда и морским кортиком, что было гораздо удобнее, так как с шашкой надо было уметь ходить и садиться, а многочисленные офицеры военного времени этого умения в школе прапорщиков так и не приобрели. Шашка уже тогда стала, по сути, оружием скорее символическим, чем боевого значения для всех родов войск, исключая, разумеется, кавалерию. Учитывая все эти изменения, можно представить, как эволюционировал внешний вид офицеров и какие перемены в их облике произошли всего за два с половиной года войны.

Для того чтобы себе представить облик офицера царского времени, недостаточно знать, какие вещи на нем были надеты. Не меньшую роль, чем сами вещи, играла манера их носить и те или иные аксессуары.

В военное время офицеры носили мятые фуражки, края тульи свешивались по бокам околыша, козырек был полусогнутым. Фуражечный ремень висел свободно, с провесом и лежал на козырьке либо был прижат под нижний край кокарды; иногда ремень был поднят и лежал наверху тульи.

Папаху носили сплющенной по верху таким образом, чтобы донце не было видно, а верх папахи заламывался назад. Перчатки надевались обычно только на левую руку; в ней же держали правую перчатку. Носили также на правой руке перчатку, надетую только на четыре пальца (большой палец был свободен). Край перчатки был завернут наружу, так что в перчатке находились только пальцы, а не кисть руки. Левую перчатку носили тоже отогнутой, но надетой на все пальцы.

Шпоры носили спадающими почти до низа каблука. Это считалось особым шиком. Обычно офицеры надевали очень тоненькие шпоры — почти проволочной толщины. Для звона по краям основного колечка добавляли еще два маленьких серебряных кольца. Была фирма Савелова, шпоры которой славились своим малиновым звоном. Кавалеристы носили такие шпоры без колечка, с тупым шипом, такие шпоры не звенели. Шпоры крепились на сапоге при помощи одного ремеш-

304. Санитарная автомашина автомобильной части. Петроград. 1915 г.
305. В санитарном поезде
306. Санитарная машина
307. В полевом госпитале

304

305
306

ка, пропускаемого в прорези, имеющиеся на концах вилки шпоры, и застегивавшегося на пряжку с внешней стороны. Был тип шпор, не имеющих прорезов на вилке; вместо них с одной стороны была укреплена пряжка, а с другой стороны — особый штифт. Ремень надевался только по верху сапога, а под каблук проходила плоская, со срезанными звеньями, никелированная цепочка. Верхний ремень был в середине значительно шире, чем по краям, и имел слегка закругленную с обеих сторон форму.

Подворотничков в царской армии не носили. Вместо них надевали крахмальные воротнички, стоячие, без отогнутых углов. Воротнички носили не только под кителями и френчами, но даже с гимнастерками. Носили также и крахмальные манжеты (с кителем обязательно, с френчем не всегда). Ворот офицерской гимнастерки изнутри был подшит шелком защитного цвета. Гимнастерка застегивалась на левую сторону, как у солдат. Наверху воротничка было две пуговицы, причем нижняя была прорезана в шве, соединяющем воротничок с гимнастеркой. По застежке ниже воротника было две, иногда три пуговицы, очень маленькие, они так и назывались «гимнастерочные» (этот формат пуговиц сохранился и в Советской Армии). На гимнастерке носили пристяжные погоны, но в последние годы войны и после Февральской революции стали носить и пришивные мягкие погоны, но не шинельного образца (с косым верхним срезом), а обычные, снимая их с подбоя (жесткой подкладки). Офицеры гвардейских полков по краю застежки носили цветную полоску из приборного сукна, цвета, присвоенного данному полку (например, Павловский полк — красную полосу, Семеновский — синюю, Измайловский — белую). Такая же полоска была нашита по верху манжет гимнастерки. К концу войны стали появляться гимнастерки, застегивающиеся на правую сторону.

Казачьи и кавалерийские офицеры часто ходили с плетками или нагайками. Плетки были разного типа: деревянные, с круглым плетеным (отсюда слова «плетка») ремнем; резиновые, где рукоятка и сама плетка были из однородного материала — резины, с проволокой изнутри, с рукоятками из ноги дикой козы или косули, сохранившей копыто и шкуру, и с тем же плетеным ремнем. На рукоятке (кнутовище) плетки была петля, надеваемая на руку, а иногда плетку вешали на эфес сабли (это особенно характерно было для казачьих офицеров).

В самом конце войны появились стеки, длинные хлысты из камыша, стального прута или китового уса, оплетенного ремешками. На конце стека имелась петля из толстого ремня или кожаный язычок длиной 10—15 *см*. Рукоятка стека была металлическая или костяная (обычно из слоновой кости). По форме она могла быть круглой или загнутой, иногда она изображала лошадиную или собачью голову.

Со стеками ходили кавалеристы или земгусары [19]. Казачьи офицеры стеков не носили. Носили их еще офицеры контрразведки, для которых они были «орудием производства» при пытках и допросах.

Во время войны офицеры стали носить на шинели Георгиевские кресты (в мирное время это не полагалось) либо ленточки от них. Ленточка пропускалась сквозь петлю верхней второй пуговицы справа и закреплялась по борту. Если шинель была без пуговиц, лента складывалась дугой и пришивалась к борту шинели вогнутой стороной к застежке.

Характерной деталью снаряжения фронтового офицера были кожаные портсигары, висевшие на тоненьком ремне, надетом через плечо.

На планшетной сумке офицера имелось кожаное гнездо для компаса. Иногда компас носили на руке, как ручные часы, или вешали на одну из «подтяжек» двухплечной портупеи. На «подтяжку» также навешивали плоский электрический фонарик.

В карманах шинели держали маленькие грелки для рук. В металлическом корпусе, обшитом бархатом, тлели специальные угли.

Знамена

Знамя считалось всегда и считается символом и олицетворением воинской чести. В царской России знамена имели только полки. Более крупные соединения (дивизии, корпуса) своих знамен не имели. Утрата полкового знамени вела к расформированию полка, и наименование его вычеркивалось из списков армии.

Полковое знамя сопутствовало полку на парадах, маневрах и при военных действиях. На парадах развернутое знамя несли впереди полка. Кавалерийские части помимо знамени имели так называемые штандарты квадратной формы, несколько напоминающие хоругви. Они не были прибиты к древку, а висели на шнурах.

Знамена и штандарты несли или везли на коне знаменосцы. Это были сверхсрочные унтер-офицеры, фельдфебели или вахмистры. Через правое плечо у них была надета специальная перевязь из сукна, обшитая галунами и подшитая белой замшевой (в гвардии) или черной кожаной подкладкой (в армии). В нижнем конце перевязи имелось специальное гнездо для древка. Знаменосца окружали с обеих сторон ассистенты. Ими могли быть унтер-офицеры и обер-офицеры (в особо торжественных случаях). Ассистенты при знамени держали шашки или палаши наголо.

В казарме знамя стояло в специальной подставке, покрытое кожаным чехлом. У знамени

круглые сутки стояли часовые. Тут же находился денежный ящик — касса полка.

В условиях маневров и войны знамя находилось в зачехленном виде, кроме случаев парада и полковых праздников, награждения личного состава, молебнов. При молебнах знамя со знаменосцами и ассистентами при знамени устанавливалось против аналоя, в отдалении от строя полка.

Знамена русской армии вели свое начало со времен Петра I. Основанные им полки, особенно гвардейские — Преображенский и Семеновский, сохранили свои исторические знамена, разодранные и пробитые пулями в многочисленных сражениях. Знамена никогда не чинились: чем более потрепанным было знамя, тем оно было почетнее. Своим видом оно свидетельствовало о боевой славе полка. Историческое знамя, то есть ведущее свое существование со дня основания полка, выносилось только в дни полковых праздников или в юбилеи битв, в которых данный полк прославился. При каждом царствовании полк получал новое знамя с инициалами царствующего императора или штандарт. Это знамя и являлось символом полка.

Знамена русской армии были в основном однотипными по размерам и по форме (квадрат). Во всю величину знамени был изображен крест, напоминающий по форме Георгиевский. Крест имел один цвет, а поле — другой. Посередине знамени с одной стороны имелось изображение двуглавого орла, а с другой — изображение Нерукотворногоо Спаса (лицо Иисуса Христа на платке). Вокруг знамени шла по периметру полоса — либо гладкая, либо разбитая на треугольники. Иногда на полосе имелось то или иное изречение, вышитое золотом славянским шрифтом со стороны Нерукотворного Спаса, а со стороны орла — наименование полка. Знамена были обшиты золотой бахромой, древко — черное, лакированное; наконечник — медный, позолоченный, в виде пики с помещенной внутрь царской монограммой или в виде двуглавого орла. Знамя прибивалось к древку гвоздями с крупными позолоченными шляпками.

При вручении полку нового знамени строилась специальная палатка, в которой каждый офицер полка прибивал знамя к древку одним гвоздем, после чего знамя «освящалось» на специальной церковной службе перед строем полка.

От наконечника знамени спускались вдоль древка две широкие ленты, окаймленные по низу золотой бахромой. У особо отличившихся полков ленты эти были «георгиевские» (желто-черные). Исторические знамена были сделаны из флагдука (специальной шерстяной материи, из которой и сейчас изготовляют морские флаги), а также из шелка типа атласа. Рисунок был нанесен набойкой или вышит. Знамена времен Николая II были из атласа и бархата с вышитыми буквами и монограммами. По сравнению со знаменами историческими они имели более церковный вид.

После Февральской революции полки сохранили царские знамена и, как это ни кажется парадоксальным, присягу на верность Временному правительству приносили у знамени, украшенного царскими вензелями и коронами. Впоследствии, при прохождении полков по улице и во время смотров, знамя несли в зачехленном виде, а для того, чтобы видно было, какой полк идет, солдаты несли на двух палках полотнище с надписью «преображенцы», «измайловцы», «семеновцы» и т. д. С орлов на наконечниках древка были сняты короны, а с наконечников с вензелями — вензеля. Следует напомнить, что гербом России при Временном правительстве остался двуглавый орел (его называли «думским», так как его рисунок был утвержден Государственной думой), но без короны и с крыльями, распростертыми горизонтально (царский орел имел крылья, поднятые вверх). Любопытно, что Временное правительство не предприняло никаких мер к замене царских знамен в армии. Эта замена стала происходить кое-где по инициативе рабочих, приподносящих полкам новые революционные красные знамена. Так, например, рабочие Путиловского завода в Петрограде (ныне завод имени Кирова) преподнесли революционное знамя Павловскому полку.

После Октябрьской революции старые знамена были отправлены в музеи как свидетельство боевой силы русского оружия, а революционные полки и соединения получили новые, революционные красные знамена из бархата или атласа

308. Пулеметный расчет

309. Офицер у стереоскопической трубы. 1915—1917 гг.

310. В окопах

311. Молебен в поле 1915—1917 гг.

312. Генерал у стереоскопической трубы. 1915—1917 гг.

313. Бесплатная раздача газет фронтовикам в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Петроград. Март 1917 г.

314. В редакции «Известий» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Петроград. Март 1917 г.

315. Президиум исполнительной комиссии солдатских депутатов при исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. Петроград, Март 1917 г.

316. Президиум и члены исполнительной комиссии солдатских депутатов при исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. Петроград. Март 1917 г.

308

309
310

311

312

313
314

315
316

с вышитыми золотом лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и наименованием части. Знамена имели копьевидные наконечники, а древки были выкрашены в красный цвет. Знаменосцы перестали носить перевязь.

Военно-морской флаг царской России оставался неизменным со времен Петра I до Временного правительства. Он представлял собой белый прямоугольник с двумя голубыми полосами по диагонали — так называемым «Андреевским крестом» (такой крест был на ордене Андрея Первозванного — высшем ордене царской России). Флаг назывался «Андреевским», а в просторечии его называли «конвертом» из-за рисунка полос. На всех военно-морских кораблях флаг был одинаков (изменялся только размер) и не имел никаких надписей.

Флотские экипажи имели знамена по типу войсковых. Военно-морские флаги делались исключительно из флагдука; «Андреевский крест» наносился с помощью трафарета.

После Октябрьской революции «Андреевский флаг» был заменен красным флагом. Впоследствии на флоте был введен военно-морской флаг, объединяющий традицию старого русского морского флага с новым, революционным содержанием. Это был белый флаг с сине-голубой полосой внизу (цвета «Андреевского флага»), с красными звездой, серпом и молотом на белом поле.

Помимо полкового знамени каждая рота, эскадрон имели свои флажки, которые так и назывались «ротные» или «эскадронные». Каждому цифровому обозначению роты или эскадрона соответствовал тот или иной цвет. Флажки имели треугольную форму. В пехотных частях их прикрепляли к штыкам, а в кавалерийских — к пикам. На каждую роту или эскадрон флажок был один и в строю находился на фланге первой шеренги.

Улицы в дни Февральской революции

Февральская революция резко изменила облик улиц Петрограда и Москвы, в меньшей мере — провинциальных городов. Стены домов залепили разнообразные плакаты, листовки и прокламации многочисленных политических партий, а с мая — плакаты «Займа свободы» со стоящим во весь рост бородатым солдатом с ружьем, распоряжения и приказы местных и центральных властей и расклеенные по стенам газеты, у которых толпился народ.

Исчезли сброшенные в самом начале революции «орлы» над аптеками и короны под вывесками «поставщиков двора его величества».

В остальном осталось все по-прежнему. На афишных тумбах по-прежнему выклеивались афиши театров и кинематографов. Улицы сохраняли свои старые названия. По-прежнему возвышались царские памятники. В Петрограде в начале революции, как обычно, стояли на часах у памятников седобородые старики — дворцовые гренадеры (или, как их еще называли, «золотая рота») в медвежьих киверах эпохи Николая I и в черных шинелях.

Лишь следы от пуль на стенах некоторых домов, где шла перестрелка революционных войск с городовыми и жандармами, засевшими на чердаках, да обгоревшие здания полицейских участков напоминали о происходивших боях. Кроме полицейских участков в Петрограде были сожжены здания охранки, полицейский архив, Литовский замок (пересыльная тюрьма) на Офицерской улице (ныне улица Декабристов), здание Мариинского театра (теперь Театр оперы и балета имени С. М. Кирова) и здание Окружного суда (угол Литейного проспекта и Шпалерной улицы, ныне улица Войнова). Ни здания многочисленных министерств, ни особняки знати и сановников не пострадали, за исключением особняка графа Фредерикса — министра императорского двора. Столь же выборочны были разрушения в Москве и в провинции, коснувшиеся главным образом полицейских участков и немногих административных зданий.

Магазины, торгующие ненормированными изделиями и продуктами (во время войны была введена карточная система), сохранили свои витрины. Однако продуктовые магазины, от «Елисеева» до мелких лавочек, старались не привлекать к себе излишнего внимания, а чтобы подчеркнуть свою «революционность», хозяева многих магазинов выставляли в витринах портреты сначала председателя Государственной думы помещика-октябриста Родзянко, а затем главы партии октябристов Гучкова. Через пару месяцев их портреты были вытеснены многочисленными изображениями «душки» Керенского.

Но не эти внешние признаки определили характер революционной улицы. Изменили его прежде всего люди.

В России уличная жизнь имела иной характер, нежели в некоторых европейских странах. По улицам проходили, но не жили на них. Рево-

317. Автомобили, конфискованные восставшими солдатами для нужд революции. Петроград. 1917 г.

318. Караул Государственной думы из солдат Преображенского полка за обедом. Петроград. Апрель 1917 г.

319. Митинг на фронте

320. Солдаты лейб-гвардии Преображенского полка приветствуют Всероссийский крестьянский съезд. Май 1917 г.

317

318

319

320

люция наполнила улицы новой, кипучей жизнью, причем жизнью коллектива, а не одиночек. Сначала на улицы вышли рабочие, солдаты, матросы, студенты, сражающиеся с полицией и жандармерией. После свержения самодержавия на улицы вышли многочисленные колонны демонстрантов. Причины демонстраций были самые различные — от похорон жертв революции до требований равноправия для женщин, увеличения пособий солдаткам, ликвидации детского труда. Между мостовой и тротуаром пролегла своеобразная политическая граница. На мостовой — участники, а на тротуаре — зрители, сочувствующие или враждебные, либо попросту любопытствующие. На мостовой — коллектив (во всяком случае, внешне), на тротуарах — толпа.

Помимо пеших демонстрантов на улицах появлялись грузовики, набитые солдатами, студентами и рабочими, увешанные лозунгами и транспарантами. Демонстранты тоже несли свои лозунги. Сначала это были самодельные, неумелые надписи на бумаге или на фанере, прикрепленной к палкам. Даже солдаты, идя в строю, несли такие транспаранты с названием своего полка и с теми лозунгами, которые они поддерживали. Постепенно оформление лозунгов и транспарантов становилось более профессиональным. Появились стяги (напоминающие церковные хоругви), украшенные живописными изображениями, преимущественно аллегорическими,— России и Революции. Шрифты становятся более изысканными и витиеватыми. От хоругвий, видимо, на стяги и знамена переходит славянский шрифт, так не вяжущийся с революционной темой надписей. Стяги начинают делать из бархата и атласа. Они достигают огромной величины — нести их могут только несколько человек одновременно, на палках-распорках. Доминирует красный цвет во всех оттенках, но встречались и лозунги, написанные черным по белому. Эти лозунги принадлежали тем, кто желал вести «войну до победного конца», требовал, чтобы «солдаты шли в окопы, а рабочие к станку»,— это лозунги контрреволюционных группировок и партий, перенявших от революционных масс способы и методы пропаганды.

Они тоже устраивают демонстрации, едут на грузовиках, несут стяги и транспаранты, устраивают уличные митинги, вкладывая в революционную форму контрреволюционное содержание. Но, как правило, их демонстрации были гораздо малолюднее, чем демонстрации революционные. К тому же участники их предпочитали не идти в колоннах, а ехать на автомобилях, что было удобнее и безопаснее. Да и состав этих демонстрантов более пестрый — от седобородых полковников до гимназистов и студентов из бывших белоподкладочников; были здесь и какие-то дамочки, сестры милосердия «из общества»... Как бы то ни было, но и эти демонстрации являли собой своеобразный штрих, характеризующий уличную жизнь того времени.

Характерной приметой времени были и митинги, стихийно возникавшие на перекрестках у того или иного вывешенного плаката, воззвания или возле остановившегося грузовика с демонстрантами.

На домах оформление и флаги, столь привычные для нас в дни революционных праздников, тогда не вешались. Стены зданий, сохранившие в неприкосновенности свой дореволюционный вид, покрытые многочисленными вывесками, резко контрастировали с мостовой, заполненной колоннами демонстрантов, несущих лозунги и знамена. Только в день празднования Первого мая на некоторых домах появились декоративные панно и флаги *.

Изменение деталей армейской формы после Февральской революции

Погоны генеральского, офицерского, унтер-офицерского и рядового состава сухопутных войск после свержения самодержавия остались без изменения, если не считать, что в погонах полков, имевших шифровку (царские монограммы с короной), она была снята, спорота у генералов и офицеров, а у рядового состава соскоблена или замазана краской в цвет погон (у рядового состава шифровка была нанесена краской, у офицеров и генералов вышита или сделана из накладного металла). Большое распространение получили полевые погоны из тесьмы защитного цвета.

Знаки на погонах, обозначавшие роды войск (артиллерия, автоброневые войска, пулеметчики и т. д.), остались также без изменения, кроме авиации, имевшей значок, изображавший двуглавого орла, держащего в лапах скрещенные пропеллер и меч. С орла были сняты короны и изменено положение крыльев на горизонтальное (как у «думского» орла). Кокарды царской армии сохранились. Некоторые солдаты и молодые офицеры обтягивали кокарды материалом или укрепляли под кокарду красный лоскут.

Сохранились также пряжки на солдатских ремнях с изображением двуглавого орла, но солдаты часто носили орла, перевернутого вниз головами. Пуговицы с двуглавым орлом официально не были отменены, тем не менее солдаты гвардейских полков, имевшие посередине шинели декоративные пуговицы (шинель застегивалась на крючки), их спарывали, оставляя «двуглавые» пуговицы только на хлястике. Пуговицы на пет-

* Отсутствие праздничного убранства зданий — характерная черта улиц с февраля по октябрь 1917 года.

лицах либо спарывали, либо обтягивали защитным материалом. Многие офицеры также обтягивали пуговицы или заменяли их на гражданские. Только погонные пуговицы оставались без изменения. Фуражечные пуговицы, на которых держался ремешок, тоже иногда обтягивали или заменяли гражданскими. В то же время многие солдаты и офицеры продолжали носить царские пуговицы. Появились в обиходе металлические пуговицы по типу царских, но гладкие, без орлов; их носили редко, главным образом на офицерских гимнастерках.

Некоторые новые военные формирования после свержения самодержавия

Лозунг Временного правительства «Война до победного конца» не получил широкой поддержки солдат, уставших от почти трехлетнего сидения в окопах. Среди солдат все больше стали распространяться большевистские лозунги, поэтому генерал Корнилов, ставший верховным главнокомандующим, приступил к формированию «ударных батальонов», или, как их еще называли, «батальонов смерти», скомплектованных преимущественно из солдат, не бывших на фронте (резервных батальонов, гвардейских полков, горнизонных частей и т. д.). Эти батальоны были хорошо вооружены и оснащены, имели многочисленный унтер-офицерский и офицерский состав, главным образом из числа георгиевских кавалеров, имевших фронтовой опыт. Солдаты «ударных батальонов», по мысли создателей этих частей, должны были восполнить отсутствие фронтового опыта имеющейся у них основательной строевой подготовкой, полученной в тыловых условиях. Эти батальоны должны были стать ударной силой (отсюда и название) в наступлениях, готовящихся против австро-германских войск, и одновременно опорой, так сказать, «гвардией» нового режима. Но, как и во многих других случаях, расчеты Временного правительства были опрокинуты историей. «Ударные батальоны» стали основными силами корниловского мятежа, и для борьбы с ними Временному правительству пришлось обратиться к тем самым «ненадежным» и «распропагандированным большевиками» солдатам, в противовес которым создавались «ударные батальоны».

Обмундирование «ударных батальонов» было значительно лучше, чем других частей. Они были одеты в сравнительно новые, не потрепанные в окопах шинели, гимнастерки и брюки, обуты в кожаные сапоги или присланные союзниками ботинки и обмотки. На головах у них были стальные каски французского образца с выпуклым изображением гренадерской бомбы с пламенем вместо кокарды. Некоторые ударные части закрывали бомбу металлическим черепом со скрещенными костями (отсюда название «батальоны смерти»). На левом рукаве носили шеврон — угольник из трехцветной ленты (бело-сине-красной), в цвет русского флага. Над шевроном был укреплен металлический череп со скрещенными костями. Следует добавить, что этот нарукавный знак впоследствии перешел ко многим белогвардейским соединениям (деникинцам, анненковцам, марковцам). Личный состав «ударных батальонов» стал ядром белогвардейских формирований в период гражданской войны.

Вооружение «ударных батальонов» в основном было иностранных образцов — английские винтовки «Ли-эпфилд» с ножевыми штыками, тяжелые пулеметы системы «кольт» и «Льюис», на треногах, заряжающиеся обоймами, а не пулеметными лентами, как русские «максимы». Большая насыщенность автомобилями, в том числе броневыми английского производства,— все это внешне резко отличало «ударные батальоны» от обычных. К тому же если фронтовые солдаты в 1917 году состояли в основном из запасных старших возрастов (сорокалетних бородачей) и совсем молодых, досрочно призванных девятнадцати-двадцатилетних (в царскую армию в мирное время призывали юношей, достигших двадцати одного года), то личный состав «ударных батальонов» имел более ровный возрастной состав — не моложе двадцати одного года и не старше тридцати лет.

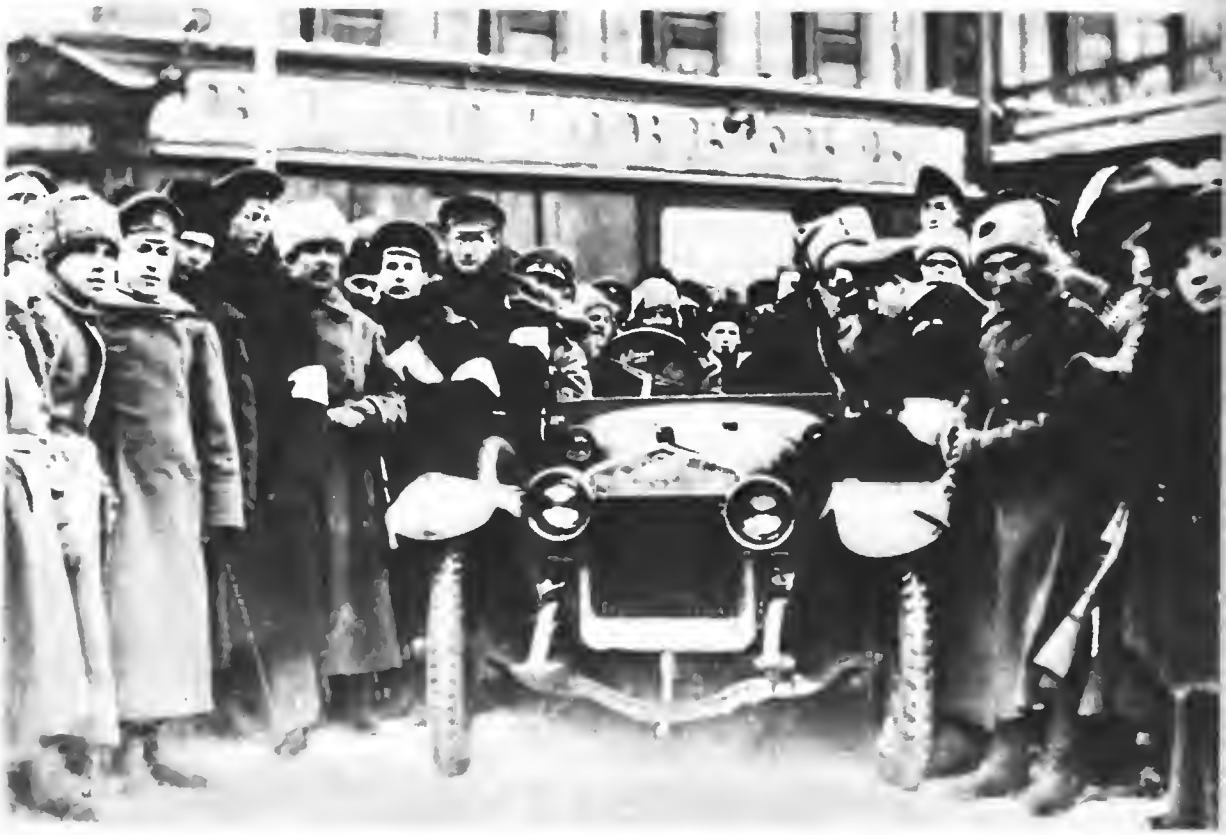
Некая А. Бочкарева, бывшая добровольцем на первой мировой войне, дослужившаяся на фронте до унтер-офицерского чина и награжденная Георгиевским крестом и медалями, обратилась к Временному правительству с предложением создать женские военные ударные части. Это предложение было поддержано Керенским. Вряд ли он и другие члены Временного правительства предполагали, что женский батальон вместе с отрядами юнкеров будет последней защитой Временного правительства в историческую ночь с 24 на 25 октября (по старому стилю) 1917 года [20].

В русской армии во время первой империалистической войны находились отдельные добровольцы-женщины. Некоторые даже имели офи-

321. Уличная демонстрация. Петроград. Апрель 1917 г.
322. —324. Уличные демонстрации
325. Демонстрация в честь празднования 1 Мая. Петроград. 1917 г.
326, 327. Демонстранты на Дворцовой площади. Петроград. Апрель 1917 г.
328. Женская демонстрация. Петроград. Июль 1917 г.

321

322



323

ТРУДЪ.

324

МЫ ЗАСТАВИМЪ УВАЖАТЬ
ВЪОФФИЦІАНТЪ ЧЕЛОВѢКА
Официанты ражд. П.
ДОЛОЙ ЧАЕ

325

326

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПРАЗДНИКЪ ТРУДА
ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ СОЦІАЛИЗМЪ
ДВОРЪ
МОНЕТНЫЙ

328

церский чин (как, например, дочь адмирала Скрыдлова). Они-то и сгруппировались вокруг Бочкаревой, получившей чин прапорщика и назначенной командиром 1-го Петроградского женского батальона. Женский батальон был укомплектован на добровольных началах. Состав его был чрезвычайно разнороден — от девушек «из общества», гимназисток и институток до люмпен-элементов. Вновь явленных «спасителей России» стригли по-солдатски под машинку и переодевали в солдатскую форму, как известно, не учитывающую особенностей женской фигуры. Поэтому женщины-солдаты выглядели смехотворно и безобразно (включая и самого командира Бочкареву). Как правило, форма и фуражки были или малы, или велики. Женщины-солдаты не носили высоких сапог (так как солдатские сапоги были им велики), а щеголяли в чулках до колена и мальчиковых ботинках на шнурках. Только некоторые офицеры, вроде упомянутой Скрыдловой (она была адъютантом батальона), носили аксельбант, ходили в сапогах и выглядели более или менее сносно.

Вся эта затея с женскими военными частями имела рекламно-авантюрный характер как иллюстрация «народного подъема». В действительности же она давала неистощимый материал для карикатуристов и юмористов того времени.

Инструкторами, обучающими женщин строю и стрельбе, были унтер-офицеры мужчины. По примеру «ударных батальонов» сподвижницы Бочкаревой носили на рукаве трехцветный шеврон с металлическим черепом и скрещенными костями.

Единственной боевой операцией женского батальона было выступление против корниловского мятежа. Как известно, при штурме Зимнего женский батальон после слабого сопротивления революционным частям сдался. После Октября он был расформирован.

Была у Временного правительства попытка создать также женские вспомогательные военно-морские части (по образцу существовавших в Англии). Сформировали 1-ю женскую вспомогательную военно-морскую команду, но дальше эффектных снимков (женщины моют швабрами палубы, вяжут морские узлы) дело не пошло, и команда ничем не отметила свое краткое существование.

Члены команды одеты были в обычную морскую форму, на бескозырках имели наименование своего отряда, однако всем своим видом напоминали скорее кордебалет, исполняющий «Матросский танец», нежели военно-морскую часть.

Еще в дни Февральской революции возникли новые соединения городской милиции. В ее функции входило поддержание общественного порядка, обыски, аресты и конвоирование деятелей царского режима — полицейских, жандармов. Создавалась милиция из добровольцев — студентов, приказчиков, конторских служащих и даже гимназистов-старшеклассников; были в рядах милиции и демобилизованные вследствие ранений солдаты и офицеры. Рабочих в соединениях городской милиции почти не было. Во главе петроградской милиции стоял архитектор Кржижановский — гласный (член) городской Думы, при которой милиция и создавалась. Управление городской милиции находилось в здании городской Думы на Невском проспекте (сейчас здание центральной железнодорожной станции). Районные отделы милиции размещались либо в зданиях уцелевших полицейских участков, либо в приспособленных наспех случайных помещениях.

Формы милиция не имела; отличительным признаком была нарукавная повязка белого цвета с буквами «ГМ» (городская милиция), написанными черной или красной краской, иногда даже чернильным карандашом. Эта повязка надевалась на левый рукав выше локтя. На ней стояла печать управления милиции и подпись начальника милиции или его заместителя. Такая повязка являлась как бы удостоверением для носящего и предохраняла граждан от самозваных милиционеров (впоследствии буквы на повязках стали печатать типографским способом). Начальники районных отделений и участков милиции назывались уполномоченными и носили повязки, на которых было написано это слово, а также название района и части. Среди уполномоченных были офицеры и адвокаты.

Вооружены были милиционеры преимущественно винтовками (обычно без штыков), некоторые носили револьверы и пистолеты различных типов — от нагана до дамского браунинга. Встречались милиционеры, вооруженные шашками, изъятыми у городовых. У всех были свистки.

329. Демонстрация революционного казачества. Июль 1917 г.

330. Депутат Учредительного собрания от Рязанской губернии. Член ВКП(б). Петроград. 1917 г.

331. Уличная демонстрация в июле 1917 г.

332. Студенты-милиционеры в первые дни Февральской революции.

333. Фасад здания полицейского участка, сожженного в первые дни Февральской революции. Петроград. Март 1917 г.

334. Фасад здания охранного отделения, сожженного в первые дни Февральской революции. Петроград. Март 1917 г.

335. Переодетые городовые под конвоем народной милиции. Петроград. Март 1917 г.

329

Да здравствуетъ братскій
союзъ
Революціонныхъ рабочихъ, крестьянъ,
солдатъ, матросовъ и трудового
казачества

330
331

ДЕПУТАТОВ

333

334

Милиционеры несли дежурство на улицах, стояли на перекрестках, патрулировали группами в два-три человека. По образу и подобию петроградской милиции формировались отряды милиции и в других населенных пунктах России. Во время июльских событий и в дни Октября милиция выступила на стороне Временного правительства. После Октябрьской революции милиция была разоружена и распущена. Вместо студентов и гимназистов на охрану революционного порядка встали солдаты, матросы и рабочие-красногвардейцы с красными повязками на рукаве, положившие начало советской милиции.

Революционные соединения 1917 года

После Февральской революции на фабриках и заводах из рабочих и служащих стали организовываться вооруженные отряды Красной гвардии. В состав Красной гвардии наряду с пожилыми рабочими, в свое время отслужившими действительную военную службу, умевшими обращаться с оружием, входили также молодые рабочие, почти подростки, которых обучали стрельбе и строю, либо командиры из своих же рабочих, либо инструкторы из революционных солдат и унтер-офицеров.

Руководили Красной гвардией районные и городские Советы рабочих и солдатских депутатов через штабы Красной гвардии. Как организованная сила рабочего класса Красная гвардия впервые вышла на улицы Первого мая (18 апреля по старому стилю) 1917 года. Впереди заводских и фабричных колонн маршировала вооруженная армия рабочих с красными повязками на рукаве — армия, которой через пять месяцев предстояло вместе с революционными солдатами и матросами штурмовать Зимний дворец и установить Советскую власть.

Красногвардейцы, которых мы видим на плакатах и картинах, посвященных 1917 году, имеют некий стандартный облик — кожаная фуражка или кепка, обязательная кожаная куртка, высокие сапоги солдатского образца, затяжной ремень. Конечно, этот тип костюма не придуман художниками и в числе многих других имел место. Но фактически он был менее характерен (в смысле распространенности), чем другие, которые мы видим на фотографиях групп красногвардейцев 1917 года.

В глаза бросается прежде всего разница в облике красногвардейцев, снятых на учениях, на фабриках и заводах, и красногвардейцев на улице, у Смольного, на первомайской демонстрации 1917 года. В первом случае красногвардейцы одеты в те самые костюмы, в которых они приходили на работу. Во втором случае — в свою выходную, праздничную одежду (включая котелки и крахмальные воротнички).

Красная гвардия была столь же разнообразна по своим костюмам, как разнообразны были каждодневные и выходные костюмы рабочих, как разнообразен был ее возрастной состав. Кроме того, среди красногвардейцев находились рабочие, демобилизованные из армии и сохранившие часть своей солдатской одежды (фуражки, гимнастерки, шинели, солдатские пояса, сапоги).

Красногвардейские отряды металлургических заводов, работавших на оборону, состоят в основном из кадровых рабочих пожилого и среднего возраста, одетых так, как одевались вне производства питерские рабочие этой категории,— шляпы и котелки, каракулевые шапки, демисезонные пальто и шубы, нередки даже крахмальные воротнички и галстуки. Но эти пальто и шубы перепоясаны ремнями или охотничьими поясами-патронташами. На рукавах — красные повязки, а на лацканах пальто — красные кумачовые банты.

Вооружены красногвардейцы преимущественно винтовками. Лишь у немногих на поясе висят револьверы в кобурах, и уж у совсем немногих надеты через плечо шашки. Столь же редки пулеметные ленты, надетые через плечо, и ручные гранаты.

Отряды Красной гвардии текстильных, деревообделочных, пищевых предприятий выглядят иначе, чем отряды металлистов. Больше молодежи, больше людей, одетых почти по-деревенски. Им еще предстоит стать кадровыми рабочими.

Женщин в рядах красногвардейцев мало. В основном они санитарки, с сумками с красным крестом через плечо. К своей будничной одежде работниц они стараются добавить какую-нибудь военную деталь — то солдатскую папаху, то ремень. Лишь после Октября, когда Красная гвардия направляется на фронт, мы видим в ее рядах женщин-бойцов, почти не отличающихся своим костюмом и видом от красногвардейцев-подростков.

Во время наступления Юденича на Петроград был сформирован даже специальный женский коммунистический полк из работниц и служащих, чтобы нести внутреннюю караульную службу и дать возможность тем самым бросить все резервы на фронт.

Как известно, матросы принимали деятельное участие в революционных событиях, особенно в период с июльских дней вплоть до Октябрьской революции, и являлись одними из основных ее участников. Внешний вид матросов в этот период значительно отличался от одетых по уставу матросов царского флота, причем даже не обмундированием, а манерой его носить. Уже го-

ворилось, что 4 мая 1917 года Временное правительство частично изменило формы флота. Но, во-первых, эта «пуговично-пряжечная реформа» охватила, видимо, по организационным причинам не весь состав флота, и, во-вторых, революционные матросы сами внесли коррективы в свой костюм.

Бескозырки стали носить или без кокард, или обтянув их красным кумачом, а иногда на тулье был просто укреплен красный бант или кусок красной ленты. Иногда матросы вообще снимали с бескозырок ленты с наименованием корабля. Это делали тогда, когда название уж очень было несозвучно революционным дням. Стали носить фуражки с козырьком, что раньше полагалось только унтер-офицерам.

Пуговицы на бушлатах либо обтягивались материалом (в том числе и кумачом), либо заменялись гражданскими пуговицами. На шинелях, где пуговицы играли декоративную роль, их просто спарывали, причем сзади на хлястике пуговицы оставлялись.

Хотя по уставу матросы на суше должны были носить брюки заправленными в сапоги, это не всегда выполнялось, и матросы ходили в сапогах, надетых под брюки, или в ботинках. Брюки стали носить с широким клешем. Иногда для удобства при ходьбе пришпиливался клеш велосипедными зажимами для брюк. В шинелях ходили редко, больше в бушлатах, привычной корабельной форме. Бушлат носили расстегнутым, что по уставу не полагалось. Поясные ремни носили с орлом, перевернутым вниз головой (если пряжка осталась старого образца), а то и с затяжным ремнем.

Вместо неудобных, надетых через плечо ремней с патронташами (подсумками) стали носить надетые крест-накрест пулеметные ленты, гораздо более вместительные по числу патронов, а подсумки надевали по-солдатски, то есть на пояс.

Революционные матросы часто носили на поясе морские кобуры на пасиках, которые «по форме» были присвоены только офицерам, а если кобуры не было, то револьвер засовывался просто за пояс.

Маузеры (большие пистолеты с длинным стволом, заключенные в деревянную кобуру, которая могла служить и прикладом, если пистолет прикреплялся к ней) в период революции были распространены меньше, чем об этом можно судить по многочисленным картинам и фильмам о революции. Маузеры на флоте были на вооружении только у подводников и команд торпедных катеров.

Почти у каждого матроса на поясе висели ручные гранаты. Они были обычно двух типов: первый — цилиндрическая граната с длинной ручкой из того же металла; второй — так называемые «лимонки», действительно напоминающие своей формой лимоны с чешуеобразной поверхностью. Гранаты первого типа либо затыкались за ремень, либо висели на поясе, прикрепленные за ручку. «Лимонки» крепились к поясу специальными кольцами.

Суконные форменки матросы часто носили, не выпуская наверх голубой воротник голландки.

Винтовки матросы предпочитали свои, флотские, обычно с непримкнутыми штыками.

Все эти отступления от уставной формы были индивидуальны, каждый матрос в чем-то отличался от другого — элементами костюма, ассортиментом оружия, манерой их ношения.

В. Шкловский
Художник кино

В искусстве вдохновению всегда предшествует труд. Владимир Маяковский рассказывал: «Прежде я думал так: пришел поэт, разжал уста и сразу запел вдохновенно простак». Потом в одном из своих стихотворений он жаловался: «Как медленно ворочается вобла воображения».

Сергей Эйзенштейн говорил, что все пространство его квартиры невидимо наполнено незавершенными, неисполненными произведениями. Все же теперь они существуют в искусстве.

Мгновение записи — съемки, секунды свершения и годы работы над черновиками.

Яков Наумович Ривош был прекрасным художником кино. Его эскизы костюмов и декораций представляли собой одновременно и произведения искусства и плод доскональной научного исследования. С помощью их воскрешались на экране страницы истории.

Кино требует достоверности. В фильме король Лир идет по реальной земле и конь Чапаева скачет по реальной степи.

Кино достоверно даже тогда, когда оно фантастично. Стул, на который садится актер, должен быть стулом. Прошлое восстанавливается как реальность. Для того чтобы старый автомобиль, аксессуар эпохи, проезжал на экране, он сначала должен быть реальным.

Вся работа воображения, все ночи мечты должны стать явью.

Художник кино не только создатель экранного мира, он и хранитель мира прошлой действительности. Он должен знать, как работали прежние художники — строители городов, создатели архитектурных памятников, картин, знать, как, и из чего они строили.

Участвуя в создании достоверного и прекрасного мира кино, он должен все знать и как совсем простое показать зрителю. Он создает очевидность слова. Кинозритель смотрит на экран как бы одним глазом — глазом проекционного аппарата. Но чудо искусства со всеми своими условностями воскрешает реальность.

Трудно изобразить эпоху Грозного, передать манеру людей одеваться, показать, какими они были и какими хотели казаться в пышных своих одеяниях. Еще труднее воссоздать вчерашний, позавчерашний день нашей истории, канун Великого Октября, который остался в домах, мостах, портретах, вещах, в памяти очевидцев.

Яков Наумович был великим знатоком старинных вещей, тонкий ценитель мастерства людей прошлой эпохи. Он знал все уголки нашей страны, знал, как и из чего построены стены домов и замков, каково было их убранство, как разрушались и переделывались те или иные здания, как одевались представители разных классов, сословий, профессий. Он изучил до тонкостей каждую из мелочей, составлявших в сумме материальную среду предреволюционной России.

Страницы этой книги — итог многолетних поисков того, что почти исчезло из нашего обихода, из нашей памяти. Вещи, созданные для кинофильма, надо сохранять, как скульптуры или гравюры. В них заключена разгадка прошлого и будущего. Разгадка, предложенная художником, затратившим свой труд и талант на ее решение.

Труд художника физически огромен. Скульптор Коненков, резавший дерево, разбивавший камень, был сильнее любого докера.

Яков Наумович Ривош тоже был сильным человеком. И всем казалось, что можно ему добавить еще на полчаса работы, утяжелить ношу. Ривош никогда не жаловался. Все думали, что он выдержит, что он могуче здоров. А у него болело сердце, и шел он с неправильной чрезмерной поклажей.

Он умер, не успев сделать всего, на что был способен, не реализовав многого из задуманного, не до конца завершив работу над книгой. Но сделанного оказалось более чем достаточно, и книга Якова Наумовича Ривоша несомненно станет бесценным подспорьем для работников кино и театра.

Примечания

[1] Заштатные города — города, не вошедшие в список («штат») губернских или уездных городов при введении в действие губернской реформы 1775 г., иначе говоря, города, не имевшие собственных уездов и входящие в уезды других более значительных в административном отношении городов. В переносном смысле — маленькие, захудалые города.

[2] Страховые общества в России — разновидность частных предпринимательских акционерных компаний. В России возникли в 20-х годах XIX в. К 1917 г. их было 23. Наиболее крупные: «Россия», «Саламандра», «Жизнь». Основные операции страховых обществ в России были связаны со страхованием от огня; на втором месте стояли операции по страхованию жизни и капиталов; прочие виды страхования занимали незначительное место. В конце XIX в. кроме русских страховых обществ была разрешена деятельность и иностранных страховых обществ (американских, французских, немецких). На 1 января 1916 г. капиталы и резервные премии русских страховых обществ исчислялись в 321 млн. руб., а иностранных — 81 млн. руб. После Великой Октябрьской социалистической революции страховые общества были вначале поставлены под контроль государства (23 марта 1918 г.), а затем ликвидированы с передачей их дел в ведение местных советов (18 февраля 1919 г.).

[3] О направлении указанных газет см.: Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917 г.). Справочник. М., 1957.

[4] Указанная форма одежды в дореволюционной России — в первом издании «Полного собрания законов Российской империи», охватывающем период с 1649 по 1825 г., рисунки и описания формы составляют особый ненумерной том. Во втором издании (законы за 1825 — 1881 гг.) рисунки и описания форм даны в конце каждого из 55-ти томов; то же следует сказать и в отношении всех 33-х томов третьего издания (1881 — 1913 гг.). В 16-томном издании тематического «Свода законов Российской империи» наиболее распространенные официальные и неофициальные издания за конец XIX — начало XX в. (1892, 1899, 1901, 1906, 1912, 1913 гг.) приложения форм даны в каждом томе в зависимости от ведомств. То же следует сказать и в отношении ведомственных сводов («Свод военных постановлений» и «Свод морских постановлений»). Подробнее о законах дореволюционной России см.: *Корево Н.* Об изданиях законов Российской империи 1830—1899. Спб., 1900; *Его же* за 1830—1906 гг. Спб., 1907; *Его же* за 1830—1911 гг. Второе дополнение к сборнику Сведения об изданиях Свода законов и продолжений к нему. Спб., 1912.

[5] «Ведомство императрицы Марии» — система благотворительных, медицинских и учебных заведений, управляемых с конца XVIII в. женой Павла I — великой княгиней Марией Федоровной, а после ее смерти в 1828 г. переданных в Собственную е. и. в. канцелярию в специально учрежденное IV отделение ее. В 1880 г. это «мариинское ведомство» выделилось в самостоятельное ведомство — «Собственную е. и. в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии». После свержения самодержавия «мариинское ведомство» было в мае 1917 г. включено в Министерство государственного призрения Временного правительства. Больницы, богадельни, приюты, некоторые учебные заведения (кроме привилегированных, вроде «институтов благород-

[7] ТАБЕЛЬ О РАНГАХ в нач. XX в.

Класс	Гражданские чины	Военные чины	Морские чины	Придворные чины
I	Канцлер, действительный тайный советник	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	—
II	Действительный тайный советник	Генерал от кавалерии, генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал	Адмирал	Обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер, обершенк, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер
III	Тайный советник	Генерал-лейтейнант	Вице-адмирал	Гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, гофмейстер
IV	Действительный статский советник	Генерал-майор	Контр-адмирал	—
V	Статский советник	—	—	Церемониймейстер
VI	Коллежский советник	Полковник	Капитан первого ранга	—
VII	Надворный советник	Подполковник, войсковой старшина	Капитан второго ранга	
VIII	Коллежский асессор	Капитан, ротмистр, есаул	Ст. лейтенант (с 1912 г.)	
IX	Титулярный советник	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, подъесаул	Лейтенант	
X	Коллежский секретарь	Поручик, сотник	Мичман	
XI	Корабельный секретарь			
XII	Губернский секретарь	Подпоручик, корнет, хорунжий		
XIII	Провинциальный секретарь	Прапорщик (с 1884 г. чин существует только в военное время)		
XIV	Коллежский регистратор			

Свод законов Российской империи. Сост. Н. Е. Озерецковский и И. С. Ципкин. Т. 3. Спб., 1913 (изд. неофициальное).

ных девиц») перешли после Великой Октябрьской социалистической революции в ведение органов Советской власти. О марнинском ведомстве см.: *Селезнев И. Я.* Пятидесятилетие IV отделения Собственной е. и. в. канцелярии 1828—1878. Спб., 1878; Благотворительные учреждения в Российской империи. Т. 1—3. Спб., 1900; Список заведений ведомства учреждений имп. Марии по городам и селениям. Сост. к 1 янв. 1914 г. Пг.,1916.

[6] Дворянство — господствующее и привилегированное сословие в дореволюционной России, насчитывавшее по Всероссийской переписи 1897 г. более 1,85 млн чел. (1,22 млн потомственных дворян и 0,63 млн личных дворян), что составляло 1,5% от всего населения России. Наиболее влиятельной частью дворянства являлся класс помещиков-землевладельцев, составлявших основную социальную опору самодержавия. Количественно немногочисленный класс помещиков-дворян (130 тыс. чел.) владел накануне революции огромными земельными имениями (70 млн дес. земли). К дворянам-помещикам примыкали и дворяне, не имевшие земельной собственности. Чаще всего это были представители дворянской бюрократии. Многие из них получили свое дворянство при достижении государственной службы определенного класса «Табели о рангах» — основного закона царской России, определявшего место любого чиновника в бюрократической иерархии России.

Еще законом от 9 декабря 1856 г. было установлено, что потомственное дворянство в гражданской службе давал IV класс «Табели о рангах» (действительный статский советник), в военной службе — VI класс (полковник, капитан первого ранга). Личное дворянство в гражданской службе давал IX класс (титулярный советник), а в военной службе — полученне первого обер-офицерского чина (в военное время — прапорщик, а в мирное — подпоручик, корнет, хорунжий). Потомственное дворянство давали ордена 1-й степени (Владимира 1—3-й степени), личное — все другие степени орденов.

[7] Табл. см. на стр. 301.

[8] Устное или письменное обращение в России до 1917г. именовалось титулом. Эта официальная форма обращения завнсела от класса «Табели о рангах» и была строго регламентирована. Частный титул совпадал с чином или должностью («тайный советник», «министр»). Более частое распространение имели общие титулы: к чинам I—II классов обращались «Ваше высокопревосходительство», к чинам III—IV классов — «Ваше превосходительство», V класса — «Ваше высокородие», V—VIII классов — «Ваше высокоблагородие», IX—XIV классов — «Ваше благородие». При обращении старших чинов к младшим сохранялся чаще всего только частный титул. Равные обращались друг с другом по имени и отчеству (в письменных документах на полях давался общий титул и фамилия), младшие обращались к старшим часто с общим и частным титулом (и по должности и по классу). К военным преобладало обращение по чину с добавленнем фамилии или без нее. К подпрапорщикам и унтер-офицерскому составу солдаты обращались по чину с добавлением «господин» («господин фельдфебель»).

Кроме титулов по чину и должности существовали титулы и по происхождению. Частными титулами здесь были: император, великий князь (для детей, а также мужчин — внуков императора, правнуков и праправнуков), князь императорской крови (более дальним родственникам императора), светлейший князь, князь, граф, барон, дворянин. К царю обращались как к «императорскому величеству», к великим князьям — «императорское высочество», к князьям романовской фамилии — «светлость», к князьям и графам — «сиятельство», к баронам и нетитулованным дворянам — «благородие». Для купцов 1—2-й гильдии была принята форма обращения «Ваше степенство».

В среде духовенства существовала особая иерархия с соответствующей формой обращения. Частная форма обращения соответствовала должностям: в среде черного духовенства — митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит и игумен; в белом духовенстве — протонерей, иерей (священник), протодьякон, дьякон. Общая форма титулования в отношении митрополитов и архиепископов была «ваше высокопреосвещенство», епископов — «ваше преосвещенство», архимандритов и игуменов — «ваше высокопреподобие». К митрополитам, архиепископам и епископам как архиереям (т. е. к административным начальникам епархий — духовных губерний) часто применялся титул «владыка». Было свое титулованне и в среде белого духовенства — протоиерей и иерей титуловались — «ваше высокопреподобие», а протодьякон и дьякон — «ваше преподобие».

[9] На государственную службу женщины стали привлекаться в царской России еще с 60-х гг. XIX в. (почта, медицинские учреждения, телеграф, учебные заведения и т. п.) В конце XIX в. в бюрократическом аппарате России служило уже 38 тыс. женщин (из них 29 тыс.— в учебных заведениях). (См.: ГБЛ РО, ф. 290, п. 80, д. 6.) В начале XX в. число женщин на государственной службе возросло. Особенно значительным был приток их на службу в годы мировой войны. Несмотря на это, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции женщины руководящих постов в государственном аппарате не занимали. Законодательство царской России не распространяло на женщин «Табель о рангах», а считало их служащими «по найму». Из орденов женщин награждали в царской России только орденом св. Екатерины (единственный женский орден в России).

[10] Вне «Табели о рангах» находились шенки, камергеры и камер-юнкеры; все они считались только почетными званиями. Не были включены в «Табель» также женские придворные звания — гоффрау, камер-фрау, фрейлины.

[11] Святейший синод — высший государственный орган царской России по делам русской православной церкви; был учрежден в 1721 г. Петром I. Св. синод существовал в XVIII — начале XX века и заведовал разнообразными категориями дел: I) чисто церковными делами (истолкование церковных догм, распоряжения по церковной обрядности, молитвам, утверждения жития святых, мощей, явлений «чудотворных» икон и т. п.); 2) церковно-административными делами (назначение и увольнение церковных должностных лиц, заведование церковными имуществами и финансами); 3) заведование церковным учебными заведениями (духовными академиями, семинариями, церковноприходскими школами), а также синодальными типографиями; 4) делами церковно-полицейского характера (борьба с ересями, заведование церковными тюрьмами); 5) судебными делами духовных лиц и мирян (богохульные, еретические, отлучение от церкви, бракоразводные дела и т. п.). Синод состоял из представителей черного и белого духовенства. Во главе этой духовной коллегии царское правительство ставило обер-прокурора из недуховных лиц (главным образом реакционеров — например, в XX в. К. П. Победоносцева, В. К. Саблера и других). В годы мировой войны на дела синода большое влияние оказывал Г. Распутин. Синод как государственное учреждение был упразднен 21 января 1918 г. декретом Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви. См.: *Ерошкин Н. П.* Указ. соч., гл. IV—XI; *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. Изд. АН СССР. М., 1958.

[12] В дореволюционной России существовали ордена восьми наименований, располагавшиеся по старшинству в следующем порядке (от старшего к младшему): Андрея Первозванного, Екатерины, Владимир 1-й степени, Александра Невского, Белого Орла, Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени, Станислава 1-й степени, Владимира 3-й степени, Владимира 4-й степени, Анны 2-й степени, Ста-

нислава 2-й степени, Анны 3-й степени, Станислава 3-й степени, Анны 4-й степени. Вне этой орденской «табели» находился орден Георгия Победоносца, которым награждались немногие представители комсостава армии и флота. С этим орденом не следует путать орденский знак Георгия (учрежден 1856 г.) —«солдатский Георгий»; им награждались во время первой мировой войны офицеры и солдаты. Так, в 1917 г. были целые батальоны георгиевских кавалеров. См.: Каталог отечественных орденов, медалей и наградных знаков. Л., 1962; *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. Путеводитель-справочник. Л., 1963.

[13] «К деревенской бедноте» (1903 г.). В. И. Ленин так характеризовал взаимосвязь самодержавия, бюрократии и полиции: «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес,— простому рабочему человеку никогда не продраться через этот лес, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновников за взятки, грабежи и насилия не доходит до света; всякую жалобу сводит на нет казенная волокита. Голос одинокого человека никогда не доходит до всего народа, а теряется в этой темной чаще, душится в полицейском участке. Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции». (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 137.)

[14] Градоначальник — административно-полицейское должностное лицо, управлявшее «градоначальством», территорией (чаще всего городом), выделенной из губернии и подчиненной непосредственно Министерству внутренних дел. Первоначально градоначальства были учреждены в некоторых южных торговых городах (Одессе, Таганроге, Феодосии, Керчь-Еникале и др.). В 1873 г.— в Москве. С учреждением градоначальства обычно упразднялась должность обер-полицмейстера или полицмейстера.

[15] Исправник — глава уездной полиции в дореволюционной России. Должность исправника была учреждена 7 ноября 1775 г. «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи», и до 1862 г. исправник избирался дворянами уезда, а затем стал назначаться правительством из местных помещиков. С 1862 г. исправник возглавлял уездное полицейское управление.

[16] Полицейский урядник — полицейская должность в местной полиции царской России. Полицейские урядники были учреждены законом от 9 июня 1878 г. в помощь существовавшим на местах становым приставам. (Подробнее устройство полиции в царской России в конце XIX — начале XX в. см. в кн.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, с. 231—233.)

[17] Сыскная полиция — разновидность полиции в царской России, занимавшейся уголовным розыском. Возникла в 70—80-х гг. XIX в. в условиях роста городов и роста преступности во вступившей на путь капиталистического развития России. В 1873 г. была учреждена сыскная часть при петербургском градоначальнике, в 1881 г.— сыскная часть при канцелярии московского обер-полицеймейстера. В конце XIX — начале XX в. сыскные отделения появились при полицейских управлениях ряда крупных городов России. Они ведали производством розыска и дознаний по уголовным преступлениям (грабежам, подлогам, убийствам и проч.). После свержения самодержавия сыскные части и отделения были преобразованы в учреждения уголовного розыска при органах буржуазной милиции Временного правительства (см.: Свод законов Российской империи. Т. 2. Спб., 1913, ст. 861; Указ 11 июля 1917 (СУ. 1917, ст. 1126).

[18] Жандармы — чины политической полиции в России. Как соединения появились в 10-х годах XIX в. Как «Корпус жандармов» оформился в 1827 г. (как «отдельный корпус» в 1836 г.). Деятельность и организация Отдельного корпуса жандармов были тесно связаны с III отделением Собственной е. и. в. канцелярии, заведовавшего делами политического надзора и сыска на всей территории России: главный начальник III отделения был шефом Отдельного корпуса жандармов. Положением о Корпусе жандармов от 19 сентября 1867 г. была изменена внутренняя организация корпуса: в каждой губернии было создано самостоятельное губернское жандармское управление (2 ПСЗ, т. 42, № 44956), которое занималось политическим наблюдением, политическим сыском, проводило аресты политически неблагонадежных лиц, вело дознание по их делам, передавало дела эти в прокуратуру, следило за судебным рассмотрением этих дел, конвоировало осужденных революционеров в места ссылки, каторги, заключения. С течением времени в связи с ростом революционного движения из ведения губернских жандармских управлений выделились дела по политическому сыску, обособившихся в Петербурге (1866), Москве и Варшаве (1880) в особых «секретных» отделениях. В начале XX в. эти отделения получили Положение о розыскных отделениях (см.: ЦГАОР, СССР, ф. 110, оп. 19, л. 154, 509); в 1903 г. эти отделения стали именоваться «охранными» или в просторечье «охранками» (там же). Между жандармскими управлениями и охранными отделениями отныне устанавливается своеобразное «разделение функций»: охранка выслеживает, собирает материалы, а жандармское управление производит аресты, ведет дознание. С 1880 г. и жандармские управления и возникшие позднее охранные отделения находились в ведении Департамента полиции Министерства внутренних дел. Подробнее об организации и деятельности Департамента полиции и всех подведомственных ему органов см.: *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975, с. 64—85.

[19] Земский и Городской союзы, Земгор — буржуазные общественные организации России периода первой мировой войны. Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов были созданы в июле — августе 1914 г. на базе существующих уже в России органов земского и городского самоуправления (земских собраний и управ в губерниях и уездах, а также городских дум и управ в городах). Первоначально эти всероссийские Союзы занимались только военно-санитарным делом (устройство лазаретов, госпиталей, санитарных поездов и проч.), но к лету 1915 г. трансформировали свою деятельность в снабженческую, стали заниматься снабжением армий всем необходимым. Во главе Всероссийского земского союза помещик-октябрист князь Г. Е. Львов (будущий министр-председатель Временного правительства со 2 марта по 2 июля 1917 г.); главноуполномоченным Городского союза был московский капиталист и городской голова М. В. Челноков, а его товарищами московский капиталист А. Гучков и киевский сахарозаводчик М. И. Терещенко (оба будущие министры Временного правительства). Земгор (Главный комитет по снабжению армии) — орган объединения и координации деятельности этих союзов; был учрежден в июле 1915 г. первоначально как координирующий орган, который постепенно приобрел самостоятельные функции по снабжению армии предметами производства кустарной промышленности. Земгор получил право создавать фронтовые и тыловые органы (уполномоченных); этих уполномоченных за их театрально-нарядную форму в народе иронически именовали «земгусарами». Подробнее о деятельности этих организаций см.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, гл. X.

[20] О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец, см. статью *Х. М. Астрахана* в журнале «История СССР», 1965, № 5, с. 93—95.

Оглавление

	От автора	5
I.	Внешний облик городов и улиц	7
II.	Городская мода	101
III.	Одежда рабочих и мастеров	125
IV.	Костюмы интеллигенции	136
V.	Одежда работников транспорта	141
VI.	Одежда общественного и частного обслуживающего персонала	152
VII.	Детский костюм	184
VIII.	Костюм учащихся	189
IX.	Одежда дворян и бюрократии	196
X.	Купеческая одежда	207
XI.	Одежда православного духовенства	211
XII.	Форма обращения и одежда в армии и военно-морском флоте	226
XIII.	Полиция и жандармерия. Структура аппарата и формы одежды	247
XIV.	Некоторые элементы быта и военный костюм в период первой мировой войны и Февральской революции (1914—1917)	260
	В. Шкловский. Художник кино	300
	Примечания	301

Яков Наумович Ривош

Время и вещи

Редактор **Я. А. Ярополов**
Художник **В. М. Вовнобой**
Художественный редактор **О. В. Чарнолусская**
Технический редактор **Н. С. Еремина**
Корректор **Н. П. Столповская**

ИБ. № 4040

Сдано в набор 18.08.89. Подписано в печать 01.06.90. А03446. Формат издания 84×108 1/16. Бумага тифдручная. Гарнитура типа таймс. Глубокая печать. Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 31,92. Уч.-изд. л. 35,176. Изд. № 15275. Тираж 30 000. Заказ 2329. Цена 12 руб. Издательство «Искусство» 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Отпечатано с пленок МПО «Первая Образцовая типография» в Московской ордена Трудового Красного Знамени типографии № 2 Государственного комитета СССР по печати. 129301 Москва, проспект Мира, 105.